

ОСНОВЪЯНЕНКО.

СОЧИНЕНІЕ

Григорія Данилевскаго.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ КВИТКИ, СПИМКОМЪ ЕГО ПОЧЕРКА И ДОМИКОМЪ ОСНОВЫ.

Предки. — Дѣтство. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варшава Сковорода. — Поступленіе въ монахи. — Физиономія монастыря. — Анекдотъ о бочкахъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ. — Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ—пѣмцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женильба. — Анна Григорьевна. — Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы. — Первые псевдоимы. — Комедія. — Заимствованы ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первые повѣсти. — Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства. — Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Дала. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ укубитаго медвѣдя. — Огорченія. —хлопоты о женѣ. — Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Аптиваріевъ. — Переписка Основьяненка. — Письма Квитки къ П. А. Илгнелю и Жуковскому. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Дала-Луганскаго. — Перечень сочиненій Основьяненка. — Сочиненія, изданныя при жизни. — Сочиненія, изданныя по смерти. — Неизданныя сочиненія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

Александрю Сынну Рейтману,
от издателя и автора. 1856 г. С. Шевард.

Петербург.

с посвящением А. Велбтман

...Въ прозрѣніи моей жизни я шесть
разъ сватался и на эту уже въ сердцѣ,
случайно, имъ подтвердивъ женился.....

Приморскій Вѣстникъ - основанъ
1816 года

ОСНОВЬЯНЕНКО.

СОЧИНЕНІЕ

ГРИГОРІЯ ДАНИЛЕВСКАГО.

*Съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и домикомъ
Основы.*

Предки. — Дѣтство. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варшава Сковорода. — Поступленіе въ монахи. — Физиономія монастыря. — Анекдотъ о бочкахъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтъ. — Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-пѣвцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театр. — Женильба. — Анна Григорьевна. — Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы. — Первые псевдонимы. — Комедія. — Заимствованы ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первые повѣсти. — Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства. — Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. П. Далю. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ укушеннаго медвѣдя. — Огорченія. — Хлопоты о женѣ. — Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ. — Переписка Основьяненка. — Письма Квитки къ П. А. Плетневу и Жуковскому. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Далю-Луганскаго. — Перечень сочиненій Основьяненка. — Сочиненія, изданныя при жизни. — Сочиненія, изданныя по смерти. — Неизданныя сочиненія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

19371.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 9 декабря 1855 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ*.

ДОМИКЪ ВЪ ОСНОВѢ,

Близъ Барькова,

Жилище Ф. Ф. Квитки - Пендованюка.

Фототаргисъ, рисовъ въ редакціи Публичнаго Библіотека

I.

Предки. — Дѣтство и потеря зрѣнія. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Варсавя Сковорода. — Нешданное письмо къ П. А. Плетневу. — Поступленіе въ монахи. — Физіономія монастыря. — Анекдотъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ.

Григорій Ѳеодоровичъ Квитка родился въ 1778 или 1779 году, 18-го ноября (1).

Мѣсторожденіе его подгородное харьковское село *Осно́ва*, принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1833 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненка*. Читатель увидитъ изъ нашей статьи, что Григорій Ѳеодоровичъ Квитка имѣлъ еще другіе псевдонимы, но мы удержимъ вездѣ имя «Основьяненка», такъ-какъ большинству читателей онъ болѣе извѣстенъ подъ этимъ именемъ.

(1) По словамъ П. И. Срезневскаго, въ его *письмѣ къ редактору «Москвитянина»* (1843 года, ч. IV, стр. 501—504), также въ его статьѣ: *о кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, въ 33 № за 1843 г. «Прибавленій къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», Квитка родился въ 1779 году. К. М.

Родъ Квитокъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ статьѣ своей о Харьковѣ и его исторіи (2), выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-спроту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квітка*, послѣ долгихъ походовъ, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ. Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые въ 1666 году. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго Полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусынно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія (3), помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою импе-

Семеновскій, въ статьѣ: *Г. О. Квитка* въ «Москвитяинѣ» 1843 г. часть V, стр. 411—426, говоритъ, что Квитка родился *въ 1778 году*; то же говоритъ и надпись на могильномъ памятникѣ. Объ Основьяненкѣ печатныхъ извѣстій мы нашли вообще очень-мало. Кромѣ названныхъ здѣсь небольшихъ очерковъ его жизни, вышедшихъ въ видѣ некрологовъ по его смерти, мы можемъ еще указать статью о немъ въ «Иллюстраціи» 1846 года, часть III, № 46, стр. 725, въ большой статьѣ Н. М. Семеновскаго: *Харьковъ*, причемъ (на стр. 227) приложенъ его *портретъ*; наконецъ въ «Литературной Газетѣ» 1843 года, № 35, нѣсколько словъ о немъ въ *некрологѣ*, и прекрасная статья о дѣтствѣ Квитки, въ томъ же году, въ «Литературной Газетѣ», № 37: *Воспоминанія о Г. О. Квиткѣ*, А. А. Корсуна.

(2) Въ «Молодикѣ» альманахъ П. Бецкаго, за 1843 годъ, ч. I, стр. 7, въ статьѣ подъ именемъ: *Основаніе Харькова, старинное преданіе*.

(3) Со словъ *И. Ю. Квитки*, бывшаго съ Основьяненкомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. И. Ю. Квитка бывалъ часто въ домѣ Основьяненка, и ему мы обязаны многими извѣстіями въ нашей статьѣ.

Российскій музей

ратрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободской Полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ, Иванъ Григорьевичъ Квитка, скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Федоръ Ивановичъ Квитка*, отецъ нашего автора, упоминается П. Вернетомъ ⁽⁴⁾ какъ радушный хозяинъ. «Я (говоритъ Вернетъ) не видалъ старика, ему подобнаго любезностью характера, рѣдкою простотою нравовъ и искусствомъ, шутя, сказать полезныя истины и отъѣннымъ даромъ приваровливаться ко всякому возрасту». Эти наивныя слова довольно-ясно изображаютъ отца Основьяненка. Такой человекъ не могъ не имѣть вліянія на первые годы жизни сына. Кромѣ нашего автора, у Федора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, по словамъ Н. Ю. Квитки, очень-образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, о которой мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Федоровичъ*, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ. Около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ его иначе не называли, какъ «Андрей Федоровичъ» и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ, по словамъ М. А. Коростовцевой, имѣлъ счастье принимать въ Основѣ покойнаго императора Александра; смолянныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, сиропилъ съ улыбкой: *Не во дворецъ ли я?* ⁽⁵⁾. Три сестры Квитки

⁽⁴⁾ «Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., ч. VIII, стр. 184, въ статьѣ: *Мысли о Харьковѣ*. Эта статья сопровождается подписью: *Основа, Иванъ Вернетъ*, и надписью: *посвящаю другу моему, Григорію Федоровичу Квиткѣ*.

⁽⁵⁾ Садъ Основы, гдѣ теперь бѣгаютъ стрые кролики, гдѣ устроены гимнастическіе аппараты, дорожки, усыпанныя оранжевымъ пескомъ, дугъ

по замужствѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской Улицѣ, противъ Дмитріевской Церкви, впоследствии жилъ онъ; *Елизавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненко скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти нашего автора (послѣ 1843 года). Авторъ нашъ, съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ (6). Исцѣленіе его, по словамъ одного изъ названныхъ нами некрологовъ, произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскойій Монастырь на богомолье (7). Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впоследствии, вмѣстѣ съ другими событіями, въ-особенности же вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно-замѣчательное событіе въ

передъ домомъ, и собраніе оранжерейныхъ растений и деревьевъ, растущихъ на воздухѣ, не найдеть себѣ соперниковъ во всемъ околоткѣ, какъ дѣйствительно рѣдкое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ вообще неглижируютъ роскошною украинскою флорою. Въ двухъ мѣстахъ съ балкона, черезъ просвѣты деревьевъ, видѣти Харьковъ. Побывши на Основѣ, мы поняли любовь нашего автора къ своему родному уголку.

(6) Г. Корсунъ, въ статьѣ *Воспоминанія о Г. Ѳ. Квиткѣ* (на стр. 767) говоритъ: «На рукахъ еще кормилицы, сдѣлался у него на глазу ячмень; кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, но не исцѣлили слѣпоты.»

(7) Г. Корсунъ рассказываетъ это такъ: «Дитячью еще онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ и, со слезами, бызало, просился въ церковь. Няня поспѣетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, несмотря на продолжительность ся, и плачетъ, если не застанетъ пачала». И далѣе: «Когда внесли его въ озерянскую церковь, малютка вдругъ спросилъ: Какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь?—Мнѣ светло! отвѣтилъ онъ, и такъ излечился.»

жизни Основьяненка, именно: поступленіе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь. Чтобъ объяснить эту рѣшимость въ молодомъ человѣкѣ того времени, бросимъ взглядъ на состояніе въ тѣ дни харьковскаго общества. Нашъ разсказъ частью основанъ на печатныхъ свидѣтельствахъ и частью на словесныхъ преданіяхъ; послѣднія вносимъ въ надеждѣ, что болѣе-вѣрные источники могутъ подтвердить или отвергнуть ихъ, и поэтому не ручаемся за ихъ достовѣрность.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернской городъ на торги и на ярмарки, запастись привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы или по тяжбынымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ «Духовный Коллегіумъ», имѣвшій очень-ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія нашего автора, появилось лицо, которому суждено было оставить глубокой слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый, туземный странствующій философъ, «Украинскій Діогенъ», какъ его называли тогда, и «Украинскій Ломоносовъ», какъ его называли позже, *Григорій Варсавя-Сковорода* ⁽⁸⁾. По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя обѣтъ монастырскій.

(8) Сочиненій о немъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, такъ мало, что мы для любопытствующихъ приводимъ здѣсь ихъ перечисленіе, въ надеждѣ скоро представить о немъ полную характеристику: 1) «Украинскій Вѣстникъ» 1817 года, въ Сѣбѣи, статья безъ подписи: *Сковорода, украинскій философъ*; 2) «Отечественныя Записки» 1823 года, часть XVI, стр. 96 и 249, статья, замѣтованная изъ біографіи, сочиненной ученикомъ его *М. П. К—скимъ*, подъ именемъ: *Сковорода*; 3) *Утренняя Звѣзда*, «Харьковскій Сборникъ», 1834 года, гдѣ

Сковорода появлялся во многих домахъ въ Харьковѣ. Его до-сихъ-поръ еще помнятъ немногіе старожилы, бывшіе тогда дѣтьми. Онъ бывалъ, между-прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Нашъ авторъ могъ видѣть его, будучи мальчикомъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, послѣ того, какъ онъ неожиданно избавился отъ слѣпоты. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже, какъ увидимъ ниже, онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для стѣнъ монастырскихъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ недавно-изданной, любопытнѣйшей и превосходной, въ отношеніи къ исторіи Слободской Украины, книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на

статья о немъ *П. И. Срезневскаго*; при ней приложенъ *портретъ Сковороды*; 4) Сковорода встрѣчается, еще въ повѣсти П. И. Срезневскаго *Майоръ* въ «Московскомъ Наблюдателѣ»; 5) «Телескопъ», изд. Н. Надеждинымъ, за 1835 годъ, часть XXVI, стр. 3, статья: *Григорій Варсавя Сковорода*, историко-критическій очеркъ, заимствованный изъ нѣмецкой рукописи: «Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-critische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der Slavischen Volkswisheit, in Briefen an I. G. Görres»; 6) «Bulletin du Nord», журналъ, издававшійся въ Москвѣ «Т. Laveau», за 1828 г., томъ 3, 9 сентября, стр. 149, статья г. Снегирева, подъ именемъ *Gregoire Savitsch Skoworoda, philosophe de l'Ukraine*; 7) *Исторія философіи архимандрита Гавріила*. Казань. 1840 г., ч. V, статья: *Сковорода*; 8) «Москвитинъ» за 1842 г., ч. VI, статья: *Преддверіе Сковороды*; 9) «Молодикъ, Украинскій Сборникъ Бецакаго» за 1844 г., стр. 229, статья В. И. Каразина, *Письмо къ издателю, съ приложеніемъ писемъ Сковороды* и статья П. И. Срезневскаго: *Письма Сковороды*; 10) Есть еще незначительныя статьи о Сковородѣ въ «Иллюстраціи» 1847 г., гдѣ снова приложенъ его портретъ, копія помѣщенного при «Утренней Звѣздѣ» и въ журналъ: «Jahrbücher für Slavische Litteratur, von Jordan»; наконецъ въ «Ивалдѣ» за 1854 г. № 94, 28-го апрѣля, приложено одно изъ неизданныхъ стихотвореній Сковороды, въ статьѣ В. Аскоченскаго: *Русскій Композиторъ Веделевъ*, которое начинается словами: «Ахъ, счастье, счастье бѣдное, злое!»—*Три пьесы Сковороды* помѣщены еще въ «Телескопѣ» 1831 г., ч. VI, стр. 578—583.

стр. 11-й) сдѣлана выписка изъ «Фамиліной лѣтописи Квитокъ», гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленка*, бѣлгородскаго епископа въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ нашего автора, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой же выписки, между-прочимъ, видно, какъ горячо любилъ этотъ высоко-чтимый окрестными жителями епископъ своихъ родственниковъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ*, съ іюня по августъ 1751 года. «Въ 1754 году съ *Иваномъ Ивановичемъ Квиткою*, отпра-вившимся ходатайствовать въ Москвѣ о *возвращеніи Квиткамъ* имѣнія Артемовки, отнятаго княземъ Трубецкимъ, преосвященный послалъ просительныя письма къ преосвященному Платону». Наконецъ, на мысли нашего автора имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посвященіе въ санъ монашескій друга отца его, артиллеріи поручика *Блелезцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго Монастыря⁽⁹⁾. Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго дяди его, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго Монастыря, куда поступилъ и нашъ авторъ⁽¹⁰⁾.

Такія преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прелушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился⁽¹¹⁾. Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ

(9) К. М. Сементовскій, «Москвитянинъ» 1843 года, статья *Г. О. Квитка*.

(10) «Ист. Стат. Опис. Хар. Епархіи» стр. 71.

(11) По словамъ г. Сементовскаго, въ статьѣ *Харьковъ*, его училъ на Основѣ монахъ Куряжскаго Преображенскаго Монастыря, подъ руководствомъ самого архимандрита. «Наркизъ Квитка» замѣчаетъ г. Сементовскій, «самъ старался развити въ ребенкѣ желаніе поступить въ монастырь, такъ-какъ самая школа, гдѣ онъ учился, была при монастырѣ, и, по окончаніи уроковъ, всѣ дѣти должны были присутствовать при богослуженіи».

письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 г, изъ Основы, слѣдующее: «Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть-можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту — все это было причиною, что я нерадѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что было подъ-рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался, и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междомѣтіяхъ, не могъ слушать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писатели «не бываютъ». Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!...*»

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожъ, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1793 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ Лейб-Гвардіи Конный Полкъ⁽¹²⁾; но черезъ годъ уже, 1794 года, по слабости здоровья (а, можетъ-быть, и по особымъ соображеніямъ родныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ кровомъ родительскимъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года: *не у дѣль*, при Де-

(12) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 3-го мая 1794 г., найденномъ нами, сказано: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Григорія Квитка, который Намъ въ Лейбъ-Гвардіи вахмистромъ служилъ, для егò, оказанной къ службѣ нашей ревности и прилежности въ Наши отъ арміи въ капитаны пожаловали и учредили». —Замѣтимъ, что Квитка никогда не былъ въ Петербургѣ.

партаментъ Герольдін. Надъ этимъ онъ впоследствии самъ труппилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дьяка коллежскій протоколистъ, илюющій хожденіе по тлѣбнымъ дьякамъ и по денежнымъ взыска- ніямъ* (13). Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ Сѣверскій Карабинерный Полкъ (14). Указомъ Императора Павла I отъ 5 января 1797 года, онъ опредѣленъ въ Харьковскій Кирасирскій Полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку (15). Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣз- неннаго дѣтства, опять возымѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того на- строенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и, на двадцать- третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Ку- ряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутка- ми (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ (16).

Посмотримъ теперь на мѣсто, куда перешелъ нашъ авторъ.

Куряжскій Преображенскій Монастырь находится въ восьми верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ. Мѣстность

(13) «Вѣстникъ Европы», изд. Михайломъ Каченовскимъ. Москва, 1820 г., статья *Письма къ Лужницкому старцу*.

(14) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 18-го октября 1796 г., предписывается: «Капитану Сѣверскаго Карабинернаго Полка Григорю Квитка слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ». Найденный нами указъ выданъ изъ Государственной Военной Коллегіи.

(15) Съ этими официальными свѣдѣніями совершенно несогласны пока- занія г. Сементовскаго, въ его статьѣ (на стр. 397, 2-й столбецъ), вѣ- роятно, взятая изъ невѣрныхъ источниковъ.

(16) По словамъ г. Сементовскаго, *семь лѣтъ*; но это не вѣрно, по прямому вычисленію.

его очень-живописна ⁽¹⁷⁾. На возвышенности, окруженной съ трехъ сторонъ садами и одинокими купама деревьевъ, изъ станицъ Ольшаной, онъ видѣнъ за восемь верстъ. Обрывы горы на западной и сѣверо-западной сторонахъ его, покрытыя зеленью, дикн и картинны. Самую же лучшую особенность его мѣстности составляютъ ключи, бьющіе изъ кремнистыхъ реберъ горы, водою холодною, чистою, легкою и здоровою. Встарину, вилоть отъ Харькова до Куряжа, былъ глухой, непроходимый лѣсъ. Разнообразили эту мѣстность одни сѣнные покосы по берегамъ сосѣднихъ рѣчекъ. Пасѣка, надъ рѣчкою Куряжьёю, тамъ, гдѣ теперь монастырь, была единственнымъ жильемъ въ окружности. Она послужила къ выбору мѣста для постройки монастыря, который и возникъ въ концѣ XVII вѣка ⁽¹⁸⁾.

Въ годъ поступленія нашего автора въ число монастырской братіи, харьковская епархія изъята была изъ вѣдомства бѣлгородскаго духовнаго правленія, и назначенъ былъ особый епископъ, въ санъ котораго вскорѣ избранъ *Христофоръ Сулима*, бывшій на этомъ мѣстѣ съ 1799 года по свою кончину, до 1813 года. Близость монастыря къ Харькову была всегда причиною, что тамошніе епископы избирали его любимымъ мѣстомъ для своихъ поѣздокъ въ окрестности. Епископъ Сулима тотчасъ замѣтилъ молодаго послушника и часто бралъ его съ собою изъ монастыря въ городъ. Старожилы харьковскіе до-сихъ-поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ парадѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго ⁽¹⁹⁾. Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволило ему принять

⁽¹⁷⁾ Подробно описанъ въ «Очеркахъ Россіи» *Пасека*, часть IV, стр. 148—158.

⁽¹⁸⁾ «Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи» стр. 53—80, статья: *Куряжскій Монастырь*.

⁽¹⁹⁾ Со словъ Н. К. Мавроди.

постриженія, и онъ возвратился въ домъ родителей. По словамъ г. Кореуна, Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отропившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя убѣжденіямъ его, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы. Рассказываютъ о немъ анекдотъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. ⁽²⁰⁾ Силы постоянно измѣняли ему. Однажды повезъ онъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковѣ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодого человѣка и стали кричать: «Квитка, Квитка!..» Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. ⁽²¹⁾ Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, на прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка, и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относится большая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью, каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся*, *Божьи дѣти*, *Сердечная Оксана* и *Ганнѹся*. Кромѣ отдѣльных мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историче-

⁽²⁰⁾ По словамъ г. Кореуна, онъ «со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ». По словамъ же П. Ю. Квитки, въ комнатѣ молодого послушника стояло привезенное имъ туда фортепяно, висѣла на стѣнѣ флейта, и будущій писатель сочинялъ духовные концерты для пѣнія.

⁽²¹⁾ Со словъ Д. С. Левшина.

скаго содержанія, каковы: *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Иосафа Българскаго; Кіевъ 1836 года*, и рассказъ: *О святой мучениць Александръ цариць* (22). Мы разбираемъ все это, потому, что до-сихъ-поръ надъ этимъ не останавливался еще ни одинъ изъ некрологовъ Основьяненка. А событіе, изложенное нами, одно изъ интереснѣйшихъ въ многообразной жизни нашего автора.

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять приглядѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника; ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣдни по праздникамъ и, по словамъ Н. Ю. Квитки, большую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и, хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь, съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ (23), началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, просиживалъ онъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная землякамъ его веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежуткахъ

(22) Напечатана въ «Звѣздочкѣ» 1843 г., часть VII, стр. 1—14.

(23) Вообще Основьяненко имѣлъ какую-то особенную страсть къ огню. Въ письмѣ къ намъ изъ Таганрога, отъ 10-го апрѣля 1854 г., г. Корсунъ пишетъ: «Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажечь, бывало, спичку да и пойдетъ съ нею по свѣчамъ». Онъ говорилъ: «Пусть мой біографъ не забудетъ этой странности...»

1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи вызвала окончательно его изъ бездѣйствія. По словамъ Н. Ю. Квитки, онъ подвергся тогда уже сатиры одного бойкаго пересмѣшника, кольцувашаго его за непостоянство характера довольно-злою эпиграмою. Въ 1806 году онъ снова, и въ послѣдній уже разъ, опредѣлился въ военную службу, по Провіантной Коммисіи, въ милицію Харьковской Губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Василій Каразинъ. — Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-вѣщцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женитьба. — Анна Григорьевна.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ Университетъ. Первая мысль о немъ принадлежитъ Василію Назарьевичу *Каразину*. О Каразинѣ писали очень-мало, и потому скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. У читателей, вѣроятно, въ памяти, какъ, еще два года назадъ, въ одномъ московскомъ изданіи его смѣшивали съ Карамзинымъ. На удивленіе при его имени одного изъ московскихъ студентовъ, въ тридцатыхъ годахъ, Каразинъ отвѣтилъ: «Э! вы, кажется, меня смѣшиваете съ Карамзинымъ? между нами одна только маленькая разница, въ буквѣ *мыслете!*»

Каразинъ происходилъ отъ господарскаго молдавскаго рода Караджі, переселившагося, вмѣстѣ съ другими фамиліями, въ слободскіе полки, въ

1711 году. Онъ родился въ 1773 году, 30-го января. Учился онъ сначала въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ; на 18-мъ году уѣхалъ въ Петербургъ и сталъ посѣщать лекціи Горнаго Корпуса. Пользуясь свободою, которая тогда предоставлялась молодымъ гвардейскимъ офицерамъ отлучаться, когда пожелаютъ, изъ столицы, онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ и осмотрѣлъ многія губерніи; потомъ онъ затѣялъ путешествіе за границу; оно, однако, не состоялось. Онъ задумалъ бѣжать и бѣжалъ; но былъ задержанъ въ Ковно. Это случилось въ царствованіе Императора Павла. Государь простилъ молодого бѣглеца и опредѣлилъ его къ гражданскимъ дѣламъ, въ Канцелярію Медицинской Коллегіи. Въ формулярномъ спискѣ Каразина, находящемся нынѣ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собственноручными его «Записками, съ 1820 года» по которымъ мы вскорѣ постараемся представить о немъ также подробную характеристику, говорится: «*Въ 1800 году*, за собраніе матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи, также и по исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго асессора». Далѣе: «*Въ 1810 году*, за труды, кои были извѣстны лично блаженной памяти государю императору Александру Благословенному, пожалованъ черезъ чинъ, въ коллежскіе совѣтники»; — «*Въ томъ же день* награжденъ богатымъ перстнемъ»; — «*За продолженіе оказанныхъ трудовъ удостоенъ, въ разное время, нѣсколькихъ, весьма милостивыхъ, собственноручныхъ рескриптовъ его величества*»; — «*Въ томъ же году избранъ, отъ Слободско-Украинскаго Дворянства, депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи*». — *Въ 1802 году*, сентября 8 го, при образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, и наконецъ: «*Въ обоихъ сихъ званіяхъ подавъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковъ университета, который высочайше и утвержденъ въ 1803*». — «*Послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оныи изъ двухъ губерній 618-ти тысячъ рублей серебромъ, уклонился отъ высочайшей награды за сей подвигъ*» — и «*продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежавшаго*

къ упомянутому университету, по надобности художниковъ въ Харьковѣ, доставилъ туда 32 семейства иностранныхъ мастеровъ, на собственномъ иждивеніи». Такъ говоритъ неизданный до нынѣ формулярный списокъ...

Подвигъ Каразина въ основаніи университета былъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что почти все тѣ лица, которыхъ онъ въ двадцати-осмидневный отпускъ свой въ Харьковъ, являсь среди дворянскаго собранія, силою слова и на колѣняхъ (такъ рассказываютъ очевидцы) умолилъ подписаться на открытіе высшаго ученаго заведенія для края, были тогда еще очень-далеки отъ подобныхъ мыслей. Одна рѣчь Каразина, сказанная при этомъ дворянамъ, вызвала на мѣстѣ подписку до ста тысячъ руб. серебромъ ⁽²⁴⁾. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ, въ обществѣ, при насъ, объ этой рѣчи и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ въ собраніи престарѣлыхъ дворянъ тридцатилѣтнимъ ораторомъ, который съ своимъ ученымъ замысламъ и надеждами былъ такъ новъ для глазъ мирнаго края. Семейство Квитокъ осталось также нечуждо въ приношеніяхъ пособій для открытія университета. Основьяненко всю жизнь съ восторгомъ говорилъ объ этой заслугѣ Каразина, и въ статьѣ своей «Харьковъ» ⁽²⁵⁾ упоминаетъ съ увлеченіемъ о дѣлѣ, которое *сдѣлалось полезнымъ не только краю, но и отечеству*. Университетъ былъ открытъ. Профессора и слушатели наполнили зданіе, бывшее до того времени дворцомъ, въ которомъ останавливалась П. Екате-

⁽²⁴⁾ Напечатана въ «Молодикѣ», на 1844 годъ ч. 5, стр. 245, подъ именемъ: «Рѣчь, говоренная, августа 31 дня, въ собраніи харьковскаго дворянства, депутатомъ его, В. Н. Каразинимъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ Харьковѣ Университета». Тутъ же напечатана любопытная *копія съ протоколовъ дворянства и купечества*, предъ основаніемъ въ Харьковѣ Университета, 1802 года, октября 1-го, стр. 271.

⁽²⁵⁾ «Современникъ», 1840 года, № XX-й, стр. 123.

рица II, въ свою поѣздку на югъ. Въ Харьковѣ также явились вызванные изъ-за границы Карзиннымъ типографчики, переплетчики, часовыхъ дѣлъ мастера, столяры, рѣзчики, слѣсаря, каретники и бузницы. Харьковъ преобразился, и скоро новая уметвенная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украйны, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появилось разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ.

За недостаткомъ болѣе-подробныхъ матеріаловъ для обрисовки тогдашняго «новаго общества», приведемъ найденное нами. Прежде всего представляется вопросъ: какъ развивалось, до университета, то поколѣніе, которое явилось потомъ дѣятелемъ въ литературѣ? Помѣщики того времени имѣли обыкновеніе брать для своихъ дѣтей учителей на домъ. Жизнь Сквороды оставляетъ намъ примѣры этого ученія. Но мы нашли еще одинъ любопытный документъ, который сообщаемъ здѣсь вполне, чтобъ показать, среди какого міра явилось уметвенное движеніе края. Этотъ документъ называется: *Условіе помѣщика съ учителемъ* за сорокъ лѣтъ назадъ (напечатанъ въ 1844 году, въ «Молодикѣ» на 1844 г., стр. 226—228). Вотъ онъ цѣликомъ изъ черниковаго, писаннаго рукою занимавшаго учителя; сохраняемъ правописаніе, чтобъ показать, какъ двинулось у насъ на югѣ просвѣщеніе, въ эти полвѣка:

«1800 года, Октябра 7-го дня, я ниже подѣсившійся прусскою націе *Фридрихъ Лотъ* обо вязалъ ся съмъ контрактомъ ответушенія моего въ должность жить годъ вдома харковскаго уезда у господина помещика подполковника К* — обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому языку Граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ Арифметики и за сномъ его К*: иметь неуениное смотреніе за поведенемъ ево и доставлять всякое ему благоправие какъ воспитанію благородному дитяти принадлежить безъ малейшаго унущения

вестъ себя всегда трезво и добропорядочно какъ честному человѣку принадлежить быть для хорошова примеру впротивномъ же случае за несмотренне мое или пьянство и худые поступки повиненъ я Лоту отвѣчать по законамъ и по прохожденне зимнихъ месяцевъ мне Лоту за его снгомъ, уже болея несмотреть и детей не учить, а встушить мне вдолжность *Садовничю*. И старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплицы цветники и парники крития алей ранжирею и огородни пересаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самымъ некуснымъ образомъ по сей должности старатца не леностею делать приобретения разныя размноженю фруктовыхъ деревьевъ, даби неуеиннымъ раченнемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ пахвалу и награжде не какия-жъ до садовнаго искусства потребни будутъ инструменти и матеріали тоже потребное число людей рабочилъ онъ К* долженъ по требованню моему дать мнѣ и определить учениковъ двухъ особую комнату для отапливанна которой на каждую педѣлю по возу дровъ для услуги жени моей дѣвчонку или женщину какую на ихъ одеждѣ а только на моихъ харчахъ, котория мне Лоту получить вгодъ отъ егоже К* шеницы пять и ржи четыре, крупъ одну, шена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четырнадцать четвертей; масла коровьево пудъ, масла поснова ведро, сала свинова два пуда, соли два пуда, свѣчнова сала топленого пудъ, уксусу ведро, наливки два ведра, горячаво вина три ведра, солонины четыре пуда, вичины пудъ, свѣжаво мяса шесть пудъ и пристойное число крѣшева и свекли квашеной, и годоваго жалованья сто двадцать рублей, за первую половину получить впередъ года, а за вторую при окончаніи онаго, и паспортъ свой вручить мнѣ ему К*; буде же я хотя окажуся въ силъ должностяхъ *незнающъ и нерачительнымъ*, то вольно ему меня отпустить, заплата за тотъ термелъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево провинзію, а прочее все то, что я заслужу...»

Жизнь такихъ учителей превосходно описана въ романѣ Основьяченва «Панъ Халявскій». Авторъ нашъ, какъ не безъ основанія по-

этому думаемъ, въ первое время, вѣроятно, прошелъ черезъ руки такого же учителя. Было въ Харьковѣ еще два-три жалкіе частныя пансіона; но ихъ не стоитъ и упоминать. Все они были заведены прусскими или французскими эмигрантами, и только доставляли способъ наживать-ся учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, поелъ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Мундиры, какъ студенты, такъ и профессора, надѣвали только въ большіе праздники. На лекціи являлись, въ чемъ пошло. Желтые фраки и синіе брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ — все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ Университетъ обогатился замѣчательными профессорами. По ходатайству Каразина, изъ-за границы приглашены были, между-прочимъ, знаменитые *Лапласъ* и *Фихте*; они советъ готовы были переселиться въ Россію; дѣло не состоялось по небольшимъ средствамъ Университета. Славный европейскій библіографъ *Брюне* также соглашался переѣхать на югъ Россіи, что мы недавно узнали изъ письма перваго харьковского попечителя, *Северина Осиповича Потоцкаго*, къ Каразину, которое хранится въ числѣ автографовъ въ Публичной Библіотекѣ ⁽²⁶⁾. Попечитель, о которомъ до-сихъ-поръ съ восторгомъ говорятъ тѣ, которымъ памятна старина харьковская, горячо любилъ прекрасное молодое общество студентовъ. Опредѣленные имъ профессора оправдывали его вниманіе ⁽²⁷⁾. Представляемъ

⁽²⁶⁾ См. «Отчетъ Публичной Библіотеки за 1852 годъ» въ описаніи новыхъ приобрѣтеній, по части автографовъ и рукописей, стр. 40.

⁽²⁷⁾ Въ «Жур. Мин. Н. Просвѣщенія», 1855 г. іюль. V Отд. — напечатана статья профессора Харьковскаго Университета г. Рославскаго-Петровскаго: *Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія*. Здѣсь онъ говоритъ о празд-

здѣсь ихъ краткую характеристику, для полноты нашего очерка, тѣмъ болѣе, что только при пособіи ихъ явилось литературное движеніе въ Харьковѣ, въ степной глуши. Любимѣйшимъ изъ профессоровъ былъ *Иванъ Степановичъ Рижскій*, профессоръ русекой словесности. Онъ написалъ «Риторику» и «Введеніе въ кругъ изящной словесности». Частная жизнь этого суроваго педагога и оратора подавала поводъ острымъ языкамъ издѣваться надъ нимъ; и однажды, когда онъ, съ поэтическимъ жаромъ, своею цвѣтистою фразеологіею, объяснялъ ученикамъ красоты поэмы *Модная жена* Дмитріева и сказалъ о *ревнивомъ мужь*, что онъ съѣлъ въ экипажъ, запыхтѣлъ и двинулся въ путь—громкій хохотъ аудиторіи покрылъ его рѣчь, потому-что добрый старій профессоръ здѣсь разсказывалъ собственную жизнь. Одинъ изъ учениковъ его говорилъ намъ, что, несмотря на это, однако, Рижскаго все почитали, и когда онъ умеръ, въ 1810 году, то въ университетѣ

пествъ открытія этого Университета 17-го января 1805 года: «Трехдневная паломниція, роскошное угощеніе публики, великолѣпная ораторія, сопровождавшая это торжество, составляли необыкновенное событіе въ льготнейшій экромной жизни тогдашняго Харькова; и многіе изъ украицкихъ старожиловъ доселѣ живо воспоминають, какъ о вѣщнемъ блескѣ праздника, такъ и о произнесенныхъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, между-прочимъ, о рѣчи ученаго попечителя, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и въ-особенности о прекрасно-придуманной эмблематической апотеозѣ императора Александра I, въ которой соединены были воспоминанія классическія съ дѣйствительностью. Въ храмѣ славы, воздвигнутомъ въ іоническомъ стилѣ, возвышалась прозрачная картина, изображавшая императора въ марсовомъ одѣяніи, подающимъ руку Аполлону.» Изъ профессоровъ Университета авторъ называетъ: профессора *Россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи*, занимавшаго эту кафедру съ учрежденія Университета по 1811 годъ. Рижскій читалъ лекціи по Влѣру, Ваттѣ и Эшенбургу, употребилъ въ первый годъ по четыре, а потомъ по шести часовъ въ недѣлю на чтеніе риторики, причемъ занималъ слушателей разборами эстетическими лучшихъ отечественныхъ писателей. По словамъ автора, молодые люди выходили изъ Университета съ многостороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ. Любопытно, между-прочимъ, что тѣсная связь всеобщей

ской залѣ, въ торжественномъ собраніи, ему сказано было самое теплое надгробное слово. Другимъ любимцемъ студентовъ былъ *Шадъ*, по 1817 году профессоръ философіи, выписанный изъ Марбурга. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ, страстно любилъ музыку и малороссійскія паливки, и любимой дочери своей, ученой красавицѣ, далъ имя дочери Цицерона, Тулліи. Красавицу Туллію студенты воспѣвали въ стихахъ и прозѣ; печальную судьбу ея въ гувернанткахъ, чѣмъ она была послѣдствіемъ, по выѣздѣ отца ея, въ 1817 году, за границу, до-сихъ-поръ помнятъ многіе. Шадъ оставилъ по смерти любовитное и рѣдкое сочиненіе «Selbstbiographie» въ трехъ томахъ. Каоодру словесности, послѣ смерти Рижскаго, занялъ Иванъ Евсеѣвичъ Срезневскій, отецъ нынѣшняго академика и профессора въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Трудолюбиемъ и добросовѣстностью онъ снискалъ

исторіи съ естественными науками, недавно нашедшая между нашими соотечественниками ревностнаго поборника въ покойномъ нынѣ, московскомъ профессорѣ Грановскомъ, понята была Харьковскимъ Университетомъ въ то время, когда и на западѣ Европы еще мало обращали на нее вниманія. Въ 1808 году, по случаю перваго выпуска студентовъ, лучшіе воспитанники уже читали свои сочиненія передъ публикою. Сколько видно по спискамъ рѣчей и сочиненій, приведенныхъ авторомъ, харьковскіе профессора уже тогда давали литературный отгънокъ обществу Университета. *Рижскій* писалъ о изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о славянскомъ языкѣ въ-древности и наконецъ о томъ, что «внимательное упражненіе въ Россійскѣмъ словѣ внушаетъ любовь къ Отечеству». За нимъ слѣдомъ шли: *Успенскій*, Стойковичъ, Шадъ, Баллепъ-де-Балю, Умлауфъ, Шумляскій, Гизе, *Осиновскій* (профессоръ философіи), Делавинъ, Тимковскій, Шаки-де-Савиньи, Борзенковъ, Дюгуровъ и *Ив. Срезневскій*, авторъ сочиненія: «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ». Въ 1806 г. *Рижскій* издалъ уже: «Введеніе въ кругъ Словоесности» и «Опытъ Риторики». Кромѣ трудовъ кабинетныхъ, профессора ѣздили по окрестнымъ степямъ и селамъ, изслѣдуя рѣки, озера, азролиты, флору и бытъ общественный мѣстнаго края. Въ концѣ 1810 года Харьковское Общество уже послало задатки рѣзлага учено-литературнаго міра...

у слушателей ту же любовь, какую пользовался его предшественникъ, Рижскій, и вмѣстѣ съ Разумникомъ Тимошеевичемъ Гонорскимъ (воспитаникомъ 4-го Педагогическаго Института, заброшеннымъ въ уѣздное училище и неожиданно-призваннымъ въ адъюнкты Харьковского Университета, когда его замѣтила инспекція харьковскихъ училищъ) вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ ⁽²⁸⁾, Евграфомъ Филомаонскимъ и Петромъ Петровичемъ Гулакомъ-Артемовскимъ ⁽²⁹⁾, положилъ основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ. Эта дѣятельность развернулась въ изданіи разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти все малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали все пишущіе тогдашніе профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки. Множество стихотвореній Н. Е. Срезневскаго, его переводы псалмовъ и стансы разбросаны также по этимъ журналамъ. Когда онъ умеръ, въ 1819 году, одинъ изъ студентовъ, учениковъ его, Райдаровскій, подошелъ ко гробу, съ прощальнымъ стихотвореніемъ, и сказавъ :

Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ,
Я приближаюсь къ гробу твоему!

хотѣлъ прочесть еще нѣсколько строкъ изъ прощальнаго слова, и залился горькими слезами, въ присутствіи множества свидѣтелей печальной церемоніи. Упомянемъ еще одну извѣстность Харьковского Университета. Это былъ профессоръ греческой и французской словесности, Балець де-Балю, «*membre de l'Académie des Inscriptions de Paris*» у котораго была хорошенькая дочь—также предметъ элегій и нѣжныхъ

⁽²⁸⁾ Скончался въ 1831 г., отъ холеры, въ Петербургѣ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ.

⁽²⁹⁾ Приглашенъ, около 1812 г., въ Университетъ читать польскую словесность и всеобщую исторію; впоследствии сдѣлался извѣстенъ стихотвореніями на малороссійскомъ языкѣ.

тансовъ молодыхъ его слушателей, именемъ Аспазія. Но—увы! дочь постоянно болѣе привлекала вниманіе сердець университетскаго юношества, чѣмъ лекціи славнаго membre de l'Académie des Inscriptions de Paris. У Балея де-Балю иногда бывали только... три слушателя. Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго Университета. Число слушателей скоро возросло до 200. Дешевизна жизни студентовъ, которымъ домоуды-родители присылали мало денегъ, была въ то время замѣчательна. Квартира со столомъ и прислугою, не далеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 р. ассигнаціями въ годъ. Эта девовая жизнь студентовъ имѣла тѣ послѣдствія, что, напримѣръ, въ Университетѣ считался въ числѣ слушателей, выродокъ чуть не пятнадцати лѣтъ, нѣкто Сила Абрамычъ Цыцуригъ, который долженъ былъ, незадолго до нашихъ дней, оставить Университетъ, некончивъ курса потому только, что вышелъ законъ, предписывавшій студентамъ оставаться въ одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Начальство харьковское старалось исподоволь доставить городу развлеченія. Заведенъ былъ «дворянскій клубъ» въ домѣ Чересова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Содержатель его, бывший фехтовальный учитель при Университетѣ, Ле-дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изо вѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экосезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человекъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей, а наконецъ *директоромъ танцовальнаго клуба*. Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *Институтъ для дѣвицъ*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ Институтѣ, сталъ издавать первый харьковскій журналъ. Скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 года. Въ Харьковѣ, въ началѣ 1812 года, возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго Дворянскаго Собранія. Директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко и сохранялъ это званіе до 1816 года. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно братья за всякое дѣло, онъ до-того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году, онъ напечаталъ любопытную «Исторію харьковскаго театра, отъ старинныхъ временъ» (30). Заимствуемъ изъ этой статьи главныя черты. Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансёромъ Пваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то «малярівна» (31) и «Лизка». Новый правитель губерніи съ 1789 года, Кишёнскій, все оживилъ и возродилъ. Театръ также былъ устроенъ и открытъ въ особомъ зданіи. Любопытны цѣны тогдашнихъ спектаклей. Самъ театръ былъ открытъ въ мѣсяцъ, на сумму 100 руб. асс., собранную по подпискѣ. Потомъ учредили родъ абонементъ. Ложа, въ этомъ абонементѣ, на годъ стоила 50 р. асс., кресло на годъ 10 р. асс. Театръ открытъ пьесою Княжнина «Безъ обѣду, домой ѣду». Все шло хорошо. Скоро афиши объявили, что будетъ играть *никто* господня Москвичевъ. Публика повалила въ театръ. Новый дебютантъ долженъ былъ явиться въ пьесѣ «Трубочистъ князь, князь Трубочистъ». Первый выходъ его состоялъ въ томъ, что трубочистъ проваливается на сцену, въ трубу камина, и поетъ веселый куплетъ. Москвичевъ провалился, открылъ ротъ и замолчалъ... Онъ хотѣлъ въ ту минуту провалиться сквозь землю! Передъ нимъ, въ креслахъ партера, какъ разъ въ первомъ ряду, сидѣлъ заѣзжій орловскій губернаторъ, который на то время

(30) «Лит. Газета» 1841 г., № 114 и 115.

(31) Дочь маляра.

былъ приглашенъ въ театрѣ; а Москвичевъ былъ не кто иной, какъ бѣглый орловскій сержантъ, повинувшій мѣсто службы «изъ любви къ искусству!» Губернаторъ зналъ его лично еще въ Орлѣ, гдѣ онъ игралъ въ домавшихъ спектакляхъ въ казармахъ, и захотѣлъ поддержать своего знакома. «Не робѣй, Дмитрій! не робѣй!» сказалъ онъ изъ кресель громко, и Москвичевъ искусно доигралъ свою роль. Послѣ театра старшій и новшій начальники Москвичева условились, и онъ тутъ же былъ зачисленъ въ харьковскую труппу актѣровъ. Между-прочимъ, Основьяненко рассказываетъ, что этотъ Москвичевъ позволялъ себѣ на сценѣ любопытныя вольности, вызывавшія обыкновенно громкія одобренія. Иногда неожиданно онъ вклеивалъ въ роль разныя имена, à propos. Напримѣръ, онъ пѣлъ:

Я вамъ, дѣтушки, помѣга —
У Барнова денегъ многа!

Пил:

Я вамъ, дѣтушки, помѣга —
У Манухина денегъ многа!

Названые по имени сидѣли въ театрѣ, отмалчивались, причемъ Москвичевъ переходилъ къ другимъ, или развязывали кошельки, вынимали ассигнаціи, а иногда и цѣлкомъ бросали на сцену кошельки, полныя цѣлковыхъ. Москвичевъ принималъ бросаемое, какъ теперь принимаютъ букеты, низко раскланивался и начиналъ опять играть. Любопытныя воспоминанія нашего автора копчаются свѣдѣніями объ учителѣ танцованія Штейнѣ, который содержалъ театръ съ 1816 года. У этого Штейна явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курекой Губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щенкинъ... По словамъ Н. Ю. Квитки, его появленію въ Харьковѣ предшествовала афера Штейна, который сформировалъ труппу изъ пятнадцати крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, показалъ ихъ въ Коренной Ярмаркѣ и уступилъ извѣстному богачу Каменскому, за 30.000

р. асс. Щепкинъ , по его же словамъ . появлялся сперва въ драмахъ и трагедіяхъ , гдѣ игралъ роли прищевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему : «Эхъ , братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жюкрисы!» Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ намъ замѣтилъ, между-прочимъ, что въ драмѣ «Желѣзная Маска» онъ исподоволь въ Харьковѣ сыгралъ всѣ роли , отъ часового , лакея , офицера и до герцоговъ. Не игралъ только самой Маски... Любопытенъ одинъ случай во время его жизни у Штейна. Щепкина отпустили въ Москву посмотреть тамошній театръ. Онъ прожилъ въ Москвѣ день, побывалъ въ театрѣ , взглянулъ на тогдашнюю игру и тогдашнихъ актёровъ, и явился къ человѣку, который его привезъ въ Москву. «Отпустите меня уже домой!»—«Какъ, такъ скоро? Чтѣ за причина?»—«Да надо ѣхать домой : прожился советѣмъ ; дорого въ Москвѣ!» И онъ , по словамъ Основьяненка, уѣхалъ въ Харьковъ, не сочтя долгомъ болѣе всматриваться въ игру московскихъ актёровъ.—М. С. Щепкинъ говорилъ намъ, что это нѣсколько неточно , если ему не измѣняетъ память ; потому что въ Москвѣ тогда были люди , отъ которыхъ онъ много пріобрѣлъ въ своемъ сценическомъ развитіи. Самъ М. С. Щепкинъ занялъ въ трупахъ Штейна мѣсто послѣ комика Угарова , о которомъ онъ отзывался съ большою похвалою и который тогда уѣхалъ въ Екатеринославль. По словамъ знаменитаго артиста , Квитка своею изворотливостью способствовалъ тому, что опера Котляревскаго «Наталка-Полтавка» поставлена впервые въ Харьковѣ. Она, безъ цензуры, сперва дана была въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Рѣшнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему : «Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актёра и просите оффициально дать, за поспѣшностью, Наталку Полтавку, пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы». Пьеса была дана...

Званіе директора театра Основьяненко бросилъ, по случаю занятій по Институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впоследствии не одинъ разъ въ его литературныхъ трудахъ для сцены. Штейнгъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда перешелъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостію въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренѣровъ.

Въ это время, съ легкой руки Каразина, вошло въ моду заводить разныя общества съ благотворительною цѣлью. Въ 1811 году Каразинъ учредилъ, Высочайше потомъ одобренное, «Филотехническое Общество». Что жъ это было за общество? Въ брошюркѣ, изданной въ 1811 году ⁽³²⁾, разсматриваетъ Каразинъ незавидное, грубое, первобытное направленіе южнаго хозяйства и предлагаетъ землякамъ завести центральное учрежденіе для «распространенія разумныхъ познаній о лучшихъ сторонахъ сельской промышленности» и «для заведенія и распространенія образцовыхъ хозяйственныхъ фермъ и фабрикъ». Онъ написалъ «Уставъ Общества», дворяне его подписали, а учредителю предложили мѣсто правителя дѣлъ. Общество начало дѣйствія съ успѣхомъ, подъ руководствомъ Каразина, который не переставалъ подавать проектъ за проектомъ, и всѣхъ поднималъ на ноги ⁽³³⁾.

Успѣхъ «Филотехническаго Общества» вызвалъ у дворянъ мысль основать «Благотворительное Общество», и́что въ родѣ Петер-

⁽³²⁾ *Мысли объ учрежденіи, въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, Общества, подъ названіемъ Филотехническаго, въ пользу домоводства сихъ губерній. Харьковъ. Въ универс. типографіи. 1811 г., 32 стр.* Также двѣ брошюры читавшихъ Каразиннымъ рѣчей, въ 1811 и 1813 г.: *О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ и о необходимости усилить домоводство*, гдѣ высказано много и теперь любопытныхъ мыслей.

⁽³³⁾ Спустя двадцать лѣтъ послѣ этого, онъ встрѣтился въ Москвѣ съ знаменитымъ Гумбольдтомъ и привелъ его въ восторгъ планомъ устройства во всѣхъ государствахъ цѣпи обсерваторій. Въ наши дни этотъ планъ приводится въ исполненіе...

бургскаго Общества Посѣщенія Бѣдныхъ ⁽³⁴⁾. Какъ успѣшны были занятія этого Общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основаніе и основало на своей счетъ «Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Первая мысль объ учрежденіи этого Института принадлежала, по словамъ г. Срезневскаго ⁽³⁵⁾, Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ Благотворительнаго Общества, и даже литературное, или печатное поприще свое началъ статью, въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 года, объ этомъ Институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній, и Институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 году, черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Университета и черезъ годъ по открытіи Филотехническаго Общества. Актъ на открытіе Института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 года. На Квитку возложено было открытъ Институтъ 10-го сентября, что онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ ввѣрено было главное управ-

⁽³⁴⁾ По словамъ Н. Ю. Квитки, это Общество помѣщалось тогда въ домѣ Оотіева, за рѣкою Харьковомъ, противъ нынѣшняго дома Задонскаго, въ зданіи низенькомъ, въ два окна. Члены вносили по 25 р. асс. въ годъ. Набирались въ классы этого Общества дѣвочки съ москъ и просто съ улицы. Шные выѣсто денегъ вносили хлѣбъ, муку, холстъ. На десять дѣвочекъ вѣхъ классовъ былъ сперва гимназическій учитель, безъ жалованья. Скоро стали сюда поступать просьбы и отъ бѣдныхъ дворянъ о помѣщеніи ихъ дѣтей. Заведеніе разрослось и было переведено въ домъ нынѣшней Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ куполомъ, украсившись надписью: «Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ *Общества Благотворенія*». Когда Институтъ перешелъ подъ вѣдѣніе Императрицы Маршъ Феодоровны, два послѣднія слова на вывѣскѣ были стерты. Наконецъ, былъ купленъ на пожертвованья Демидовымъ 20,000 р. асс., у полковницы Шарановой, домъ на Екатеринославской Улицѣ.

⁽³⁵⁾ По словамъ И. П. Срезневскаго, въ «Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ», 1843 г., № 33, въ статьѣ *О кончинѣ Г. О. Квитки*, стр. 299.

леніе дѣлами Института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, «принесъ въ жертву почти все достоиніе свое». Векоръ, по ходатайству Основьяненка, блаженной памяти императрица Марія Феодоровна приняла Харьковскій Институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 ⁽³⁶⁾.

Вотъ что говоритъ К. М. Семеновскій объ участіи Основьяненка въ этомъ дѣлѣ:

«Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ф. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій Общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

«Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были, на иждивеніи общества, въ пансіонъ при губернской гимназій; для воспитанія же дѣвницъ, ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ, не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ Институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской Губерніи, по двѣ дѣвницы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и насчетъ казны Императрицы Маріи Феодоровны». (*)

Когда Институтъ, по представленію Квитки, уже пзбраннаго въ 1817 году предводителемъ дворянства Харьковскаго Уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить

(36) Подробности объ этомъ находятся въ статьѣ *Велихова*, напечатанной въ «Русскомъ Пивалидѣ» за 1840 г., № 159, и «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» того же года, № 26.

(*) Первою ученицей, кончившей курсъ въ Институтѣ, была *Евт. Пав. Пчелкина*, учившая автора этой статьи грамотѣ. Она жива еще, и съ восторгомъ воспоминаетъ Квитку.

«Совѣтъ» для управленія Институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, утвержденъ членомъ Институтскаго Совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Н. Ю. Квитка говорить, что въ 1816 году Основьяненко сочинилъ «Кадриль» для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ. Здѣсь, между-прочимъ, былъ хоръ, гдѣ дѣвицы пѣли:

Милости просимъ, гости желанны,
Лавры пожавши, къ намъ отдохнуть!

Позже, его же стараніями, открыты въ Харьковѣ: Кадетскій Корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и Публичная Библиотека при Университѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ неизданныхъ писемъ своихъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ торжествѣ своемъ. Харьковский Институтъ имѣлъ еще особенно-благое значеніе для нашего автора. Черезъ отношенія къ нему, онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классовыхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь, которой, по словамъ М. С. Щепкина, отвѣчали неменѣе-нѣжно и пылко (37). Супруга имѣла такое важное значеніе въ литературной жизни Основьяненка, что мы постараемся подробнѣе, словами его же собственной корреспонденціи, обрисовать ее. Около 1818 года, изъ Петербурга пріѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепишьерокъ Екатерининскаго Института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ-сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, классная

(37) Около 1814—1815 г., по словамъ Н. Ю. Квитки, Основьяненко ѣздилъ въ Москву, по семейному дѣлу А. М. Зарудной съ А. Г. Хитровою, ея внучкою, которую она обошла какъ-то въ дѣлежѣ имѣнія. Поездка обошлась нашему автору что-то очень-дорого, говорятъ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и была очень-мало вознаграждена домою въ 3,000 руб. сер. Эта поездка явно отразилась въ «Письмахъ Шовиныхина» два года спустя.

дама вышла за Основьяненка замужъ и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь ⁽³⁸⁾. Это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ «посвященіяхъ повѣстей» ей мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ нашего автора, дѣляла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтъ ей стараго друга, она бросила свѣтъ и «съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойти въ могилу».

Вотъ какъ о ней говоритъ самъ Основьяненко, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 8-го февраля 1839 года: «Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что «Щирая любовь» интереснѣе «Маруси» ⁽³⁹⁾. Не знаю, какъ въ свое время поѣдите; но я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить, или оставить и приподняться; она-то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій... Она судьбой дана мнѣ въ награду, не знаю, за что; но только изъ того Института, который здѣсь учрежденъ! Она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня

⁽³⁸⁾ Намъ неизвѣстно съ точностью время женитьбы Квитки; свѣдѣнія наши основаны на приводимыхъ здѣсь письмахъ жены его и на слѣдующемъ письмѣ г. *Вилламова*, изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1820 года, къ нашему автору: «Я имѣлъ счастье докладывать Государынѣ Императрицѣ, по доставленному отъ 11-го сего мѣсяца всенподаннѣйшему прошенію, о желаніи вашемъ сочетатьея бракомъ съ классною дамою, дѣвицею Вульфъ; и Е. И. Величество изъявить изволила на то Высочайшее согласіе, со всемплоднѣйшимъ желаніемъ вамъ на сей союзъ благословенія Всевышняго и всякаго благополучія».

⁽³⁹⁾ Извѣстныя повѣсти Основьяненка, которыя тогда переводились имъ самимъ съ малороссійскаго для «Современника».

собою за всея заботы мои объ Институтъ! Жизнь моя коловратна; когда-нибудь передамъ, хоть въ отрывкахъ, для любопытства». При этомъ письмѣ приложено письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ 1 го февраля 1839 года, въ которомъ, между-прочимъ, она пишетъ: «Я — Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 году, и на другой же годъ изъ пенинберокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Оеодоровны, въ Харьковскій Институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу!» Другое письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ того же февраля 1839 года, еще любопытнѣе; въ немъ сохранены свѣдѣнія о жизни Основьяненка въ первые годы его женитьбы. Вотъ оно: «Вы пишете, что я напомнила вамъ одну изъ счастливейшихъ эпохъ вашей жизни; эти слова воскресли и въ моей душѣ пріятнѣйшія воспоминаія юности моей, когда я, безпечная, веселая, думала, что весь свѣтъ заключается въ стѣнахъ институтскихъ и что быть пенинберкой есть такое счастье, съ которымъ ничто сравниться не можетъ, а вступитъ въ классныя дамы, чего я только тогда не ожидала, значило уже устроить свою судьбу навѣкъ. Но вотъ какъ судьба разрушила всея мои планы; мнѣ дали чинъ классной дамы, но съ какимъ пожертвованіемъ? Чтобъ я ѣхала въ Харьковъ! И до-сихъ-поръ живо помню, какъ поразило меня это извѣстіе; и когда я уже увидала, что это неизбѣжно, что я должна разстаться съ Институтомъ и съ моими милыми подругами, я думала, что умру съ отчаянія! Остальное вамъ извѣстно; однакожь, вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найдти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, любя свою родину и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался! Такъ прошли годъ за годомъ; и вотъ я ужъ восемнадцать лѣтъ постоянная жительница Малороссіи... нѣтъ, двадцать, потому-

что два года была классною дамою. Первые десять лѣтъ жили мы въ самомъ городѣ, гдѣ и тогда я рѣдко бывала въ свѣтѣ; а вотъ восемь лѣтъ, какъ я веду жизнь совершенно-отшельническую, живи на Основѣ, которая тогда оживляется, когда кто изъ родныхъ пріѣдетъ, какъ прошедшее лѣто я провела съ милой и любезной ш-те Башуцкой»⁽⁴⁰⁾.хлопоты по устройству Института не всегда приносили оди́нъ розы нашему автору; въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1839 года онъ говоритъ: «Вотъ мое чистосердечное сознание; никогда я не думалъ писать что-либо! Читанное не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣнiемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшiй смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребыванiе въ здѣшней пустынѣ не дѣлали дальнѣйшихъ разсужденiй и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятiя, прiятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени... Я устроивалъ Институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣнiями, предразсудками, понятiями; произвелъ, и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со все́мъ ожесточенiемъ! Бросилъ все́ мои труды и тутъ-то, посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденный, принялся писать!»

Институтъ былъ, какъ читатель видѣлъ, причиною женитьбы нашего автора. Въ это время, по словамъ М. А. Коростовцевой, родственницы Основьяненка, нашъ авторъ жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, недалеко отъ Холодной горы, противъ Дмитриевской Церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку институтскаго сада. По словамъ Е. П. С—ой, бывшей тогда тоже соседкою по квартирѣ Квитки, помещенiе нашего автора заклю-

⁽⁴⁰⁾ Марья Андреевна, дочь Андрея Федоровича Квитки, роднаго брата Основьяненка.

чалось въ двухъ комнатахъ : большой , въ три окна во дворъ , и маленькой спальнѣ , въ одно окно , выходившее въ садъ .

Домъ , гдѣ онъ жилъ , принадлежалъ Кундиной . Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый ; туда ему носили , между-прочимъ , отъ матери , жившей по соседству , въ домѣ дочери своей , чай , а обѣдалъ онъ съ матерью . Прибавимъ , что мать нашего автора была въ членѣ директрисы Института . М . А . Ко—цева воспитывалась тогда въ домѣ матери Основьяненка , съ его сестрами . Она помнитъ , какъ Основьяненко постоянно обѣдалъ съ ними , шутилъ , разсказывалъ объ Институтѣ и шалуньяхъ—институткахъ ; помнитъ его въ тогдашнемъ темномъ сюртукѣ , съ многочисленными , мелкими складками на талии , въ *чундркль* , какъ ее называли ; помнитъ его умные , черные глаза , изъ которыхъ одинъ былъ полузакрѣтъ , и его доброе , кроткое лицо ⁽⁴¹⁾ .

Судя по приведеннымъ письмамъ Анны Григорьевны , онъ женился около 1821 года , слѣдовательно сорока лѣтъ отъ—роду . Въ это почти время начинается и его литературная карьера .

(41) Прилагаемъ въ началѣ книги приобрѣтенный нами отъ В . А . Квитки фотографическій снимокъ съ портрета , писаннаго съ автора масляными красками въ эту счастливую пору . Этотъ портретъ впервые нами опубликованъ при «Пантеонѣ» , въ этомъ году . На портретѣ Основьяненко изображенъ съ уставомъ Института въ рукѣ , въ легкихъ бакенбардахъ и съ густыми волосами , что отличается отъ единственнаго его портрета , издавнаго при «Молодикѣ» г . Башиловымъ и неренечатаннаго въ Иллюстраціи , при статьѣ Сементовскаго .

Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую досихъ-поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда студенты харьковскіе, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые «литературные вечера» собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ дилеттантовъ, словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ тогда было не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь стали появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепяно, своего сочиненія, и будущій Основьяненко.

Велѣдъ за вечерами Любовниковой, открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, названнаго нами выше молодаго адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позво-

ляль себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 года, московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Помѣщики занасались букварями для дѣтей, кое-чѣмъ новымъ для себя, изъ фаланги «Псовыхъ охотниковъ», «Ружейныхъ егерей», «Домашнихъ аптекарей» и «Домашнихъ кухарокъ»; и затѣмъ временныя книжныя лавки опять скрывались изъ Харькова ⁽⁴²⁾. Тамъ, гдѣ теперь въ гостиномъ дворѣ известная книжная лавка П. П. Апарина, возникла скоро постоянная, маленькая кладовая книгъ отъ московскаго магазина М. П. Глазунова ⁽⁴³⁾. Тогда болѣе шелъ въ продажу «Анахарисъ». Однажды, это было около 1814 года, въ лавку вошелъ робкій молодой студентъ, Н. К. М — и, отъ котораго мы это слышали, и принесъ подъ-мышкою книгопродавцу толстую тетрадь, предлагая ее купить. Тетрадь была переводъ романа Кубуадоръ, подъ именемъ «Ужасы судьбы, или четыре несчастливца», романа sentimentalнаго и пѣжнаго, несмотря на заглавіе. Владѣтель магазина повернулъ въ рукахъ увѣсистую кипу листовъ, взглянулъ на молодаго автора и предложилъ ему за всѣ три тома: двадцать-пять рублей ассигнаціями. Таковы были тогдашнія харьковскія средства въ-отношеніи литературныхъ изданій! Одинъ шагъ уже оставался къ изданію журнала.

Украинская литература начинается народной *пѣсней* и *сказкой*. Гоголь говорилъ: «Пѣсня для малороссіянина все — и поэзія, и отцовская могила. Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому-что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему событію». Пѣсня — дневникъ украица, лирическая лѣтопись, куда онъ вносилъ въ былые годы все, что чувствовалъ, мыслилъ и дѣлалъ. Украинская сказка — это украинская эпопея. Здѣсь

⁽⁴²⁾ Со словъ П. Т. Лисенкова, бывшаго прикащикомъ въ одной изъ книжныхъ лавокъ того времени.

⁽⁴³⁾ Брата петербургскаго книгопродавца П. П. Глазунова.

все туземное, обыденное, едва-подернутое отблескомъ фантастическимъ. Иногда залетаютъ сюда и краски чуждой странѣ жизни, вымыслы иныхъ народовъ. Сказка степенная говоритъ только о тѣхъ картинахъ и событіяхъ, которыя проходятъ передъ глазами простолюдина, которыя затрогиваютъ его творческую мыслительность, почти не отрывая его отъ домашняго порога, огорода, его вишневаго сада, стени, плуга и воловъ. Пѣсня и сказка украинскія составляли степенную, ходячую лирику и эпосъ, задолго до появленія книжной дѣятельности въ степеняхъ. Печатная же украинская литература начинается, какъ и вездѣ, лѣтописцами. Центромъ ея сперва явился Кіевъ—колыбель русской жизни; потомъ, съ началомъ XIX-го вѣка, ея средоточіе перешло въ Харьковъ, гдѣ былъ открытъ первый южно-русскій университетъ. Въ послѣдніе годы Кіевъ и Харьковъ нераздѣльно идутъ впереди литературной дѣятельности Украины ..

Древнѣйшими памятниками степнаго нарѣчія были, съ XI-го вѣка, отрывки въ сказаніяхъ Нестора, Кирилла Туровскаго, «Слова о Полку Игоря», Ефрема Сурнина, въ грамматахъ князей владимірскихъ и галлицкихъ, и въ поученіи Владиміра Мономаха. Позже это нарѣчіе является, въ смѣшеніи съ польскимъ и бѣлорусскимъ, въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, у Петра Могилы, Лазаря Барановича, Антоція Радзивилловскаго и въ переводахъ: Библіи докторомъ Скориниою и проповѣдей цареградекаго патріарха Каллиста. Организованнымъ является оно въ «Литовскомъ Статутѣ» и въ «Словарѣ Памвы Берынды», въ «Гетманскихъ универсалахъ» и въ полныхъ лѣтописяхъ, какова извѣстная лѣтопись Величко, недавно-изданная. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазены къ дочери Кочубея и два любопытные памятника: «Кроника зъ лѣтописцевъ стародавнихъ, Θεодосія Софоповича, игумена Михайловскаго Златоверхаго Монастыря въ Кіевѣ, 1672—81 года», упоминаемая г. Бодянскимъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Московскаго Университета, 1834 г., ч. VI, стр. 287—313, въ превосходной статьѣ его, подъ неевдоимомъ: *Мастакъ*, и «Изборникъ Святослава», составленный кіевскимъ дьякомъ Іоанномъ. Эта литература, впрочемъ,

оставалась еще совершенно-чуждою народу и не могла имѣть никакого вліянія на появленіе послѣдующихъ украинскихъ поэтовъ и литераторовъ. Со времени Петра-Великаго украинское нарѣчіе начинаетъ выработываться подъ рукою ученыхъ. Провѣдники начѣла XVIII-го вѣка были почти все малороссы, переселившіеся съ юга въ наши столицы. Мелетій Смотрицкій, коренной украинецъ, былъ первый русскій грамматикъ. Другой грамматикъ Павловскій, въ 1818 году, издалъ: «Граматику малороссійскаго нарѣчія», гдѣ (на стр. 90 — 93) помѣстилъ цѣлый разсказъ поукраински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки собственно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку», Котляревскій. Въ «Перелюбованной Энеидѣ», писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной волинь уже въ 1842 году, хотя для насъ заключается порядочная частица спотворности и воды, господствуетъ, тѣмъ неменѣе, чистый малороссійскій языкъ «*puritatis legitimaе*», какимъ впоследствии писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, шлеавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за «Энеидою» Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ», обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ, въ «Украинскомъ Сборникѣ» г. Срезневскаго. Между Котляревскимъ и собирателями украинской старины, рядъ которыхъ открылъ въ 1819 году князь П. А. Цертелевъ, является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулак-Артемовскій, авторъ шесей: «Твардовскій», «Тюхтій та Чванькò», «Солошій та Хівря, або горохъ при дорози», «Папъ та есбака», «Батько та сынъ», и переводовъ изъ Гёте: «Рыбакъ» и одъ Горация, названнаго имъ «Гараською»... О Квиткѣ скажется подробно въ нашей статьѣ. Здѣсь назовемъ его современниковъ и преемниковъ, чтобъ волинь очертить нашу рамку украинской литературы, въ средѣ которой оиъ появился въ 1816 году. Князь Цертелевъ издалъ въ 1819 году «Старшинныя малороссійскія пѣсни». За нимъ М. А. Максимовичъ, въ 1824 году, издалъ также «Малороссійскія пѣсни», которыхъ продолженіемъ служили впослед-

ствѣи другіе его сборники пѣсенъ и нѣсколько томовъ его сборника «Кіевлянинъ». Велѣдь за Максимовичемъ выступилъ другой ученый, П. П. Срезневскій, съ «Украинскимъ Сборникомъ», «Украинскими Быльями» и любонитивѣйшимъ изданіемъ своимъ, составляющимъ теперь рѣдкость: «Малороссійская и Запорожская Старица». Въ послѣднее время, въ числѣ собирателей украинской старины, стойтъ имя А. Л. Метлинскаго, извѣстнаго болѣе по псевдониму *Амеросія Могилы*, который издалъ свои «Думки та Пѣсни», «Южно-Русскій Зборникъ» и недавно прекрасный и обширѣйшій сборникъ «Народныхъ южно-русскихъ пѣсенъ». Наконецъ, къ числу собирателей стешной народности мы должны отнести г. Лоанасьева, издавашаго недавно въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» нѣсколько вариантовъ южно-русскихъ думъ (*), г. Лукашевича, К. Сементовскаго и автора двухъ замѣчательныхъ диссертаций по русской литературѣ въ Харьковскомъ Университетѣ Н. К—ова. Въ числѣ иностранцевъ, трудившихся надъ украинскою стариною, стойтъ имена: въ Галиціи—Вацлава изъ Олеска, Жеготы Наули, Лозинскаго, Левицкаго и Вагплевпча. Послеъ этихъ именъ мы должны назвать украинскихъ писателей собственно-литературнаго характера, повѣствователей и драматурговъ. Но читатель напрасно бы искалъ ихъ въ памяти лицъ, слѣдившихъ за стешною поэзіей. Мы не будемъ рекомендовать ему ни Василя Нарѣжнаго, писавшаго о Малороссіи, хотя этого автора, съ его «Буреакомъ», гдѣ героини носятъ имена греческія, ставили въ родоначальники буреаковъ Гоголя въ «Віѣ» и «Тарасѣ Бульбѣ», а повѣсть «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» въ родоначальницы повѣсти «О томъ, какъ Иванъ Иванычъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», потому только развѣ, что въ обѣихъ есть «по два Ивана» и «по страсти къ тяжбамъ». У г. Кукольника тоже есть романъ, гдѣ на сценѣ «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» и тоже страсть къ сутяжничеству. Въ подобномъ сходствѣ наконецъ можно упрекнуть и «Герои нашего времени»

(*) Тамъ же печатается теперь его сочинъ «Словари Малороссійскаго наречія»

съ «Рыцаремъ нашего времени» Карамзина. Не будемъ рекомендовать читателю и Ореста Сомова, писавшаго въ тридцатыхъ годахъ подъ именемъ *Порфирія Байскаго*, автора повѣстей: «Юродивый», «Гайдамакъ», «Русалка», «Оборотень», «Ночлегъ Гайдамаковъ», «Сватовство», «Живой въ обители блаженства вѣчнаго», «Кіевскія Вѣдьмы», «Недосозданіе» и «Недобрый глазъ». Это все невинная и давно-забытая старина. Въ одно время съ Сомовымъ явился другой украинскій романистъ Петръ Голота, написавшій, съ 1832 года, романы: «Иванъ Мазеца», «Наливайко» и «Хмѣльницкіе», и велѣдъ за нимъ г. Александръ Кузьмичъ и позднѣйшіе повѣствователи и стихотворцы: Кореунъ, Петренко, Писаревскій, Кореницкій, Шерешера, Забѣлла и Боровниковскій. Болѣе замѣтно выдался изъ среды послѣдней эпохи харьковско-полтавской литературы Евгений Гребенка. Мы должны указать еще на Маркевича, автора «Украинскихъ Мелодій», на Бодяпскаго, который, подъ псевдонимомъ *Запорожца Ильки Матерѣнки*, въ 1833 году, издалъ первый опытъ пересказыванія, помалоросійски, стенихъ сказокъ; и наконецъ на г. Кирилла Топѣли, который, послѣ автора «Думъ», рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говорить сердцу.

Но, при страстномъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе журнала долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ—гордость маленькаго городка—въ началѣ 1846 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же поръ, является прямо *однимъ изъ издателей*. Остановимся нѣсколько-дольше надъ этимъ временемъ и его лицами, имѣвшими сильное вліяніе на послѣдующую дѣятельность Основьяненка.

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался «Украинскій Вѣстникъ». Онъ выходилъ, въ шестнадцатую долю листа, въ 1846, 1847 и 1848 годахъ, и составляетъ теперь для самыхъ библиомановъ *библіографическую рѣдкость*. Редакторами его были Евграфъ Филомаонскій и Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій. Въ

концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстїи объ изданїи его въ слѣдующемъ году, въ главѣ двухъ этихъ издателей, подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорїи Квитка*.

Подъ редакціею Основьяненка и двухъ другихъ издателей «Украинскїи Вѣстникъ» тотчасъ сталъ на твердую ногу. Мы пересмотрѣли его. Здѣсь, кромѣ общихъ тогдашнему времени произведенїй въ родѣ «Осенней прогулки въ день моего ангела», печатались и дѣльныя статьи ученаго содержания: «Введеніе въ исторїю Малороссїи» (1818 г., VII ч. 260 стр. и VIII 73 стр.), «О Малой Россїи», соч. М. Грибовскаго (1816 г. I ч.), «Гетманъ Хмѣльницкїй», «Сковорода» (1817 г. VI ч., 106 стр.) и статьи критическія: «Живописная проза» и «О гармонїи слова», одного изъ издателей его, Р. Т. Гонорскаго. Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорїа Квитки*, отчеты о Благотворительномъ Обществѣ и объ Институтѣ, и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Фалалея Повинухиша*. Въ отчетахъ объ Институтѣ Основьяненко вдохновляется дѣломъ рукъ своихъ и безпрестанно приводитъ громкія слова: «Россїянки, прекрасныя дщери отчизны, кѣмъ Россы рождены, кѣмъ Россы плѣшны!» Въ шпешкахъ Фалалея Повинухиша, мѣшая русскїи языкъ съ французскимъ, начиная ихъ словами: «пардонъ, мессіе; милъ пардонъ!» и прибавляя: «же ву мерси!» авторъ жалуется на свою жену, которая будто-бы только рядится, да развѣзжаетъ по театрамъ; жалуется на сосѣдей, которые будто-бы узнали уже его роковое имя и хотятъ его поколотить; просить черезъ журналъ выслать ему француза-учителя; станвится, по желанїю учителя, изъ Фалалея, *Фалурденомъ Повинухинымъ*; объявляетъ, что учитель, вмѣстѣ съ ящиками, привезъ изъ Харькова и *мадамы*; что учитель съ мадамою везуть его въ Москву; что въ Тулѣ его хватають за долги, что онъ угощаетъ квартальнаго; за неоплаченный счетъ завтрака, попадаетъ въ маркѣры и, наконецъ, въ пахлѣбники къ одному помѣщику, гдѣ ему, впрочемъ, хорошо, по-

тому-что тамъ его встрѣтило все готовое : столъ, вино и баня. Въ 1847 г., въ V-й части «Вѣстника» Основьяненко напечаталъ письмо къ редакторамъ, гдѣ говорить: «Почтенные сотрудники! я получилъ на выборахъ должность предводителя дворянства, поэтому отказываюсь отъ участія въ журналѣ; самимъ издателемъ убѣдило меня быть *только горячайшее желаніе пользы краю*, тогда-какъ я несъ лишь званіе издателя и не имѣлъ способностей не только писать, но и быть полезнымъ въ вашихъ совѣщаніяхъ! Прошу передѣлывать дальнѣйшія мои статьи объ Институтѣ, о чемъ просить побуждаетъ меня также не слава *прослыть мастеромъ слова!*» Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ — совершенная противоположность «Украинскому Вѣстнику», журналъ, подъ названіемъ «Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ», издаваемый Василіемъ Масловичемъ. Въ эпиграфъ его стоитъ :

Журналовъ тысяча, а книги ни одной...

На сколько первый журналъ былъ строгъ и ученъ, на столько второй былъ веселъ и шутивъ, смѣялся надъ ученостью, и на всякую важную и строгую вещь писалъ пародіи. Самые мѣсяцы, въ которые онъ издавался (а такихъ было всего шесть, потому-что уже въ концѣ шестаго, на послѣдней страничкѣ, стояла меланхолическая строчка: *кончина Демокрита*), самые мѣсяцы на заглавныхъ листахъ его носили особыя имена, наприкладъ: *Ай, ай, ай! мѣсяцъ май—теплъ, да холодець!* Здѣсь печатались плохія описанія города Харькова въ стихахъ. Издатели «Украинскаго Вѣстника», преклонивъ оружіе, сами стали въ рады сотрудниковъ веселаго «Демокрита» и его редактора, который, впрочемъ, былъ старѣ ихъ всѣхъ, носилъ парикъ и очки. Между-прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка*. Эти стихотворенія «Воззваніе къ женщинамъ» и искусные «Двойные акростихи» любопытны тѣмъ-болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

Вотъ отрывки напечатанныхъ и неупомянутыхъ ни однимъ изъ его біографовъ стихотвореній Основьяненца:

Воззваніе къ женщинамъ.

Волосы сѣдуютъ,
Зубы ужь падутъ ;
Душеньки, прощайте,
Не могу любить!
Обожалъ я Машу,
Какъ стропль куръ,
Чуть не застрѣлся —
Надю, какъ узналъ! (Январь, 1816 годъ, стр. 50—61).

Не хочу.

Люди добрые, виносе!
Вѣрите, право, не шучу!
Передъ всѣми признаюся,
Что жениться я хочу!
Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
Я тотчасъ жену сыщу;
Маша, ты одна въ предметъ,
Согласишься ль? Не хочу! (Стр. 112—114).

Много именъ отвѣчаетъ ему на вопросы словомъ *не хочу!* пока, наконецъ, онъ самъ догадывается и заключаетъ :

Коль никто идти не хочетъ —
Такъ и я ужь не хочу!

Въ мартовской книгѣ «Демокрита» напечатано стихотвореніе его «Мифъ». Но любопытнѣе всего его двойные акростихи. Вотъ образчикъ

одного изъ нихъ (118 стр.), гдѣ имя акростиа составляется и въ началѣ и въ концѣ:

Надя.

На толь тебя узналь, чтобы отдаться въ плѣнь? *Н*ь?
Ахъ! страстию горю часа ужъ два! *А*!
Другихъ оставилъ я, исполнить чтобъ обрядъ! *Д*ь!
Я долженъ же спросить, любимъ ли *Я*?

Въ числѣ рукописныхъ, оставшихся послѣ его смерти, стихотвореній, назовемъ «Мой разговоръ съ Ванькою, въ день моего рожденія» и басню «Осель и Звѣри», гдѣ мы нашли, между-прочимъ, такой звуко-подражательный стихъ:

Рогами быкъ бока бодалъ...

Н. Ю. Квитка доставилъ намъ, въ числѣ другихъ бумагъ покойнаго, еще два неизданныя стихотворенія Основьяненка: «Посвященіе альбома», будто бы переводъ изъ Горация, подъ которымъ стоитъ подпись *5 января 1816 года, Клята*; и «Прибавленіе къ посвященію альбома». Вотъ начало этой сантиментальной старинны:

ПОСВЯЩЕНІЕ АЛЬБОМА.

(Переводъ изъ Горация).

«Твой кумъ
Привыкъ всегда безъ дальнихъ думъ,
Что въ сердцѣ зародится,
Тотчасъ и изъяснится,
И правду рѣжетъ завсегда.
Примѣромъ — скажемъ съ позволенія,
Прекрасна ты, ей-Богу, безъ сравненія!

Ну правда вить!... а правда не бѣда!

И если бы случилось —

Не онь... О! пѣть, не онь, а какъ бы такъ сказать,

Что сердце бы его въ тебя влюбилось;

Не будетъ онь молчать!

Хотя не скажетъ, такъ напишетъ,

Что сердце все его тобою дышетъ.

Ну! вотъ твой кумъ каковъ! и т. д.

Но любопытнѣе всего этого доставленный намъ Н. Ю. Квиткою «Маршъ», сочиненный Основьяенкомъ и подаренный въ 1817 г. Натальѣ Гавриловнѣ Раевской, въ которую онь былъ страстно влюбленъ⁽¹⁴⁾. Музыка «Марша», по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, обличаетъ также и музыкальное дарованіе Основьяенка. Объяснительный же текстъ къ печальному маршу напоминаетъ Фалалея Повинухина. Вотъ его подстрочныя поясненія, которыя надобно пѣть:

«Получается жестокое повелѣніе гусарамъ ѣхать; у прекрасныхъ сердца трепещутъ; вздохи, увѣренія, клятвы, и прочее, какъ водится; прощайте, не забудьте насъ, а мы васъ никогда! Колокольчикъ; уѣхали; стenanія, плачь, грусть вѣчная, до перваго собранія, какъ обыкновенно бываетъ у женщинъ, не прогибвайтесь!»

(14) Эта привязанность высказалась впоследствии довольно-оригинально. Нанѣ авторъ, будучи въ слободѣ Лищахъ, гдѣ нынче станція подь Харьковомъ и гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти: «Солдатскій портретъ», услышалъ въ Сельской Расправѣ устный процессъ поселенина съ поселянкою. Первый, между-прочимъ, воскликнулъ послѣдней: «Пѣть уже, *Наталко*, воля твоя, а ты неправа, что завладела моимъ огородомъ въ Лищахъ!» Довольно было Основьяенку имени Наталки, чтобъ своимъ авторитетомъ въ Сельской Расправѣ повернуть дѣло въ пользу поселянки. — (Со словъ Н. Ю. Квитки).

Внизу нотъ, на рукописи «Марша», сдѣлана привиска рукою женщины : «Чаше это случается съ мужчинами!» По словамъ Н. Ю. Квитки, авторъ нашъ сочинилъ тогда еще «Пѣню», съ музыкой для двѣнадцати охотниковъ своего брата, которымъ придумалъ и особаго устройства двѣнадцать же роговъ, съ клапанами, въ родѣ кларнета. Опъ въ это время уже подтрунивалъ надъ своимъ прошлымъ и домашнее пѣвчье его знатнаго брата распѣвали кощическую пѣню, также его сочиненія, въ которой читатель узнаеть его самого :

Прійшовъ Гриць, закуривсь,
Та и въ ченци постригсь.
Грицю, Грицю, до Маруси ;
Заразь, заразь приберуся!
Грицю, Грицю, до роботы ;
Въ Гриця порваны чоботы!
Грицю, Грицю, роби хлѣбъ ;
Аххи, аххи — щось охрипъ ⁽⁴⁵⁾!

«Харьковскій Демокритъ» прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 году) ; «Украинскій Вѣстникъ» пересталъ выходить въ началѣ 1820 года. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1818 г.): «Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ». Это было родъ газеты, гдѣ помещались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Этой газеты нѣтъ возможности нигдѣ достать; ея нѣтъ даже въ «Публичной Библіотекѣ», въ Петербургѣ. Намъ однажды случайно попался разрозненный ея экземпляръ и, сколько помнится, тамъ бы-

⁽⁴⁵⁾ Любопытно, что эта пѣня стала теперь народною и г. Метлискій внесъ ее, по ошибкѣ, въ новое изданіе свое: «Южно-русскія пѣсни» 1854 г.

ли статьи объ Институтѣ, о которомъ постоянно въ то время, надо замѣтить, писалъ одинъ только Основьяненко. Не знаемъ, кто былъ издателемъ этой газеты. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при Университетѣ: «Украинскій Журналъ», изданіе А. Склабоускаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Переходъ въ «Вѣстникъ Европы». — Новые псевдонимы. — Комедія. — Занимать ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первые новѣсти.

Женившись, авторъ нашъ, по прекращеніи «Украинскаго Вѣстника», перенесъ свои труды въ «Вѣстникъ Европы», журналъ, издававшійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Фалалея Повинужина*, и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужицкій Старецъ*, псевдонимъ, нынѣ разгаданный.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 года напечатана статья «Записки Лужицкаго Старца», съ подписью *Малые Лужники*. Тутъ же, въ другой статьѣ, въ письмѣ. *Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*, Лужицкій Старецъ оспариваетъ мнѣніе этого журнала, будто-бы ходившая тогда по Москвѣ рукопись «Записка о достопамятностяхъ Москвы» принадлежала исторіографу Карамзину, потому только, что доставлена въ печать Карамзиннымъ. Авторъ называетъ себя здѣсь братомъ *Московского бродяги*. Такимъ-образомъ Лужицкій Старецъ самъ обратилъ на себя вниманіе «Украинскаго Вѣстника». Г. Гаевскій

въ статьѣ «Дельвигъ» (46), говорить: «Дельвигъ жилъ (47) на одной квартирѣ съ покойнымъ П. Л. Яковлевымъ, братомъ лицейскаго товарища Дельвига М. Л. Яковлева, писавшимъ подъ псевдонимомъ *Лужицкаго Старца* (48). П. Л. Яковлевъ, старше Дельвига только двумя годами, былъ очень-друженъ съ его лицейскими товарищами и пріятелями, которые собирались у нихъ довольно-часто; а эти пріятели, какъ читатель знаетъ, были: Пушкинъ, Баратынскій и другіе, дорогія нашей литературѣ имена». Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1820 г. (стр. 157) мы нашли письмо къ редактору, за подписью *П. Як...* 23 ноября 1820 года. Здѣсь Лужицкій Старецъ нѣсколько выглянулъ изъ-за своего псевдонима. Въ этомъ же году въ «Вѣстникѣ Европы» появился и Основьяненко. Нѣкоторое сочувствіе между «Вѣстникомъ Европы» и «Украинскимъ Вѣстникомъ», надо замѣтить, выразилось уже тотчасъ по прекращеніи послѣдняго, въ 1819 году. Доказательствомъ этому служить, между-прочимъ, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1820 году, съ примѣчаніемъ редактора: «Письмо въ Украинскій Вѣстникъ», уже прекратившійся, куда оно собственно и назначалось, изъ Камчатки, за подписью *Людмила Рикордъ* (49). Это было начало любопытнѣйшей корреспонденціи о нравахъ и обычаяхъ неизвѣстнаго далекаго края (50). «Украинскій Вѣстникъ» получался въ тогдашней Камчаткѣ. Имя Вернета, въ немъ участвовавшаго, первое обратило на себя вниманіе П. П. Рикорда и его супруги. Пріѣхавъ въ скоромъ времени изъ Камчатки въ Харьковъ, по освобожденіи Головина изъ плѣна японскаго, знаменитый морякъ прежде всего пустился отыскивать квартиру харьковскаго литератора. Онъ нашелъ

(46) «Современникъ», 1854 г., № 1. Критика, стр. 5.

(47) Около 1818 г.

(48) П. С. Тихоцравовъ показывалъ намъ цѣлую книжку, изданную въ тѣ времена *Лужицкимъ Старцемъ*, замѣтивъ, что подъ именемъ этого старца писали многіе, въ томъ числѣ гг. Каченовскій и Погодинъ.

(49) Супруга покойнаго адмирала.

(50) «Вѣстникъ Европы», 1820 г. Іюль, (стр. 248—265).

желанную квартиру и отворилъ дверь. Былъ вечеръ, и Иванъ Филипповичъ Вернетъ сидѣлъ въ потемкахъ. Заслышавъ гостя, хозяинъ бросился зажигать свѣчу, но П. П. Рикордъ послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ, что при свѣчѣ гость и хозяинъ могутъ разочароваться другъ въ другъ, что лучше всего бесѣдовать въ потемкахъ. Это понравилось Вернету; онъ проговорилъ около часу съ камчатскимъ гостемъ и расстался съ нимъ, не выдавъ его въ лицо, потому-что П. П. Рикордъ, на другой же день, оставилъ уже Харьковъ ⁽⁵¹⁾.

Приведемъ кстати другой анекдотъ о Вернетѣ. Одинъ изъ знавшихъ Вернета, между-прочимъ, рассказывалъ намъ, что послѣдній постоянно, не только въ своихъ печатныхъ статьяхъ, что мы отчасти знаемъ, но и въ разговорѣ, употреблялъ высокопарныя фразы и цитаты изъ древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ. И что жъ? Однажды подглядѣли за нимъ и нашли, что на допынкѣ фуражки Вернета выписаны были мелкимъ почеркомъ всѣ до одной фразы, которыми онъ забрасывалъ удивленныхъ слушателей...

Въ 5-мъ № «Вѣстника Европы», за мартъ, явился Основьяненко съ статьею «Письма къ Лужницкому Старцу», за подписью «Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжбынымъ дѣламъ и по денежнымъ взыскаціямъ». А ниже: «Марга 4-го дня. Сыромятники». Псевдонимъ напоминаетъ первую службу Основьяненко, его состояніе не у дѣлъ при Департаментѣ Герольдіи, а самое письмо напоминаетъ письма Фалалея Повинухина. Письмо начинается словами: «Уже пять мѣсяцевъ были мы въ тѣхъ мысляхъ, что вы, мужъ почтеннѣйшій, посылаете свои статьи къ Миносу. Жена моя, бывъ увѣрена, что вы скончались, подавала милостыню бѣднымъ за упокой души вашей; сынъ мой ѣздилъ даже на

(51) Этотъ анекдотъ рассказанъ нѣсколько-иначе, нежели мы слышали отъ самого Рикорда, и въ статьѣ «Современника»: *И. В. Вернетъ* (1847 № 1).

Ваганьково Кладбище отыскать могилу вашу, а досужій нашъ цѣнта, г. Пустяковскій, читалъ намъ надгробіе Лужницкому Старцу!» Далѣе Аверьянъ Любопытный проситъ писать и не унывать духомъ, если Старца одолѣли Ничтовичи и Тараторины, и заключаетъ: «Вспомните, что вытерпѣлъ другъ вашъ отъ *бродягъ*, преслѣдовавшихъ его въ Лужникахъ, за Москвою-рѣкою.» На это Лужницкій Старецъ сдѣлалъ подъ статью примѣчаніе, гдѣ говоритъ, что, вѣроятно, Аверьянъ Любопытный писалъ къ нему или «въ день именинъ жены своей, или выигравъ тяжёлое дѣло, или взыскавъ по ненадежному обязательству» и обѣщаетъ ему отвѣчать. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ апрѣля того же года, Лужницкій Старецъ началъ снова свою корреспонденцію и письма адресовалъ *Аверьяну Любопытному*. Съ мая Основьяненко писалъ къ нему подъ псевдонимами: *1—19* и *A***. *Шестериковъ, городъ Т.* ⁽⁵²⁾. Въ 1821 г. въ «Вѣстникѣ Европы», въ 5-мъ №, подъ «Письмами къ Лужницкому Старцу» стоитъ уже имя *Юноша Бѣлаго Города*. Эти письма мы считаемъ также письмами Основьяненко: ихъ тонъ рѣшительно одинъ съ письмами Фалалея Повинухина, а новый псевдонимъ, вѣроятно, придуманъ авторомъ по случаю поѣздки въ ближній къ Харькову Бѣлгородъ, гдѣ находится могила упомянутаго нами выше родственника фамилии Квитокъ, епископа Іоасафа Горленко. Въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» «Письма къ Лужницкому Старцу» наконецъ являются прямо уже съ подписью Фалалея Повинухина. Здѣсь, между-прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою свадьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать супруги автора, Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называется: *Хар....* Наконецъ, въ томъ же году, въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены пять «Малороссійскихъ анекдотовъ», перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи, но которые смѣло можно от-

⁽⁵²⁾ Объ этихъ псевдонимахъ мы слышали отъ г. В. К. Предположеніе наше о вѣроятности такого показанія подтверждается словами: *городъ Т.*, то-есть Тула, гдѣ нашъ авторъ былъ около этого времени по дѣламъ.

нести къ перу Основьяненко. Кромѣ автора «Писемъ Фалалея Повинухина» и «Юноши Бѣлаго Города» въ то время никто не могъ дать этимъ извѣстѣйшимъ украинскимъ анекдотамъ такой редакціи; да притомъ они прямо относятся къ *Слободской Украинѣ*, то-есть, къ Харькову и его области, что видно изъ перваго разсказа, и при жизни Основьяненка были конькомъ въ его оригинальныхъ импровизаціяхъ, въ маленькомъ домашнемъ кругу, среди веселыхъ, невзыскательныхъ знакомыхъ ⁽⁵³⁾.

Съ этой поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года, и потому мы остановимся на ней нѣсколько долѣе. Въ этотъ періодъ, именно съ 1827 года, нашъ авторъ является уже съ явными требованіями литературнаго мѣста, достигаетъ его и становится извѣстенъ, хотя немногo поздно, именно почти на *пятьдесятъ-пятомъ году своей жизни*. Замѣтимъ, что злые языки, однако, не сразу дали ходъ извѣстности нашего автора; насквили и эпиграммы изрѣдка цуекали въ него свои жала, и даже самъ Каразинъ не удержался, чтобъ не пустить въ ходъ о немъ довольно-бѣднаго куплета, который, по словамъ г. К., начинался такъ.

Былъ монахомъ, былъ актѣромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Позже, другое четверостишіе обошло далеко околотокъ. Вотъ оно:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актѣръ, поэтъ и засѣдатель —
Одинъ и тотъ же человекъ!

⁽⁵³⁾ Можно было бы думать, что авторомъ этихъ анекдотовъ былъ П. П. Гулакъ-Артемевскій; но послѣдній намъ сказалъ, что эти анекдоты ему не принадлежатъ. Наконецъ наши соображенія подтверждаетъ

Замѣтимъ, что эти эпиграммы очень дѣйствовали на мирную и робкую природу нашего автора.

До 1827 года, когда Основьяненко написал комедію «Пріѣзжіи изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ», напечатанную только въ 1840 году, и до появленія его повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, впервые, съ псевдонимомъ *Основьяненко*, первая его повѣсть «Харьковская Ганнуся» напечатана въ 1832 году въ «Телескопѣ» г. Надеждина ⁽⁵⁴⁾, безъ всякаго намѣка на имя Основьяненка и съ подписью переводчика, г. Погодина ⁽⁵⁵⁾.

Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безирестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ, затворникъ, въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и

Снегиревъ въ неизданномъ письмѣ своемъ къ нему, отъ 10 октября, 1831 г., гдѣ прямо говоритъ: «Анекдоты ваши изъ малороссійскихъ пословицъ (въ «Вѣстникѣ Европы») я читалъ...» и т. д.

⁽⁵⁴⁾ Велѣдь за нею, съ именемъ *Основьяненко*, явился *Солдатскій Портретъ* въ 1833 г. въ «Утренней Звѣздѣ». Замѣчательно, «что мѣщанка-бублейница», *Підчиха*, выведенная въ Ганнуся, жива донинѣ. Она обитаетъ близъ Воскресенской Церкви, въ Харьковѣ, ужь въ званіи кучихи, въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ, съ деревяннымъ верхомъ и обижается при одномъ имени Основьяненка.

⁽⁵⁵⁾ Издатель «Телескопа» въ примѣчаніи къ повѣсти этой, говоритъ: *повѣсть доставлена при слѣдующей запискѣ*: «Я получилъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малоросіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ: пересказать ихъ по-своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое! Слѣдовательно автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе; а за разсказъ отвѣтственность падаетъ на меня.—*М. Погодинъ*». По послѣдующему изданію *Ганнуси*, оказалось, что г. Погодинъ былъ въ этомъ дѣлѣ только переводчикомъ, сократившимъ повѣсть во многомъ напрасно.

директоръ странствующей группы актёровъ; основатель Института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцевальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ — и въ то же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ Институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотвореній, гдѣ воспѣвались Маша, Лиза, Нади и Катя, наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!

Изъ приведенныхъ выше писемъ мы видѣли, что первая десять лѣтъ супружеской жизни Основьяненка протекали въ городѣ, откуда онъ мало выѣзжалъ⁽⁵⁶⁾. Анна Григорьевна звала его не разъ въ Петербургъ, но онъ, любя свою родину и родныхъ, никакъ не рѣшался. Бывшая мечтательная, кроткая, нѣжная инстинтутка, посланная въ подруги нашему автору, первая возбудила въ немъ охоту стать вполне «литературною личностью». Основьяненко видѣлъ въ себѣ всё залогъ для до-

⁽⁵⁶⁾ Въ письмѣ къ *Н. Ю. Квиткѣ*, отъ 26 мая 1829 г., изъ Основьяненка пишеть: «Намъ деньги нужны — о! нужны! зѣло нужны!» Въ другомъ отъ 22 ноября, говорить: «Анна Григорьевна все еще не оправилась и ходитъ завязавши глаза; у нея была, не вамъ кажучи «бешіха»—да бабуся отшентала. А чи нема писенёкъ, заучивныхъ или смѣшныхъ? Еслибъ можно съ нотами, очень бы одолжили!» Мы имѣемъ въ рукахъ черновую бумагу, писанную рукою нашего автора, сдѣлку покойнаго Основьяненка и его брата съ *Г-номъ 7-го класса чиновникомъ, Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ*, отъ 1 мая 1829 г., о продажѣ послѣднему ихъ имѣнія въ Зміевскомъ Уѣздѣ, въ селѣ Гуляйполѣ, заключающагося въ 50-ти паличныхъ крестьянскихъ душахъ мужскаго пола, земли 372-хъ десятинахъ, лѣсу 112 десятинахъ съ садомъ, селитряныхъ буртахъ, съ посудой, вѣтряною мельницею и постоялымъ дворомъ». За это имѣніе г. Байковъ долженъ былъ заплатить 40,000 р. асс. г. Квиткѣ (Григорію), тысячу при подписаніи условія, 10,000 не далѣе 1-го сентября того же года, еще 10,000 не позже 1-го іюля 1830 г., и наконецъ остальные 20,000 р. въ особо-установленный срокъ. Это было съ-тѣхъ-поръ единственное достояніе нашего автора.

стиженія этой цѣли; но много лѣтъ еще прошло, пока онъ рѣшился и получилъ возможность ее достигнуть. Главною помѣхою были, какъ онъ самъ говорилъ, «отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшной пустынѣ, которая не дѣлала дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждала охоты писать.» Бездѣтность до конца жизни еще болѣе набрасывала печальный оттѣнокъ на домашнюю жизнь супруговъ...

Любопытно остановиться нѣсколько на упомянутой выше комедіи: «Пріѣзжіи изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ». На главномъ листѣ, въ «Репертуарѣ», гдѣ она была напечатана въ 1840 году, сказано: *писано въ 1827 году*. Что это такое? Не-уже-ли худо-скрытое, или, еще хуже-обнаруженное соперничество автора съ Гоголемъ, который въ самомъ отрочествѣ своего дарованія былъ выше всего, написаннаго впоследствии Квиткою? Насъ, да и не насъ одного, занялъ этотъ вопросъ и мы его, по-возможности, прослѣдили. Мы сличали эту комедію съ «Ревизоромъ» Гоголя и нашли точно нѣкоторое внѣшнее сходство между обѣими комедіями. Ниже будетъ, въ своемъ мѣстѣ, приведено объ этой пьесѣ письмо Основьяпенко; здѣсь скажемъ наши соображенія, тѣмъ болѣе необходимыя, что около 1840 года не мало толковали о ней въ-отношеніи къ «Ревизору». Основьяпенко написалъ свою комедію около 1827—1828 годовъ. Въ архивѣ Московскаго Ценсурнаго Комитета она записана подъ № 602-мъ. Въ редакціи «Репертуара» сохранился отъ рукописи ея, затерянной въ типографіи, главный листокъ на синей бумагѣ, въ четвертку, съ печатью Комитета и слѣдующею подписью: *Печатать позволяется. Москва, 1828 года, октября 18-го дня. Въ должности председателя Московскаго Ценсурнаго Комитета, Сергій Аксаковъ, № 602*. Рукопись тогда же была послана на сцену въ Петербургъ, ходила тамъ по рукамъ, ходила по Москвѣ и возвратилась, въ тридцатыхъ годахъ, въ Харьковъ. Напечатана она въ 1840 году; но еще въ 1836 г. вызвала слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ по слухамъ о содержаніи «Ревизора», Основьяпенко пришелъ въ негодованіе, съ петербургскимъ

сталъ ожидать его появленія въ печати, и когда первый экземпляръ комедіи Гоголя былъ полученъ въ Харьковѣ, онъ созвалъ пріятелей въ домъ свой, прочелъ сперва свою комедію, по проценированной тетрадки, а потомъ и «Ревизора». Гости ахнули и сказали въ одинъ голосъ, что комедія Гоголя цѣликомъ взята изъ его сюжета, и по плану, и по характерамъ, и даже по частной обстановкѣ. Мы прочли объ комедіи. Дѣйствительно, сходства нельзя отрицать съ нѣкоторой стороны, даже можно, пожалуй, полагать, что Гоголь читалъ въ рукописи комедію Основьяненка до написанія своего «Ревизора». Но это сходство только мнимое. Комедія Основьяненка скучна, растянута, написана вялымъ языкомъ, а по художественности характеровъ и мастерскому языку пьесы Гоголя не можетъ быть даже упомянута при имени «Ревизора». Эта, однакожъ, встрѣча двухъ авторовъ на одномъ сюжетѣ, и даже почти на одной формѣ сюжета, во всякомъ случаѣ вещь любопытная. Гоголь въ своей «Авторской Исповѣди», говоритъ прямо, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» ему переданы Пушкинымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Гоголя, въ 1851 году, въ одномъ извѣстномъ семействѣ, въ Москвѣ у А**, произошелъ такой разговоръ. Одинъ изъ гостей спросилъ у Гоголя, бывшаго здѣсь, получилъ ли онъ посланное ему въ Остенде собраніе провинціальныхъ анекдотовъ о балагурахъ—солдатахъ и о солдатской медицинѣ? Гоголь отвѣтилъ, что получилъ и при этомъ прибавилъ: «Въ послѣднее время мною, на вызовъ, получено не мало подобныхъ посылковъ; между—прочимъ, я приобрьлъ изъ Петербурга довольно—любопытную характеристику тамошнихъ меломановъ!» Тутъ разговоръ зашелъ о сюжетахъ вообще, и Гоголь чистосердечно объявилъ, что мысль «Ревизора» передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго же событія во время его поѣздки, за матеріалами для исторіи Пугачева, въ Оренбургъ (57). Пуш-

(57) Именно, услужливый знакомый, въ одномъ изъ городовъ, куда долженъ былъ захватъ Пушкинъ, опередилъ поэта письмомъ къ градоначальнику, гдѣ было сказано: «Пушкинъ ѣдетъ къ вамъ за матеріала-

книгъ прибавилъ Гоголю, что подобная исторія случилась и съ Свишын-нымъ, редакторомъ первыхъ «Отечественныхъ Записокъ». Разсказъ Гоголя о Свишынѣ дополнилъ при этомъ г. Бо—ий, прибавивши, что Свишынъ, въ свою поѣздку въ Бессарабію, гдѣ, съ карандашомъ въ рукахъ и записною книгою, оставался передъ каждымъ камешкомъ и говорилъ съ каждою торговкою, былъ также принятъ за ревизора и послужилъ причиною любопытнѣйшей мистификаціи, которая увлекла его до-того, что онъ самъ забылся, вообразилъ себя дѣйствительнымъ ревизоромъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ принимать просьбы. Все это едва не кончилось для него очень и очень-нечально. Изъ всего этого можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, *который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ* въ Россіи и даже въ ея литературномъ кругу (58). Самое примѣненіе сюжета къ сценѣ у каждаго также не могло и вылиться, кажется, въ другой формѣ, какъ они написали. Сочтущемъ читателю пробѣжать пьесу Основьяненка; несмотря на тяжелый слогъ и растянутость, она въ этомъ случаѣ довольно-любопытна. Здѣсь также дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, некончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь также: и судья (Спальникъ, отъ слова *спать*) и поч-

ми, но вы на это не смотрите; онъ скрывается, а навѣрно ѣдетъ васъ ревизовать!» Можно вообразить, какой пріемъ Пушкину сдѣлали вълѣдствіе такого письма.

(58) Г. Сушковъ въ III томѣ «Раута» на 1854 г., (стр. 321), говоритъ: «А многіе ли изъ читателей слышали о *Пріѣзжемъ*, какъ о предшественникѣ, если ужъ не родоначальникѣ «Ревизора»?—и далѣе на (стр. 383-й): «Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтилъ до Ревизора и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію». Въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. (№ 35) въ Некрологѣ (на стр. 650) также замѣчено сродство «Ревизора» съ этою пьесою и сказано: «Пріѣзжій» до 1840 г., ходилъ по Малороссіи въ рукописи, хотя представлень вовсе не былъ.

товий экзекторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу; и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ) и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго, Трусихина, и племянница его, которыя также влюбляются въ «милашку ревизора». Здѣсь также вся кутерьма проеходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чпшовники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь также, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества*, и о томъ, какъ *печально изъ столицы вкуса быть брошено въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ, по словамъ Основьяненка, *пьяная сцена*, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумаги отъ губернатора, съ жандармомъ присланныя!* Въ-заключеніе представляемъ, какъ образчикъ лучшихъ мѣстъ въ скучной и растянутой комедіи, любовитную выписку изъ «Пріѣзжаго изъ столицы», пьесы къ городничему отъ губернскаго чпшовника. Вотъ оно:

«Почтенный благодѣтель, Оома Оомичъ! Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро близится время третнему отъ васъ окладу. При семъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ... Это будетъ круглѣе и, по пынѣшимъ неприятнымъ временамъ, осторожнѣе! При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство получилъ кое-какія бумаги изъ Петербурга; но еще онѣ къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвѣстно ихъ содержаніе; а когда узнаю — сообщу! При семъ сиѣшу васъ уведомить: держите ухо остро! Черезъ вашъ городъ поѣдетъ важная и знатная особа; но кто? неизвѣстно! Губернаторъ съ нимъ съ аттенціею... Онъ — яко бы въ Крымъ; но имѣйте предосторожность! Выѣзжаетъ завтра и, по расчету, будетъ вмѣстѣ съ нимъ шельмомъ!»

Развязка пьесы у Основьяенка отличается от гоголевой; ревизоръ, увезши прекрасную даму, самъ ловится на собственномъ приказаніи: не выпускать никого изъ города, и попадаетъ въ тюрьму. Предлагаемъ, въ заключеніе, письмо къ намъ *С. Т. Аксакова*, проценировавшаго, какъ мы сказали, эту пьесу Квитки—въ 1827 году ⁽⁵⁹⁾.

«Очень охотно отвѣчаю на вашъ вопросъ, относительно комедіи *Г-на Квитки*: «*Пріѣзжій изъ столицы*». Она точно была одобрена мною къ напечатанью, 26 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ другими комедіями того же автора, а именно: «*Дворянскіе выборы*», «*Вторые дворянскіе выборы*», «*Турецкая шаль*», «*Шельмѣнко*» и «*Страница или Саншамбулка*» ⁽⁶⁰⁾. Я даже не зналъ, что «*Пріѣзжій изъ Столицы*» былъ напечатанъ, и теперь не помню въ подробности его содержанія; но могу васъ смѣло увѣрить, что «*Ревизоръ*» не могъ быть писанъ подъ влияніемъ этой пьесы, потому что «*Ревизоръ*» былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существованіи комедіи г. Квитки. Я спрашивалъ Гоголя (около 1840 года): знаетъ ли онъ эту комедію? И онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ о ней, но не читалъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ. Я не былъ знакомъ лично съ Григорьемъ Ѳедоровичемъ Квиткою, но мы нѣсколько лѣтъ переписывались по поводу его комедій. Я слышалъ, что жизнь этого человѣка была богата разными интересными происшествіями и любопытными переходами въ противоположныя обстоятельства и положенія».

⁽⁵⁹⁾ Письмо Загоскина къ Основьяенкѣ о томъ же почти предметѣ приводится ниже, въ общей корреспонденціи. Это письмо смутило и считало болѣе всего Квитку, тѣмъ болѣе, что при этомъ Загоскинъ, какъ директоръ московскаго театра, отказалъ ему въ 1836 г. въ постановкѣ «*Пріѣзжаго*» единственно за сходство съ «*Ревизоромъ*».

⁽⁶⁰⁾ Участь пьесъ: «*Турецкая Шаль*» и «*Саншамбулка*» намъ неизвѣстна; онѣ не были ни въ печати, ни на сценѣ. Изъ послѣдней только взять, кажется, сюжетъ, въ повѣсти Основьяенка: *Маргарита Прокофьевна*.

Въ-заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что самый нелѣпый слухъ, самое ничтожное обстоятельство даетъ поводъ иногда къ грубѣйшимъ сплетнямъ...

Служба поглощала грустныя сѣтованія нашего автора на уединенную жизнь въ провинціи и давала ему средства разсѣяться, среди хлопотъ и постоянныхъ неизмѣнныхъ занятій. Съ 1817 года онъ былъ избранъ въ дворянскіе предводители Харьковскаго Уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трелѣтія, по 1829 г. Въ концѣ этого срока дворянство поднесло ему торжественную благодарность, въ видѣ форменнаго акта, написаннаго въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ промежуткахъ, между служебными занятіями, Основьяненко устраивалъ въ знакомыхъ семействахъ домашніе спектакли, иногда самъ игралъ на этихъ театрахъ, писалъ для нихъ ноты, игралъ на фортепяно и флейтѣ, и подь-конецъ игралъ на ней, какъ говорятъ, очень-недурно. Вскорѣ принялся онъ писать другую комедію, которая, какъ ближайшая къ его тогдашнему служебному поприщу, избѣгла участи долго-ненапечатанной своей предшественницы и вышла въ свѣтъ подь именемъ: «Дворянскіе выборы». За нею слѣдовалъ «Шельмѣнко-деньщикъ», имѣвшій большой успѣхъ. Въ 1832 году, именно въ годъ выхода въ свѣтъ, съ именемъ г. Погодина, первой малороссійской повѣсти Основьяненка, онъ былъ избранъ совѣстнымъ судьей Харькова, и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года. Успѣхъ первой попытки ободрилъ его и велѣлъ за нею, съ 1834 года, появились два тома его извѣстныхъ «Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицькѣмъ Основьяненкомъ». Въ статьѣ о сочиненіяхъ своихъ («Москвитянинъ» 1849 г. № 20) онъ говоритъ:

«Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища, принимать другое, или по имени отца, напримѣръ, Петрѣнко, Василенко, или по мѣсту жительства — напримѣръ, Зайчѣнко, Боровѣнко (такая ужъ

у нихъ натура!) взявъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ *Основь*, и такъ да буду *Основьяненко*, и пошелъ такъ писать!»⁽⁶¹⁾.

Успѣхъ этихъ первыхъ повѣстей былъ рѣдкій. Велѣдъ за тѣмъ Основьяненко напечаталъ отдѣльно нѣсколько брошюркъ, изъ которыхъ замѣчательны: оперетка «Сватанье на Гончарѣвкѣ» и «Листы до любезныхъ земляковъ» — родъ поучительныхъ посланій, на малороссійскомъ языкѣ, къ простонародію. За последнее произведеніе авторъ удостоился благодарности отъ правительства. Извѣстность украинскаго разсказчика вскорѣ дошла до Петербурга. Журналы, черезъ книгопродавцовъ, стали наперерывъ просить его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Харьковъ, замѣтилъ Основьяненка, ободрилъ его совѣтомъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей его жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ «Современнику», издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка переписка съ г. Плетневымъ и постоянное сотрудничество въ «Современникѣ». Съ 1838 по 1843 годъ (годъ своей смерти), Основьяненко напечаталъ въ «Современникѣ» цѣлый рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романа, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и собственныхъ и чужіе переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года, онъ является сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечаталъ половину романа «Панъ Халаявскій» и историческую монографію «Головатый», которая пошляеть другія подобныя же статьи автора: «Преданія о Гаркѹшѣ», извѣстномъ украинскомъ разбойникѣ, и «Татарскіе набѣги на Харьковъ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатана еще въ 1843 году повѣсть Основьяненка «Двѣнадцатый годъ въ провинціи».

(61) Псевдонимъ *Грицько Основьяненко* появился впервые въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» въ Харьковѣ, въ 1833 г., подъ повѣстью «Солдатскій натреть» и двумя легкими очерками: «Украинское утро» и «Суплика до пана издателя».

Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства.

Въ 1840 году нашъ авторъ былъ избранъ въ предѣдателя Харьковской Палаты Уголовнаго Суда. Это была его *последняя должность*; на третьемъ году исправленія ея онъ умеръ.

Жизнь его въ это время текла тихо, въ семейномъ счастья, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала Анна Григорьевна, и въ литературныхъ, почти непрерывныхъ трудахъ. Названный нами выше внучатный братъ покойнаго, П. Ю. Квитка, въ это время обыкновенно пріѣзжалъ къ нему читать, и читалъ въ постороннихъ домахъ его лучшія сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Болѣе всего тогда читалась и донынѣ уважается поклонниками Основьяненка его повѣсть «Маруся». Недавно еще мы застали двухъ старичковъ, мужа и жену прошлаго времени, въ слезахъ надъ любимую повѣстью покойнаго Квитки. Шестидесятилѣтній старикъ, болтливый и оживленный въ кругу знакомыхъ, которые стекались къ нему въ Основу (тогда еще постоянное мѣсто жительства его, что видно изъ подписей во всѣхъ его писемъ того времени), былъ попрежнему наблюдателемъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и

молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галетухѣ безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на свѣтъ очень зорко, и съ большою прагѣдовою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое-то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо его, прибавляютъ, оживлялось среди разказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только коренымъ старосвѣткимъ молороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разказы, извѣстные досихъ-поръ въ городѣ подъ именемъ *квиткинскихъ*, занимали каждый уголокъ, гдѣ только появился Основьяненко.

Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ намъ племянника Основьяненка, Валерьяна Андреевича Квитки, котораго, за дорогія свѣдѣнія этого письма, вѣроятно поблагодарить каждый читатель (63).

«Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ, около 1820 года, на одной изъ классныхъ дамъ, приланныхъ и рекомендованныхъ въ Харьковскій Институтъ Императрицею Марією Осодоровною, на *А. Г. Вульфъ*. Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института, и сблизился съ будущею своею женою, хотя, при нѣкоторой сантиментальности, онъ былъ вообще очень робокъ съ женщинами. Здѣсь нашелъ онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ; послѣ нѣ котораго сопротивленія со стороны родителей, онъ женился. Болѣе симпатической подруги онъ не могъ найти. Жена его бы-

(63) Мы провели большую часть минувшаго лѣта въ окрестностяхъ Основы и въ ней самой, причемъ В. А. Квитка, ея нынѣшній обладатель, снабдилъ насъ окончательными свѣдѣніями для предлагаемой біографіи его дяди. На Основѣ въ это время жилъ съ семействомъ, покинувши раззоренный Крымъ, *П. К. Айвазовскій*, гдѣ украинскія стени дали ему мысль его превосходной картины: «Чумаки близъ Изюма».

ла умная, образованная, но не красивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго. Вся жизнь ея подъ старость заключалась въ стѣнахъ домика *Осиовы*, гдѣ она, поутру, отправивъ мужа на службу, всегда чопорно и даже прихотливо одѣвалась, и въ уединеніи ожидала его возвращенія къ обѣду. За обѣдомъ изъ гостей у нихъ шкого не бывало. Основьяненко любилъ покушать, особенно національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, блиновъ, варениковъ; но вообще обѣдъ его былъ скромный, какъ и вся его жизнь, непохожая на такъ-называемую жизнь зажиточныхъ украинскихъ помещиковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ и довольствовался самой необходимой прислугой. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, петревожимымъ шикомъ⁽⁶¹⁾, и только подъ вечеръ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ есвѣтовался, слѣбно довѣрялся ея мнѣніямъ; а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ *о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности*, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ. Кромѣ рѣдкихъ посѣщеній родныхъ, къ нему заѣзжали гости, большею-частью проѣзжіе, знакомые съ нимъ по печати⁽⁶²⁾. Ихъ, какъ и равно молодыхъ людей изъ университета, которые ухаживали за его извѣстностью, онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ и видимо избѣгалъ всякаго общества, ему не по-сердцу. Чтеніе замѣняло ему живыхъ людей. Трудный на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу, онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, замѣчательнымъ лицомъ, отъ котораго онъ посто-

(61) По словамъ видѣвшихъ его въ это время, въ кабинетъ нашего автора обыкновенно было разомъ нѣсколько чернильницъ, въ видѣ чашекъ, глобусовъ, съ сидящими на нихъ Юпитерами и Аполлонами, и т. д. Это была его роскошь, чтобъ, гдѣ присѣсть, тамъ и шеать. Между прочимъ была чернильница, въ видѣ пустышки, иссущаго съ собой спонъ, изъ котораго выглядываютъ ноги носелянки.

(62) Изъ числа ихъ онъ однажды принялъ, какъ увидимъ ниже, *Гребенку*. Столичные актёры, Щенкинъ, Григорьевъ и другіе, также не мшповали его дома.

лино занимать матеріалы для своихъ разсказовъ. Лысый Лукьянъ, какъ его вообще у насъ звали, пользовался, въ качествѣ стараго и преданнаго служителя, какіе нынче весьма-рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи, правами свободнаго обращенія съ господами и, какъ говоритъ, имѣлъ свой «franc-parler» привѣтствовалъ всегда, не иначе, какъ пофранцузски: *Бонжуръ, мосье; команъ ву порте ву; се тре бьенъ; же ву при де лодови!* и проч. Откуда онъ почерпнулъ эти лингвистическія познанія — я не припомню; они предшествовали моему юности; вѣроятно, отъ какого-нибудь француза, жившаго или прѣбывавшаго на Основу. Принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, онъ говорилъ свое мнѣніе и судилъ благоразумно о вѣщахъ и людяхъ, подавалъ совѣты съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вообще былъ мыслительный, тонкій, веселый и честный мужикъ. Въ деревнѣ онъ имѣлъ голосъ и уважаемъ былъ всѣми. Когда я утвердилъ свое житіе въ деревнѣ, тому назадъ семь лѣтъ, онъ былъ еще крѣпокъ и здоровъ, ничѣмъ не занимался, то-есть, жилъ на отдыхъ, а при всякихъ случаяхъ поздравительныхъ являлся съ своимъ таинственнымъ и вмѣстѣ сметливымъ видомъ; начиналъ рѣчь французскимъ діалектомъ, а потомъ начиналъ на ухо нашептывать (вѣроятно отъ глухоты подъ старость) свои мысли, замѣчанія и воспоминанія прошедшаго. Въ послѣднее время, по его желанію, онъ былъ опредѣленъ къ церкви и караулилъ кружку, на углу церковной ограды, на большой дорогѣ, гдѣ толкается всегда множество проходящихъ, а также немало пьяницъ; это было его развлеченіемъ. Зимой и лѣтомъ, несмотря ни на какія непогоды, онъ просиживалъ съ открытой, лысой головой, не боясь простуды. Въ прошедшемъ, 1853 году, весной онъ умеръ внезапно, хотя еще не былъ старъ. Настоящихъ его годовъ не знаю.»

Въ другомъ письмѣ В. А. Квятка пишетъ намъ :

«Юность и свѣжесть характера моего дяди, что онъ сохранилъ до старости, дѣлали его способнымъ приурочиваться также и къ дѣтскому обществу. Онъ любилъ страстно дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ склонность къ молитвѣ, знаніе церковныхъ книгъ, словомъ, духовная ученость, вѣлѣдствіе чего онъ любилъ бывать въ обще-

ствѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ стихиры и псалмы, и руководилъ хоромъ. Дѣтей у него никогда не было. Это набрасывало грустный отбѣнокъ на тихую супружескую чету, на этихъ кроткихъ и уединенныхъ «Оплемона и Бавкиду». Анна Григорьевна скончалась черезъ десять лѣтъ послѣ смерти мужа, въ 1852 г. 31-го января. Въ эти послѣдніе годы она такъ была вѣрна памяти милаго покойника, что свѣтъ для нея буквально не существовалъ; она будто со дня на день ожидала минуты встрѣчи съ покойникомъ. Не могу умолчать объ одной чертѣ рѣдкаго самоотверженія моего дяди, котораго смиреніе, кротость, привязанность ко всему родному, скромность, доходившая до боязливости, и стойкость въ мысляхъ составляли явленіе рѣдкое. Состояніе моего дѣда, отца его, хотя довольно-значительное, не было достаточно для поддержанія требованій по мѣсту, занимаемому мной отцомъ (мѣсто губернскаго предводителя дворянства, вирожденіе девяти курсовъ), если бы оно раздѣлилось между двумя братьями, поровну. Дядя мой, безъ принужденія и малѣйшаго колебанія, отказался отъ своей части, и уже во всю жизнь только довольствовался небольшимъ, въ сравненіи съ имѣніемъ моего отца, капиталомъ въ 40,000 руб. ассиг. Эта жертва, съ одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбіе, а съ другой его любовь и преданность къ брату. Старшій братъ былъ верховнымъ существомъ въ его глазахъ. Забѣательно, что онъ во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ молодости, кажется, его возили въ Москву; но это было такъ рано, что не оставило въ немъ никакихъ слѣдовъ⁽⁶⁶⁾. Болѣе всего любилъ онъ Основу. Это одно изъ первыхъ поселеній въ этой части слобожанщины; на земляхъ, принадлежавшихъ когда-то Основѣ, лежитъ теперь цѣлый южный кварталъ города. Три рѣки города, соединившись здѣсь, протекаютъ возлѣ и отдѣляютъ усадьбу Основы отъ городскаго, окончнаго поселенія. Усадьбу же составляетъ соеновая роща, рѣдкая въ этомъ краю, и замѣчательный ботаническій садъ, съ оранжереями, которыхъ слава поддерживается донынѣ. Домъ въ Основѣ ознамено-

(66) Въ этомъ небольшая неточность: онъ былъ еще въ Кіевѣ; и въ Москвѣ онъ былъ не въ слишкомъ ранней молодости, а какъ мы видѣли, въ 1814—1815 году, то-есть почти тридцати-пяти лѣтъ.

ванъ посѣщеніемъ покойнаго государя императора *Александра I-го*, и служилъ поприщемъ многихъ и многихъ торжествъ и увеселеній, памятныхъ дворянамъ нѣсколькихъ поколѣній. Основа, кромѣ того, единственное въ окрестностяхъ Харькова мѣсто для гулянья, гдѣ въ знойное лѣто можно дышать свѣжимъ воздухомъ. Съ весны многіе переѣзжаютъ сюда изъ города и поселяются въ свободныхъ домикахъ и избахъ крестьянъ, гдѣ переживаютъ и грязную, хотя превосходную, украинскую осень...»

Около этого времени Основьяненко пріобрѣлъ знакомство покойнаго Гребенки. Родственникъ его, Н. Ю. Квитка, намъ рассказывалъ сцену первой встрѣчи Основьяненка съ Гребенкой. Гребенка давно собирался навѣстить ветерана харьковской литературы и переписывался съ нимъ. Проѣздомъ черезъ Украину, онъ завернулъ на Основу и съ извозчикомъ проговорилъ объ Основьяненкѣ всю дорогу. Его радовала эта извѣстность. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка спросилъ у старика, читавшаго книгу: «А чи дома нашъ Основьяненко?» и велѣлъ за тѣмъ вскрикнуть, взглянувши въ него: «Здоровъ, батьку Грѣцьку?» Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: «А чи не Гребѣночка?» Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепрѣимнаго своего «учителя» по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ, и поддерживалъ съ нимъ потомъ долго переписку. Кромѣ Гребенки, Основьяненко былъ знакомъ почти со всеми украинцами литераторами. П. П. Гулакъ-Артемовскій, Н. П. Срезневскій, А. Л. Метлицскій и вся молодежь, которая въ послѣднее время издавала въ Харьковѣ литературные сборники до г. Кореуна — все они окружали Основьяненку, бывали въ его домѣ и, уѣзжая изъ Харькова, вели съ нимъ переписку ⁽⁶⁷⁾. Представляемъ здѣсь письмо къ намъ

(67) Почтеннѣйшій П. П. Гулакъ-Артемовскій, сообщившій намъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о Квиткѣ, особенно былъ близокъ, въ 1817 году, ли-

одного изъ тогдашнихъ знакомыхъ Квитки, г. Аонасьева, писавшаго нѣкогда подъ именемъ *Чужбинскаго*. Это письмо, въ которомъ разсказывается событіе, въ нѣкоторомъ родѣ схожее съ тѣмъ, которое намъ сообщили о Гребенкѣ, для читателей дополнитъ нашъ очеркъ нѣсколькими живыми чертами. Г. Аонасьевъ, до того времени знакомый съ Квиткою только по перепискѣ, воспользовавшись первою возможностью, отправился къ нему начать личное знакомство.

«Я постучался. Человѣкъ вышелъ.

«— Дома Григорій Федорычъ?

«— Дома. А кто вы?

«— Скажи, что пріѣхалъ старый знакомый.

«— Пожалуйте.

«Сбрасываю шинель, вхожу. Меня приняли въ кабинетѣ. Не успѣлъ я войти въ комнату, какъ старикъ приподнялся съ кресель и сказалъ мнѣ:

«— Се Чужбинскій? — обнялъ меня дружески и мы разговорились, какъ люди, которые Богъ-знаетъ сколько времени знакомы. Говорили и писали мы другъ къ другу всегда помалорусески; развѣ уже бывали посторонніе, непонимавшіе этого нарѣчія. Мы сошлись съ старикомъ скоро и тѣсно. Вырвавъ свободную минуту, я спѣшу, бывало, въ Харьковъ, ѣду на Основу и остаюсь почевать у старика, а утромъ отправляюсь съ нимъ въ городъ. Анна Григорьевна всегда присутствовала при нашихъ бе-

тературнымъ его начинаніямъ. Два будущіе писателя бееѣдовали очень часто и переписывались стихами. Въ рукописяхъ г. Артемовскаго есть неизданное посланіе къ Квиткѣ, подъ именемъ «Добрнсть», на которое послѣдній ему отвѣчалъ также стихами. Перелазатель Горация или, какъ онъ самъ выражается, *Гараськи*, написалъ двѣ знаменитыя пьесы въ подражаніе римскому поэту (XIV ода «*Non fugaces*» и XXXIV ода «*Conspicis deorum vultus*») именно по своимъ отношеніямъ къ Квиткѣ, къ его грѣхамъ юности и зрѣлому раскаянію...

сѣдахъ. Я былъ потомъ въ Москвѣ и написалъ для «Москвитинна» разборъ его повѣстей. Я говорилъ, что малорусскіи повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя пишутъ онъ порусски. Это, какъ узналъ я, огорчило старика. Хотя, по возвращеніи изъ Москвы, я бывалъ у него снова, но замѣчалъ уже нѣкоторую холодность въ нашихъ изъясненіяхъ; самыя письма его были уже безъ теплоты, нѣкогда ихъ согрѣвавшей, а пріязнь наша постепенно остывала, хотя я, съ моей стороны, нисколько не перемѣнялся. Въ остальное время пребыванія моего вблизи Харькова, я посѣщалъ старика, выйдя изъ военной службы въ отставку; я съ нимъ иногда переносывался; но, повторяю, неосторожно-высказанное мною мнѣніе въ «Москвитиннѣ» охладило привязанность къ мнѣ Основьяненка. Хотя онъ всегда откровенно рассказывалъ мнѣ о своихъ литературныхъ дѣлахъ, о предпринимаемыхъ сочиненіяхъ, однако, несмотря на молодость, я понималъ, что статья моя невыгодно подѣйствовала на его самолюбіе. Разстались мы попріятельски, то-есть, съ обводной просьбой хранить другъ друга въ памяти. Такъ грустно кончилась наша пріязнь, начавшаяся подъ вліяшемъ искренняго, дружескаго расположенія. Впрочемъ, онъ никогда не намекнулъ мнѣ о моемъ отзывѣ; его я слышалъ уже послѣ, стороною.»

VI.

Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. П. Дала. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ неубитого медвѣдя. — Огорченія. —хлопоты о женѣ.

Вслѣдъ за «Современникомъ» и «Отечественными Записками», нашъ авторъ, черезъ тогдашняго цензора, г. Кореакова, которому присылалъ свои рукописи и который скоро сдѣлался однимъ изъ издателей «Маяка», былъ приглашенъ въ число сотрудниковъ этого журнала, гдѣ напечаталъ степное преданіе «Перекашиполе». Въ это же время въ «Репертуарѣ» напечатана его комедія «Пріѣзжіи», разобранныя нами выше. Редакторъ Репертуара, Ѳ. А. Коши, вступившій въ переписку съ Основьяненкомъ, пригласилъ его участвовать въ «Литературной Газетѣ», которую онъ тоже издавалъ, и Основьяненко напечаталъ здѣсь нѣсколько разказовъ и очерковъ. Редакторъ «Москвитянина», бывшій въ перепискѣ съ нашимъ авторомъ еще во времена «Телескопа», обратился теперь къ нему съ просьбою быть сотрудникомъ его собственнаго журнала, гдѣ Основьяненко напечаталъ тутъ же повѣсть «Ясновидящая». Кромѣ-того, издатели альманаховъ непрерывно просили у него «малороссійскихъ разказовъ»; и Основьяненко дарилъ каждый тогда выходившій сбор-

никъ. «Утренняя Звезда» г. Владиславева, «Новогодникъ» «Ластовка» Гребенки; «Наша» альманахъ, изданный книгопродавцемъ Неаковымъ; «Русская беседа» альманахъ Смирдина, «Молодикъ» г. Бецаго; «Утренняя Звезда», изданная въ Харьковѣ; «Южно-русскій сборникъ» г. Метлицкаго; «Кіевлянинъ» г. Максимовича, и «Сказка за сказкой» г. Кукольника—все эти сборники украшались статьями Основьяненка. Последнее его сотрудничество въ жизни было сотрудничество въ журналѣ для дѣтей «Звѣздочка» г-жи Шимовой, и послѣдняя статья его, напечатанная при жизни, была статья въ этомъ журналѣ, посвященная воспитанницамъ дорогаго ему Харьковскаго Института.

Лина Григорьевна принимала дѣятельное участіе въ судьбахъ всехъ этихъ трудовъ нашего автора. Вообще Основьяненко работалъ трудно. Почеркъ его, хотя очень-четкій, избличаетъ природу усидчивую, тяжелую. Въ письмѣ, отъ 26-го апрѣля 1839 года, къ П. А. Плетневу, онъ говоритъ :

«Я началъ переводить одну изъ повѣстей моихъ... Она еще не вышла изъ-подъ домашняго крова, повѣсть не читана и въ отрывки не изорвана. Признаюсь вамъ, иногда бываетъ мнѣ въ этой работѣ тяжело выразить мысль свою, авторскую, или описаніе дѣйствія; я подбираю слово къ слову, такъ и сякъ переначиваю; все мнѣ кажется несоответствующимъ разсказу дѣйствующихъ лицъ избраннаго мною рода, характерамъ ихъ, мѣстности и языку... Сякъ такъ излагаю и иду далѣе!»

Въ названной нами выше статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, Основьяненко говоритъ (Москвитининъ, 1849 года, № 20-й, стр. 333-я):

«Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ нашемъ кругу единообразіе, утопченность, благоприличіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ нищцъ для замѣчаній, наблюденій; нечего же выставлять всемъ видимое и извѣстное! Вотъ, въ простомъ классѣ людей

необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои «Маріуси», «Оксѣны», «Паумы», «Мироны» и «Сотниковны!»

Вслѣдъ за этимъ Основьяненко затѣялъ большой романъ «Пустолобовъ», который потомъ, въ 1841 году, вышелъ подъ именемъ «Похожденій Столбикова». Этотъ романъ, вообще невинный, дѣтски-утрированный и еще болѣе отсталый по своей сатирѣ, не на шутку его безпокоилъ. Онъ боялся его печатать и нѣсколько разъ просилъ издателей остановить его изданіе. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 28-го апрѣля 1839 года, которое въ своемъ мѣстѣ мы приводимъ вполнѣ, онъ говоритъ :

«Я не боюсь шмелей! Я и уши заткну; я и уѣду, чтобъ не слышать; но близъ насъ находящаяся блохи, клопы и прочія насѣкомыя, тѣ кусаютъ или болѣе безпокоятъ, до того, что мѣста не найдешь!»

Мы думаемъ, что читателямъ интересны будутъ при этомъ слѣдующія строки изъ письма къ намъ В. П. Даля, отъ 31-го мая 1854 года, изъ Нижняго Новгорода. Въ письмѣ его читатели найдутъ лучшей пригезоръ нашему автору одного изъ достойнѣйшихъ его собратій. Вотъ эти строки.

«Съ *Квиткой* я познакомился около 1836 года. Онъ посвятилъ или написалъ мнѣ одну изъ сказокъ своихъ, какъ вамъ извѣстно. Это было первымъ поводомъ; затѣмъ онъ же прислалъ мнѣ тетрадку съ тремя сказочками. Онъ были имъ написаны наскоро, неотдѣланы и не для печати. Я думаю, что *Квитка* одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказчиковъ на родномъ нарѣчій своемъ. Многословная болтовня его на природномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же перѣдко пошловата. Какъ быть! Доколѣ писатели во французскихъ крысиныхъ перчаткахъ и въ раздушенныхъ завиткахъ, чопорно охорашиваясь, будутъ старательно изъясняться подборомъ французскихъ словъ и оборотовъ, прида-

вая имъ только по наружности русскій видъ, доголѣ русское слово не будетъ облагоустроено. По мнѣ, уже пусть бы лучше пронахивало сырѣемъ да квасомъ, лишь бы въ носъ пошибало!»

Въ то время, какъ Основьяненко чувствовалъ свое одиночество въ литературѣ, Анна Григорьевна старалась утѣшить его и излечить его раны. Въ сентябрѣ 1839 года, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, она защищала повѣсть «Галочку», которую редакторъ «Современника» называлъ существомъ нѣсколько-идеальнымъ. Она писала:

«Почему вы находите, что Галочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его»⁽⁶⁸⁾.

Въ письмѣ, отъ 18 мая 1840 года, къ П. А. Плетневу Анна Григорьевна точно такъ же защищаетъ *Панну Сотниковну*, стараясь оправдать ея возвышенный, полный самоотверженія и любви женскій характеръ. Въ 1840 году явилась у Основьяненка мысль ѣхать въ Петербургъ, но уже въ февралѣ 28 числа онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Не правда ли, моя мысль сбыточнѣе, нежели ваша, чтобъ пріѣхать въ Петербургъ? Средствъ и возможностей никакихъ. Племянницы опредѣлены въ Харьковской Институтъ. Итакъ ни по чему не выходитъ намъ ѣхать въ Петербургъ.»

(68) Увы! почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи, и разсказать его все-таки сантиментально и вяло...

Вскорѣ г. Фишеръ объявилъ въ Петербургѣ, что приступаетъ въ своей типографіи къ изданію *Полнаго собранія сочиненій Основьяненки*. Письма этого времени нашего автора къ разнымъ знакомымъ полны хлопотъ по этому изданію. Изданіе сѣтаноилось и, кромѣ неприятностей, самыхъ чувствительныхъ, ничего не принесло огорченному старику, который, вдали отъ Петербурга, не могъ съ успѣхомъ стоять за свое дѣло. Въ письмѣ своемъ, отъ 23 марта 1840 года, къ Н. П. Шредеру, списанномъ для насъ Г. Н. Геншадъ и Н. С. Тихомировымъ изъ собранія писемъ С. Д. Полторацкаго, онъ говоритъ :

«Простите авторекому самолюбію, заботливому о своихъ писаніяхъ! *Дворянскіе Выборы* сорвались у меня съ языка; въ брѣвѣнѣ схвачено было и почти противъ воли въ такомъ видѣ и напечатано, до того безобразно, неприбрано, что я отрекся и отрекаюсь отъ нихъ. Малороссійскія повѣсти помѣщая въ переводѣ въ «Современникѣ». Первая *Маруся* была читана ихъ И. Высочествомъ, В. К. Маріѣ и Ольгѣ Николаевнамъ. Государыня императрица изволила присутствовать при чтеніи и удостоила его особеннаго вниманія. Государь цесаревичъ, читая припавшее ему въ Венецію, изволилъ читать съ наслажденіемъ. Такъ писали ко мнѣ ⁽⁶⁹⁾... Всѣ повѣсти—разныхъ родовъ и большею частію малороссійскія, съ сохраненіемъ всѣхъ оборотовъ и манеръ въ изъясненіи! Кромѣ стариковской слабости, съ примѣсью свойственнаго авторамъ тщеславія, моя цѣль еще и та, что, когда Елизавета Дмитріевна все это прочтетъ, *она будетъ имѣть понятіе обо мнѣ*... Старый же другъ, прочитавъ, разсѣется и скажетъ : «Вотъ, отшельникъ! А четки? а Куряжскій Монастырь?» Чего-то я не прошелъ и не испыталъ!.. Въ гремящемъ повсюду альманахѣ «Утренняя Заря» есть моя повѣсть... Мои герои и героини все въ квіткахъ и запахахъ, все здѣшнихъ мѣсть».

Въ письмѣ, отъ 26 октября, онъ замѣчаетъ, съ наивною радостью, объ успѣхѣ *Халыскаго* въ «Отечественныхъ Запискахъ» :

(69) Объ этомъ писалъ къ Основьяненкѣ его защитникъ и литературный покровитель, Н. А. Плетневъ, со словъ Жуковскаго.

«Родетвеница наша, госпожа Бануцкая, бывъ лѣтомъ у насъ, разсказывала объ энтузізмѣ, съ какимъ хватали «Хамлевека» при появленіи его въ журналѣ, и желали видѣть скорѣе окончаніе. Мы не ведемъ разстѣпанной, шумной жизни; кругъ знакомства нашего весьма-ограниченъ; хотя и близъ города, но живемъ въ деревнѣ, подеревенски, соблюдая все приличіе при явѣ въ свѣтъ, чуждаясь оба всякаго вѣтреннаго шума и суеты. Новая должность потребуетъ жизни въ городѣ и ближайшихъ отношеній къ домамъ или семействамъ начальствующихъ; для этого нужно необходимое приличіе. У насъ нѣтъ экшажа... Покорнѣйшая наша просьба, когда начнется выручка уже въ нашу пользу, изъ изданія г. Фишера, то денегъ не высылать къ намъ, а собирать ихъ у васъ. Когда соберется ихъ столько, что можно что-нибудь предпринять, тогда будемъ безпикнуть васъ о *покупкѣ кареты*. Деньги намъ ни на что болѣе не нужны, какъ на снабженіе себя необходимымъ. При собственности, по мѣсту, буду получать 4000 р. асс. жалованья, слѣдовательно городская, неблестящая, а свойственная намъ жизнь обезпечена».

Передъ новымъ, 1841 годомъ, Основьяненко задумалъ сдѣлать Аннѣ Григорьевнѣ сюрпризъ: купить ей шубу на деньги, которыя выручатся въ Петербургѣ за сочиненія. Это задумано такъ оригинально и имѣло такой трогательный и грустный конецъ, что мы, въ своемъ мѣстѣ, приводимъ цѣликомъ подлинныя письма объ этомъ самого Квитки. Задуманный сюрпризъ остался неисполненнымъ. Затѣянное изданіе г. Фишера не принесло автору желаемой пользы. И въ письмѣ 1841 года, отъ 8 января, Основьяненко, съ горечью трупя надъ своею несбывшеюся мечтою, извиняется въ своей просьбѣ и говоритъ, что онъ былъ похожъ на *охотника, продающаго кожу, не убивши медвѣдя*...

Приводимъ здѣсь любопытное письмо къ намъ Н. П. Ка—рова (за которое приносимъ ему искреннюю благодарность) о жизни Основьяненка въ это время. Вотъ оно :

«Съ Г. О. Квиткою я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 г. Это былъ старикъ средняго роста, съ влѣшнюю головою, однимъ глазомъ (другой,

въ лѣта юности, онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ пришивавшій посѣтителей, въ гостиной въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ, съ каменною оградою, на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переехалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольского; мебель очень-простая; тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросѣ, или въ алтарѣ, такъ-что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень-религіозенъ и почти нанизустъ зналъ не только обыкновенное Богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и нескренности, простодушія и остроумія, которое такъ отбѣняетъ украшца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя у себя другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался послѣ, что у него «зачитывали». Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно, съ юношескимъ пыломъ, слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣтностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства, не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до «анекдотовъ», никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самыхъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень-добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою, причѣмъ отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ. Говорю это потому, что ее постоянно можно было застать за чтеніемъ легитимистскаго журнала: «La mode», хотя, мимоходомъ замѣтить, вовсе не была «femme à la mode!» Она

чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературною славою и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти!»

Огорченія скоплялись въ душѣ старика. Окружающіе мало или вовсе не сочувствовали ему; критика шутила надъ нимъ и не знала, какъ вдалекѣ отзывались въ сердцѣ «провинціала-разсказчика» ея насмѣшки. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и не могъ. Въ письмѣ, отъ 5 августа 1839 года, онъ писалъ :

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ, старанія достигать цѣли своей! А любопытно было бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, последнее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что на душѣ, наслушался бы васъ, да и назадъ ѣхать! Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду!»

Небольшое вознагражденіе, которое получалъ Основьяненко за участіе въ журналахъ, состояло въ присылкѣ для Анны Григорьевны газетъ и лучшихъ журналовъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ большаго не желалъ и не домогался, лишь бы она имѣла на его труды что почитать и чѣмъ поразвлечься. Но и это не обходилось безъ своей доли непріятностей. Два журнала стали систематически его преслѣдовать. Чтобъ представить образецъ этихъ много-шуточныхъ нападковъ, выпишемъ изъ «Библіотеки для Чтепія» за 1841 годъ, январь, отрывокъ изъ «Литературной Лѣтописи» :

«Есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемая изъ-за плетня; эти черты правовы, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; зготъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и мо-

ды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно отсюда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыханный губернской ядъ, котораго не боится даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валяющіяся на земь, въ нити шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ надающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распръекивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ: все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже нѣкой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за нонность и безвкусіе.» (Слѣдуетъ выписка изъ «Халавскаго»; далѣе эта же статья говорить о самомъ авторѣ:) «Это долженъ быть ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій, посредствомъ печати, читателей для своихъ отсталыхъ остротъ! Я назвалъ его писателемъ, и тутъ же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло оттого, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень правится умъ господина Основьященка, иные уже говорятъ просто *Основьященка*, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... На меня эти пошлости паводятъ скуку и уныніе!»

Съ грустью встрѣчалъ такіе отзывы Основьященко.

Онъ отказывался впередъ печатать, просилъ возвратитъ все, посланное въ журналы и сборники, и огорченію его не было предѣловъ. Съ большимъ трудомъ друзья успѣвали утѣшить его, велѣдъ за каждою подобною статьею.

А между-тѣмъ, какъ критика шутила и подсмѣивалась, Основьященко не переставалъ работать. Велѣдъ за брошюркою *Листы до любезныхъ земляковъ* (гдѣ, въ предисловіи и четырехъ листахъ посланій къ поселянамъ, онъ разбираетъ хорошія и дурныя стороны ихъ жизни),

поддержанный одобреніемъ мѣтнаго начальства , онъ задумалъ продолженіе *Листовъ* въ болѣе обширномъ видѣ. Въ началѣ 1842 года, по словамъ К. М. Семеновскаго, онъ написалъ на малороссійскомъ языкѣ *Краткую священную исторію*, которую тогда же передалъ преосвященному Пшохентію. Рукопись по смерти автора осталась неизданныю... Последнею завѣтною мыслію его, также неисполненною, было составленіе для простонародія *Краткаго свода уголовныхъ законовъ*, съ цѣлью выяснитъ поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества.

Огорченія отъ окружающаго и отъ выходовъ критики ложились тяжело—и-тяжело на душу Основьяненка. Онъ заболѣлъ. Отъ 3-го февраля 1841 года, онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Удушаемый своею хандрою или пшохондріей, что все одно и то же, въ первыхъ письмахъ къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ , я излагалъ свои возраженія на убѣжденія, какія вы можете сказать мнѣ , опровергая мое упрямство въ прекращеніи дальнѣйшаго изданія. Теперь буду отвѣчать на то, что вы уже сказали мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ: *любить и дѣлать добро для него самого!* Богъ видитъ мое сердце, какъ я люблю его самъ по себѣ и видя втораго меня , руководящаго меня къ тому; и чѣмъ бы я не пожертвовалъ, о чемъ бы пожалѣлъ , еслибы могъ дѣлать другимъ добро! Но если , чтобы доставить другимъ удовольствіе и даже пользу, долженъ я подвергаться безпрестанному уязвленію , тогда утѣшить ли меня сдѣланное для другихъ добро? Утѣшить, безъ сомнѣнія, когда я одинокъ! Но когда съ моею жизнію соединена жизнь другаго, невиннаго ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ, при возрѣніи на мои страданія, страдающаго отъ одного участія , болѣе , нежели я терплю существенно, въ моемъ спокойствіи полагающаго все благо , живущаго только жизнію моею — тогда позволительно ли накликать на себя хотя часть бѣдствія? А ихъ ежечасно переносу тьму! Слабость, непростительное малодушіе, подходящее къ ребячеству : ну, просто, глупость! Но что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ побѣдить себя? Чѣмъ утолить боль душевную , разжаряющуюся отъ безпрестанно—грызущей меня мысли : я огорчилъ всѣхъ, вы-

вода дѣянiя людскiя; я ожесточилъ ихъ противъ себя! Я не буду видѣть отъ нихъ ни сожалѣнiя, ни участiя въ скорби моей!»

Въ письмѣ, отъ 4-го марта 1841 года, онъ пишетъ:

«Бѣдная моя Анна Григорьевна, истощивъ все увѣщанiя, все убѣжденiя, видя меня глубоко-страдающаго и не находя никакихъ средствъ успокоить и вразумить меня, рѣшилась согласиться со мною... Мои страданiя успливались отъ воображенiя... Наконецъ положенiе мое стало невыносимо! Анна Григорьевна открыла все брату моему, здѣсь же, на Основѣ, живущему. Тотъ испугался моего состоянiя и потребовалъ, чтобъ я прибѣгнулъ къ леченiю. Я самъ видѣлъ слабость, глупость свою; но волненiе было во мнѣ произвольное; ничто не могло меня образумить, и даже самъ я сознавался, что душа моя въ необыкновенномъ состоянiи. Докторъ нашелъ положенiе мое очень-серьезнымъ и находилъ необходимымъ кинуть мнѣ кровь, но остановился на сильныхъ лекарствахъ... Однимъ словомъ, въ то время, еслибъ имѣлъ возможность, я бѣжалъ бы на край свѣта, чтобъ даже не слышать о людяхъ! Самое напоминанiе объ *Основьяненкѣ* потрясло меня!»

И все эти страданiя испытывалъ нашъ авторъ въ то время, какъ произведенiя его читались на-расхватъ. Въ его бумагахъ находится письмо его издателя, г. Фишера, отъ 10-го февраля 1841 года, изъ Петербурга, гдѣ послѣднiй говоритъ, что его «Халаявскаго» по 4-е февраля, то-есть въ два мѣсяца «куплено изъ конторы 500 экземпляровъ на чистыя деньги».

Въ письмѣ отъ 15-го марта 1841 г. Основьяненко замѣчаетъ:

«Одно только въ письмѣ вашемъ не больно было, но насмѣшило насъ, что вы отсылаете меня къ постороннимъ лицамъ. Кому повѣрилъ бы я? Около меня ежеминутно была Анна Григорьевна, увѣрявшая меня настоятельно, что я не такъ дѣйствую—вы не одобрите меня. Это самое утверждалъ и братъ мой, принимавшiй въ положенiи моемъ искреннее участiе... Я слушалъ ихъ. В. А. Жуковскiй такъ давно видѣлъ меня, такъ мало

знать меня, что, я думаю, съ трудомъ припомнить обо мнѣ; и тогда, что ему за нужда поддерживать меня? Гг. Погодинъ и Максимовичъ знакомы по письмамъ; но имъ не открыты душа моя, чувства! Нѣтъ, почтеннѣйшій другъ, ни къ кому и никогда не отнесусь я за руководствомъ.»

Скоро Основьяненко принужденъ былъ изъ тихой Основы переѣхать въ городъ. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го октября, онъ пишетъ:

«Представленіе меня къ должности пошло отсюда, вмѣстѣ съ другими предсѣдателями, на утвержденіе; но, какъ оно разсматривается во многихъ инстанціяхъ, проходить чрезъ Сенатъ, то медленность необходима. Мы платимъ за приготовленную квартиру, и живемъ у себя; топимъ здѣсь, топимъ и тамъ, въ ожиданіи, что нужно будетъ переѣхать немедленно!»

Одинъ случай особенно рисуетъ честность и доброту души нашего автора. Онъ былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ г. Сумцовымъ, жителемъ Харькова, и задолжалъ ему нѣсколько тысячъ. Занмодавецъ умеръ, вексель былъ какъ-то порванъ. Но въ одно утро является къ нему на село Москалёвку, гдѣ онъ тогда жилъ, сынъ г. Сумцова, бѣдный студентъ, и объявляетъ, что ему нѣчего ѣсть, а что, помнится, г. Квитка былъ долженъ его отцу около 3000 руб. асс. Основьяненко усадилъ молодого человѣка, разговорился съ нимъ, порылся въ своей памяти и объявилъ, что точно онъ долженъ его отцу и готовъ ему уплатить... Это намъ передалъ самъ г. Сумцовъ.

VII.

Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Съверныхъ
Антикваріевъ.

Новый 1842 годъ начался для нашего автора еще печальнѣе 1841 года. Вотъ что онъ писалъ отъ 7-го февраля 1842 года, къ П. А. Плетневу:

«Насчетъ здоровья вашего я былъ успокоенъ коротенькимъ письмомъ вашимъ черезъ г. Вильсона, писаннымъ въ самый новый годъ, въ тѣ часы вами писаннымъ, *когда я здѣсь близокъ былъ къ смерти*. Болѣзнь схватила меня въ первые часы новаго года, и теперь еще я не подѣрвился».

1843 годъ былъ послѣднимъ въ жизни нашего автора. Перениска его стала менѣе-говорлива и прилежна. Усталость отражалась въ каждомъ его словѣ, въ каждой мысли.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1-го февраля, 1841 г.) Основьяненко говоритъ:

«Вы не знаете провинциаловъ , мѣткій , сужденій ихъ и удобства настраивать ихъ къ общему понятію! Я говорю объ особенной массѣ ; но она, масса, и кричитъ больше понимающихъ дѣло! Съ моею раздражительностью, съ моею склонностью къ мрачнымъ мыслямъ, не имѣя возможности укрыться отъ людей (да и гдѣ отъ нихъ укроешься? они вездѣ одинаковы!) предчувствую, что они собьютъ меня съ погъ, если не сдѣлаютъ болѣе. «Малодушіе!» вы скажите; очень согласенъ и признаю въ себѣ этотъ порокъ; но не знаю, кто бы пошелъ черезъ опасный ледь, не взявъ предосторожностей? Съ Анною Григорьевною увѣряю, что я былъ равнодушенъ, какъ и теперь, къ журнальнымъ замѣчаніямъ. Но вы не знаете провинциаловъ. Для нихъ печатный листокъ — неопровержимая истина; напечатано!» (70).

Въ письмѣ, отъ 13-го іюня, 1843, онъ говоритъ:

«Г. Григорьевъ (71), гостившій, по занятіямъ своимъ, у насъ въ Харьковѣ, обѣщаль лично доставить мое письмо къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и объяснить вамъ о нашемъ положеніи, въ нѣкоторой части ему извѣстномъ (72). Здоровье мое все попрежнему, и подлѣ-часть, урывками пишу, что случится. Духомъ страдаю очень, но силюсь, чтобъ силы души и тѣла сохранить. Не вижу конца своимъ неприятностямъ... Будьте здоровы. Не оставляйте насъ въ своей памяти и вѣрьте искренней любви и уваженію преданнѣйшаго—*Григорія Квитки*».

(70) Въ этомъ письмѣ, прося остановить печатаніе «Столбикова» за котораго особенно боялся онъ толковъ ближнихъ, онъ замѣтилъ, что: *не печатая его, ему прибавитъ десять лѣтъ жизни противъ обыкновеннаго*. Онъ не жилъ и трехъ лѣтъ послѣ этого.

(71) П. П. Григорьевъ, извѣстный артистъ петербургскаго русскаго театра.

(72) Здѣсь далѣе описывается одинъ *домашній случай*, особенно-огорчившій больного, и безъ того, старика. Упомянутый случай окончательно разстроилъ здоровье нашего автора.

Мы достали письмо г. Григорьева къ нашему автору, въ отвѣтъ на его порученія, отъ 19-го іюля, того же года. Вотъ оно :

«У г. П — ва сидѣлъ я съ часъ и, разумѣется, высказалъ прямо все, что вы и я думземъ о ***. П вотъ слова его превосходительства:

«— Ахъ, Боже мой! какъ я и самъ страдаю отъ плутней этого негодая. Надо же быть моему несчастью, что я свелъ Гр. Фодоровича съ нимъ именно въ ту эпоху, когда считалъ его честнѣйшимъ человекомъ! А теперь мнѣ и жалко и досадно, но... какъ быть! Я рѣшительно не могу тутъ ничего сдѣлать; я даже бранился съ нимъ, повѣрьте мнѣ, однако, ничто не подѣйствовало. Это какой-то хладнокровный и смѣлый плутъ, который умѣетъ дать отвѣтъ всякому! и т. д.

«Г. Краевскій получилъ ваше письмо и благодаритъ меня; разспрашивалъ о Харьковѣ, о харьковскомъ театрѣ; потомъ сказалъ, что писалъ вамъ въ письмѣ, какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ думаетъ о «Молодикѣ» Бецкаго. Только прошу васъ не показывать этого письма молодому человеку: оно можетъ разочаровать и отбить охоту дѣйствовать въ пользу дѣтскаго пріюта. Теперь вопросъ: что дѣлается съ моими «Вояжерами»? Мой бенефисъ въ началѣ сентября. Ради Бога высылайте; въ это время я буду строчить куплеты; а иначе боюсь, чтобъ не опоздать. Только умоляю о главномъ : больше хохотнѣ ! больше курьёзныхъ положеній! Это вѣрнѣйшая порука за уснѣхъ».

Послѣдняя, напечатанная при жизни, статья Основьяненка была: *О святой мученицѣ Александрѣ Царицѣ* въ «Звѣздочкѣ» 1843 г. (за іюль), съ подписью : *Посвящается воспитаницамъ Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ*, 21-го апрѣля 1843 г. *Первая въ жизни*, напечатанная нашимъ авторомъ статья, также была посвящена любимому Институту...

По смерти Основьяненка явилось въ печати еще нѣсколько его про-

изведеній. Мы нечисляемъ ихъ въ прилагаемомъ къ статьѣ нашей перечнѣ его сочиненій.

21-го августа, въ «Прибавленіи» къ 33-му № «Харьковскихъ Губернскихъ Ведомостей», появилась статья П. П. Срезневскаго, подъ именемъ: *О кончинѣ Г. О. Квитки*, съ подписею: «10-го августа, 1843 года». Вотъ отрывки изъ этой статьи :

«8-го августа, въ пять часовъ пополудни, скончался въ Харьковѣ предѣдатель Палаты Уголовнаго Суда, надворный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 4-й степени, Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Потеря—которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойника, его искреннюю любовь къ отечеству, его примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги краю! (73).

«Вчера вечеромъ былъ выносъ тѣла покойнаго *Г. О. Квитки* въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого онъ терялъ, что онъ весь чтилъ покойника, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избранныйшихъ людей края! Все сословія, отъ самаго вѣшняго до самаго простаго, тысячами стеклись поклониться праху своего любимца. Площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойникъ, до вратъ храма, была полна

(73) По словамъ О. Р. Быковскаго, Основьяненко умеръ въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и вышѣвшей Гимназіи, въ пеходѣ 4-го часа пополудни. Когда раздался на колоссальной колокольнѣ Харьковскаго Собора (14-ю аршиннами выше Ивана Великаго) печальный благовѣстъ большаго колокола, г. Быковскій стоялъ за спинкою кресель другаго знаменитаго мужа Украины, *Козьмы Шикитича Кузина*, вскорѣ также умершаго, слово котораго въ край нашемъ соблюдалось болѣе всякихъ форменныхъ обязательствъ. По словамъ же г. Сумцова, Квитка умеръ не на базарѣ, но въ домѣ Котлярова, вышѣ нѣжинскаго грека Сканды.

народомъ, и слезы были видны на глазахъ многихъ... Предсѣдатели и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ; чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его. Сегодня, въ присутствіи генерал-губернатора, князя Н. А. Долгорукова, гражданского губернатора, С. Ш. Муханова и чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, совершена была литургія преосвященнымъ Иннокентіемъ. Несравненный пастырь нашъ, прежде отпѣванія покойнаго, произнесъ слово, краснорѣчиво поучавшее слушателей и напоминавшее о жизни покойнаго. Въ половинѣ второго пополудни, началось погребальное шествіе, по Екатеринославской Улицѣ, на Холодногорское Кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. На печальную процессію сошлись не только горожане со всѣхъ концовъ города, но и поселяне изъ ближайшихъ селеній!»

Воспаленіе, сведшее въ могилу нашего автора, продолжалось одиннадцать дней. Онъ спокойно приготовился къ смерти и тихо скончался на рукахъ жены, нѣкоторыхъ изъ родныхъ и близкихъ, какъ, наврядъ мѣрь, П. Ю. Квитки и П. П. Гулака-Артемовекаго.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Черезъ девять лѣтъ послѣ него, 31-го января 1852 г., умерла Анна Григорьевна. Какъ мы сказали прежде, дѣтей у покойныхъ супруговъ не было.

Мы посѣтили могилу супруговъ цыпѣшнимъ лѣтомъ, на Холодногорскомъ Кладбищѣ, съ вышины котораго открывается у ногъ весь Харьковъ, какъ на картинѣ, съ его свѣтленькими новенькими домами, улицами и извилистыми рѣчками. Могила находится почти на краю горы, надъ обрывомъ. Памятникъ надъ нею — бѣлый мраморный, съ чугунною оградой и надписью:

Здѣсь покоится прахъ

Григорія Федоровича

Квитки.

(Основьяненка).

Родился 18 ноября, 1778.

Скончался 8 августа 1843.

И другая надпись на немъ же :

*Анна Григорьевна Квитка,
урожденная Вульфъ.
Родилась 1800 года, мая 17-го дня.
Скончалась 13-го января 1852 года.*

Грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ, при разработкѣ бумагъ покойнаго, дипломъ Копенгагенскаго Общества Антикваріевъ, присланный ему въ Харьковъ изъ Копенгагена, отъ 27-го августа 1845 года, значить—ровно черезъ два года послѣ его смерти...

Вотъ этотъ дипломъ. Подъ красивою вишетькою, изображающею древности Сѣвера и ихъ собирателей, въ античномъ вкусѣ, за подписею знаменитаго Магнусена и секретаря Общества, немепѣ знаменитаго Рафна, съ печатью, украшенною рунами, слѣдуетъ самый дипломъ: «Le Conseil d'Administration de la Société Royale des Antiquaires du Nord, sur la proposition du Comité pour l'ancienne histoire de Russie, a, dans sa Séance de ce jour, nommé *Associé de la Section Russe*, Son Excellence, *monsieur Grégoire Kvitka*, conseiller d'état actuel, à *Khar-kov*, qu'elle estime doué de la volonté et de la faculté de contribuer à atteindre le but que se propose la Section, et tous les droits en Associé lui seront réservés conformément au Règlement de la Section».

Квитка по ошибкѣ названъ здѣсь дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, какъ по ошибкѣ же сочтенъ дипломомъ въ числѣ живыхъ...

VIII.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ОСНОВЬЯНЕНКА.

Письма Квитки къ П. А. Плетневу. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Даля-Луганскаго.

По плану нашего труда, мы должны теперь представить читателю отрывки изъ литературной корреспонденціи Квитки. Мы думаемъ, что, за отсутствіемъ мемуаровъ и автобіографій нашихъ литераторовъ, это единственное средство пополнить, въ бібліографическомъ опытѣ о какомъ-нибудь писателѣ, пробѣлъ его литературныхъ откровеній и признаній. Не можемъ не принести здѣсь искреннѣйшей благодарности тѣмъ, кто ихъ намъ доставилъ изъ разныхъ рукъ, и въ особенности П. А. Плетневу, снабдившему насъ болѣе, чѣмъ пятьдесятью письмами къ нему Квитки. Въ письмахъ друзей Квитки видна вся добрая и искренняя любовь ихъ къ доброму украинскому рассказчику; въ письмахъ же Квитки цѣликомъ вылился этотъ робкій, застѣнчивый, скрытный, подь-часъ лукавый и подь-часъ отсталый писатель.

Изъ находящихся у насъ въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ писемъ отъ Основьяненка къ разнымъ литераторамъ и отъ нихъ къ Основьяненку, прилагаемъ здѣсь интереснѣйшіе, цѣликомъ и въ отрывкахъ, на сколько позволяютъ намъ литературныя приличія...

Письма Островяненка къ П. А. Плетневу.

I

7-го января 1859. Основа.

«Принюся искреннѣйшую благодарность вашему превосходительству за удостоеніе моею «Маруси» помѣщеніемъ въ журналъ, издаваемомъ вами, въ переводъ моего же, и за всѣ ваши ободрившіе меня отзывы, я рѣшился васъ безнокоть предложеніемъ: не угодно ли будетъ вамъ имѣть и еще изъ моихъ малороссійскихъ повѣстей, переложенныхъ на русскій? Въ такомъ случаѣ, получивъ отъ васъ извѣщеніе, я вышлю къ вамъ: «Конотопскую Вѣдму» и «Кладъ». Одобрить ее къ помѣщенію въ журналъ вашемъ или отринуть—совершенно завистъ будетъ отъ васъ; я узнаю тогда цѣну имъ.

«Поручивъ Василю Андреевичу Жуковскому, въ бытность его въ Харьковѣ, «Марусю», вами помѣщенную, я вручилъ еще «Мертвецкій великъ-день» и «Добре робі — добре буде», также переложенныя по русски. Если они не заслуживаютъ чести быть извѣстными, то я равнодушенъ; но если вы ихъ не позволите видѣть еще и если можно ихъ отыскать, то предаю также въ волю вашу. «Солдатскій портретъ», помѣщенный въ Современникъ же, прекрасно переданъ уважаемымъ мною В. П. Далемъ; но, съ позволенія его, есть выраженія, не такъ изъясняющія мысль и измѣняющія понятіе о дѣйствіи. Все это отъ неизвѣстности мѣстности и обычаевъ.

«Козырь-Дівка» переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Кореяковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

«Вѣзмъ, чѣмъ только въ силахъ и возможности, готовъ служить вамъ, пренеполюненнѣи благодарности за лестное вниманіе и за полезныя труды ваши, въ чемъ да подкрѣпннть васъ Богъ!»

II.

8-го февраля 1859 года.

«Не умѣю выразнть той благодарности, какою пренеполюненъ за одушевленное меня, наставнтельное письмо ваше. Изъ него я удостовернлся, что я *ничто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣнть холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго перелнваю въ порожнее. Я думалъ, что нлн меня не понимаютъ, нлн въ самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочннкомъ? Къ чему ндн за толюю, въ коей все глушатъ одннъ другаго. Мнѣ было досадно, что все летаютъ подъ небесамн, нзобрѣтаютъ страстн, созндаютъ характеры; почему бы не обратнться направо, налево, и не нсать того, что поацдется на глаза? Жнвн въ Украйнѣ, прнучася къ нарѣчію жнтелей, я выучнлся ннмать мыслн нхъ и заставнл нхъ *своими словами* пересказать нхъ публнкѣ. Вотъ прнчина вниманію, коимъ удостоена «Маруся» и другія, потому-что нснсаны съ натурн безъ всякой прнкрасы и отгушовкн. И прнзнаюся вамъ, описывая «Марусю», «Галочку» и проч., не могу, не умѣю заставить нхъ говорить общнмъ языкомъ, влекущнмъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всемъ нарѣчіе, слышу отъ васъ н, подобно вамъ, знающнхъ дѣло, что оно хорошо; не я его прнзвелъ, а нснсалъ только. Слѣдовательно, все, что вы сказанн обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что н есть, то по счастливой находкѣ нлн уллученію въ мѣту, по счастію.

«Слѣдуя одобренію вашему, пишу и буду писать. Буду и переводить, что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналъ нашъ, помѣщайте; нѣтъ — безъ всякаго снисхожденія отриньте; личные отношенія и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найди судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благо-расположенность вашу, прилагаю «Конотопскую Вѣдму», нелѣпую по содержанию своему; но все это основано на *разказъ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдмъ при засухѣ, не только бывало, со всеми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею соседней губерніи. Велѣдъ за этимъ будетъ: «*Вотъ тебѣ и кладъ*»; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы «Козырь дѣвка», но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, на какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полеловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *Щірая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Не явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю».

III.

15-го марта 1859 года.

«По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчій. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и воее неспособенъ. Зная его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго

языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и вида, что землякамъ это правится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь-пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

«Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему, и брошено, хотя правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣснить, и пайдешь споснымъ, но не передающимъ вполнѣ (ну, право), красоту малоросскихъ оборотовъ. Такой переводъ «Маруси» и проч. дошелъ къ вамъ отъ Василія Андреевича? Вотъ, начавъ отъ потопа, дошелъ я до настоящей цѣли отвѣта. Вы теперь видите, что я не произвольно, нечаянно, неумышленно попалъ въ нисаки, и хотя, точно, обстоятельства мои требовали поддержки и я заботился пріобрѣсть что-либо, но все ускользало изъ рукъ, и ничто, до сихъ поръ, не ободрило.

«Все, посланное въ Петербургъ, тамъ и оставалось; или напечатываютъ, а мнѣ не только книжки, и спасибо не скажутъ, или затеряется тамъ, или замолчатъ; и я уже отложилъ всея заботы, чтобы получить что-либо, и не хлопочу, а все продолжаю писать, то отъ нечего дѣлать, то, чтобы изложить мысль, какая намъ, съ женою, придется; хоть посмѣемся или погрустимъ вмѣстѣ—и то наше; потомъ и пустимъ печатать, кому отдамъ или такъ пойдетъ по рукамъ и затеряется. Также точно вы видите, что я не могу, по пылѣвшему, писать очн-

щеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ, малороссійскій. Следовательно, не беруся исполнить, по совѣту вашему, внушенному добрымъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ. При всемъ усиліи, при всемъ стараніи, буду взлѣзать на ходули и, отъ неумѣнія управлять, зашатаюсь и упаду. Зачѣмъ же приниматься за то, что выше силъ? Притомъ, почтеннѣйшій Петръ Александровичъ, потрудитесь выкинуть въ видимую разницу нашихъ — ну именно, языковъ русскаго и малороссійскаго, что на одномъ будетъ сильно, звучно, гладко, то, на другомъ, не произведетъ никакого дѣйствія, холодно, сухо. Въ примѣрѣ «Маруся»; пропешествіе трогательно, положеніе лицъ привлекаетъ участіе, а разсказъ, ни то, ни сѣ; я говорю о русскаго; какъ напротивъ малороссійская беретъ разсказомъ, игрою словъ, оборотами, краткостью выраженій, имѣющихъ силу! Малороссійская «Маруся» не смертію интересуется, но жизнью своею. «Ии, мамо!» — «а тожь—алѣ!» — у мѣста сказанное, въ русское этого не одѣнешь. Примѣръ вамъ: *Праздникъ мертвецовъ*. Это легенда, мѣстный разсказъ, ежегодное напомниманіе въ семьѣ на заговѣны о «Терѣшкѣ, попавшемся къ мертвецамъ съ вареникомъ!» Разсказанное по нашему, какъ всѣ передаютъ это преданіе, правилось; перечитывали, затверживали. Перешло въ русское и вышло ни то, ни сѣ; поводъ журналисту труппить, чего я и ожидалъ, при прочтеніи ее въ вашемъ журналѣ».

IV.

26-го апрѣля 1839 года.

«Что же мнѣ дѣлать, если я себя не понимаю! (Это будетъ объясненіемъ на вторую часть послѣдняго письма вашего). Вотъ мое чисто-сердечное сознаніе. Никогда не думалъ я писать что-либо. Читанное не правилось; и если встрѣчалось что-либо сходствовавшее съ моимъ

разумніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не желѣли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устроивалъ институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всеѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ все мои труды и тутъ-то посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать. По обстоятельствамъ, я написалъ первую, комедію... охъ!... «Дворянскіе выборы!» Родъ людей, которыхъ вы такъ вѣрно изобразили, принялись меня катать съ бока на бокъ. Все эти господа начали пересчитывать сколько мною написано «ибо, поелику, дабы» — а слова-то и не примѣтили; цѣль, намѣреніе остались вовсе безъ разсмотрѣнія, и было ли то все въ пьесѣ, никто не сказалъ, исключая г. Ушакова, въ Телеграфѣ. Это меня огорчило, охладило. Защищая какъ-то достоинство языка малороссійскаго, я вызвался заставить разсказомъ своимъ плакать — не повѣрили; я написалъ «Марусю»; и когда убѣждали меня напечатать, то я, боясь опять цеховыхъ скалозубовъ, написалъ для нихъ «Солдатскій портретъ», чтобъ оградить себя отъ насмѣшекъ ихъ и чтобъ они поняли, что сапожнику не можно разумѣть портнаго дѣла. Для составленія части, писалъ простонародное преданіе, изъ рода въ родъ передаваемое: «Мертвецкій Великъ-день». Писавъ «Марусю», я узналъ себя, что могу такъ писать; но порусски, послѣ уроковъ за «Дворянскіе выборы», я боялся приниматься. И что жъ? Когда вышла первая часть повѣстей, отовсюду были отзывы, что они плакали, какъ «Марусю» погребали, и я готовъ былъ плакать о нихъ. Были и такіе, что благодарили меня, что я доставилъ лакеямъ ихъ чтеніе, понимаемое ими; натурально, что я смѣялся надъ такими. Немногіе замѣтили, какъ Маруся съ Василюмъ пересылалась песочкомъ, когда говорила съ нимъ о чувствахъ своихъ, и сказали, что мнѣ не

пужно другой эпитафій : «Онъ написалъ Марусю». Для нихъ, а болѣе для Анны Григорьевны, я продолжалъ писать и составилось двѣ части повѣстей. Здѣшніе, хвала мое писаніе, принимались переводить на русскій, но все было неудачно; и не перевелъ, а переписалъ слово-въ-слово, безъ малѣйшей перестановки словъ или перееказа другимъ образомъ. Въ ту пору проѣзжалъ В. А. Жуковскій. Наговорилъ много лестнаго и желалъ читать ихъ въ переводѣ. Какой былъ у меня подъ-рукою, я такой и вручилъ ему. Просили меня написать для театра оперу; я собралъ главныхъ здѣшнихъ характеровъ нѣсколько, наполнилъ пѣснями, обрядами, и пошло дѣло въ-ладъ. Изъ этого вы видите, что я таки нахожу себя способнымъ писать, и хотя знаю, что немногіе видятъ, что и для чего я пишу, но для понимающихъ пишу. И еслибъ не язвительныя выходки самозванцовъ-цѣнителей, то я писалъ бы и порусски, какъ бы смогъ; но не желая дать поводу трунить надъ собою, не смѣлъ бы за русское взяться, еслибъ не вы; и еще принялся писать на особый ладъ, о чемъ изъясню ниже. При первой встрѣтившейся идеи, я тотчасъ пишу и тогда у меня все въ сторону, пока не окончу. Не черню никогда ничего, а прежде всего въ мысляхъ сложу планъ, характеры лицъ, ходъ дѣйствій одного за другимъ; разговоры же и прочее приходятъ во время писанія. В. А. Жуковскій, говоря со мною о «Дворянскихъ выборахъ», совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ и съ тою цѣлю. Когда же я изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ. Тутъ я уцѣпился за прежнюю мою мысль: добродѣтельныхъ людей, честныхъ чиновниковъ и вообще исполняющихъ свое дѣло, къ чему описывать? Въ порядкѣ идущія времена года, постепенное ихъ измѣненіе, польза, ими приносимая, какъ бы ни было все это описано, не займетъ насъ, потому-что мы сами все видимъ. Но ураганы, вырывки изъ порядка и всѣ необыкновенности: это должно описывать. Давно уже я приступилъ къ описанію жизни «Нустолобова», имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ. Онъ простачокъ,

неполучившій образованія , чудно мыслить , будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумнѣй. Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе разоряютъ судьи , опекуны; его развращаютъ, поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филѹ; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его похождения , участіе въ выборахъ и много-много... Сей сказки написалъ я первую часть и послалъ въ Москву. Тамъ на меня сильно нанали; но когда Василій Андреевичъ обнадежилъ меня, что они говорятъ пустяки, то я припаялся писать и нагородилъ (при всемъ желаніи укротить себя) шесть частей. Но при первой мысли я тотчасъ сообразилъ, что, по выходѣ этой книги, все опекуны, судьи, содержатели пансіоновъ, предводители и все описанныя мною, по именоваціямъ лица, все возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла «Козырь-дѣвка» и судья сердится на меня, что онъ никогда бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за «Выборы» и теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ «Новогодникѣ» вышла статья «Скупецъ» и все додумываются, кого я это описалъ? Чтò же будетъ, когда выйдетъ сатира на все злоупотребленія, дѣлаемая людьми во всехъ званіяхъ? Я до-того испугался, что повторяю мои убѣжденія къ Н. А. Корсакову, чтобъ отложилъ печатаніе вовсе. Вы видите и знаете, какъ я изъясняюсь и пишу; такъ изложена, безъ дальнѣйшаго старанія, вся повѣсть. Какое богатое поле ругателямъ-журналистамъ!

«Насмѣшки во всеуслышаніе, домашніе упрёки (если не болѣе) — это будетъ моею наградю! А мнѣ бы хотѣлось умереть покойно, чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо. Самоувѣренность не въ состояніи разогнать всехъ мрачныхъ мыслей.

«За разметаніе моихъ писаній не пѣняйте на меня. Все это вотъ какъ произошло. Графъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ, прося статьи въ Альманахъ В. А. Владиславева, на 1840 годъ, издававшійся съ благотворительною цѣлью. Я выслалъ. Вотъ отдѣльная статья. Другая ото-

рвалась отъ цѣлаго , это отрывокъ отъ Пустолобова , который П. А. Корсаковъ разсудилъ помѣстить для свѣдѣнія , что будетъ цѣлое. Каковъ отрывокъ? Не знаю , не читалъ , за неимѣніемъ здѣсь и даже у меня альманаха. При пріѣздѣ къ *** , безъ моего вѣдома , вписали меня въ сотрудники и потомъ уже спросили , чѣмъ и могу содѣйствовать? Чтò дѣлать , у меня было въ мысли описать малороссійскую жизнь , и воспитаніе , и обряды , и проч. и проч. старинное , чего уже теперь и слѣдовъ нѣтъ. Я имъ объявилъ , что будетъ «Халавскій». Они ухватились обѣими руками , просили выслать и предложили о вознагражденіи , чтò мнѣ получить? Я просилъ всѣхъ журналовъ русскихъ и для Анны Григорьевны *Revue étrangère*. Они поспѣшили меня удовлетворить. Я выслалъ имъ начало «Халавскаго». И самъ не знаю , помѣстятъ ли еще его и кста-ти ли онъ будетъ въ журналѣ; но дѣло сдѣлано. «Козырь-дѣвка» по обстоятельствувамъ , въ-отношеніи посвященія , нужно было издать въ-время ; но все осталось втупѣ , и я не знаю , кому и благодарить за изданіе! Явится на-дняхъ «Ганнуса» порусски ; это спекуляція не моя , а книгопродавца здѣшняго , на что я и рукою махнулъ. Вотъ все мои бродячіе , исключая театральныхъ : «Шельмѣшка» и «Сваташья». Двѣ части повѣстей сами по себѣ. Вотъ и полный мой отчетъ ; изъ него видно , что мало раскидано , и то по необходимости.»

V.

28-го апрѣля 1859 г.

— «О «Пустолобовѣ» рѣчь. Знаете ли , кромѣ огорченія отъ непріятности вамъ , чрезъ банкротство П*** , я обрадовался тому , что «Пустолобовъ» не будетъ печататься. И если возможно меня болѣе , нежели успокоить и одолжить—отложите печатаніе его вовсе. Я не боюсь шмелей ; я и уши заткну , я и лѣйду , чтобъ не слышать ; но близъ насъ

находящіяся блохи, клопы и прочая гадость, тѣ кусаютъ, или болѣе, беспокоятъ до того, что мѣста не найдешь! Журналистовъ не боюсь: они извѣрились, и каждый имѣетъ своихъ вѣрующихъ въ него. Но здѣшніе, домашніе, ежечасно встрѣчающіеся, опекуны, дворяне, судьи, предводители, полицейскіе, совѣтники, казначей, содержатели пансіоновъ и всѣ поименованные характеры, коихъ лица, носящія званія сін, примутъ на себя, и я отъ нихъ нигдѣ покоя не найду. Если вы коротко знаете разнокалиберный кругъ губернской и топки по деревнямъ и въ уѣздныхъ сборищахъ, то вы согласитесь, что мои опасенія справедливы. Я писалъ, что, еще не читавъ и не видѣвъ статьи въ альманахѣ, а только изъ Сѣверной Пчелы узнавъ, что помѣщенъ «Скунецъ», всѣ спрашиваютъ меня: «На кого я мѣтилъ? не на того ли, не на другаго ли?» Сообразивъ все это и повѣривъ моему опасенію, полагаю, что и вы согласитесь отложить и не вооружить... чтобъ не ввели въ такой храмъ славы, что и все бросишь! Тутъ же не безъ того, въ журналахъ встрѣчаются замѣчанія, насмѣшки, порицанія, колкости—все это монмъ уметствующимъ здѣшнимъ подаетъ оружіе къ отмщенію, и я, вмѣсто удовольствія, увижу послѣдніе дни мои отравленными; въ каждомъ встрѣчающемся просто человѣкѣ, буду встрѣчать врага себѣ и преслѣдователя. Гдѣ же некое во всю жизнь спокойствіе?... Много имѣю представить вамъ справедливыхъ опасеній отъ дѣйствій благородно мыслящихъ; по остальное все постигнете и согласитесь со мною, что надобно отложить. Если же, по какимъ-либо обстоятельствамъ, уже отмѣнить печатанія невозможно, что дѣло пошло гораздо впередъ и сопряжено съ убыткомъ кому-либо значительнымъ; въ такомъ случаѣ, я просилъ бы и прошу убѣдительнѣйше, сколько можно, отворотить отъ меня гласно составленіе этой книги. Нельзя-ли въ заглавіи сказать: «издано, или составлено «Х. Б. Ч. К. М.» и тому подобными буквами, какъ лучше придумаете; или просто: «издано обществомъ» или что угодно — что угодно, только бы не мое, или Основьяненка, или было! Уже и альманажная статья покажетъ на меня; по *отбросишь*, если въ полномъ изданіи закрыто будетъ! Еще бы и просилъ, разумѣет-

ся, когда уже невозможно приостановить печатанія, чтобъ, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сакаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ*, а какъ-нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще : когда настоящий Пустолобовъ служилъ у какой-то барыни, которая умничала и безпудно вела себя, сказано : что она *не имѣла волосъ и носила парикъ* ; выключите эту примѣту. По справкѣ оказалось , что у одной барыни , вовсе не такой, какъ моя, не имѣется волосъ на головѣ и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя, чертъ ее знаетъ , есть ли у нее волосы... И вообще все это похождение съ этою барынею такъ какъ-то сухо и незанимательно. Или бы и выкинуть его вовсе , или обработать и украсить чѣмъ интереснѣе. А что касается до губернскихъ чиновъ , такъ тамъ бѣда ! Куда ни оборотись , всѣ будутъ ворчать. Въмѣсто *губернскаго прокурора* о экипажѣ, нельзя ли перемѣнить , стряпчій верхняго земскаго суда ; совѣтника, къ которому явился Пустолобовъ для полученія мѣста , нельзя ли перемѣнить на секретаря намѣстническаго правленія , и проч. и проч. , всего и не припомню. А полиція что скажетъ? А мелкое дворянство? Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Однимъ-словомъ, доставите мнѣ больше, нежели одолженіе и успокоеніе, когда отклоните и возвратите мнѣ рукопись. Изъ нея можно будетъ выпускать отрывки для альманаховъ и въ журналы ; но все это по выбору и обдѣланное. А все изданіе пусть бы шло послѣ смерти моей, чтобы я покойно дожилъ вѣкъ въ кругу своемъ. Благодарую вашему и лестной дружбѣ вашей, такъ слѣпо доказанной, поручаю этотъ процессъ. Я изложилъ, хотя вкратцѣ, но намекнулъ на все, на всѣ опасенія отъ послѣдствій. Рѣшите дѣло, и я не буду апеллевать. Съ нетерпѣніемъ жду вашего заключенія, чѣмъ не отлагайте успокоить меня. Еще прибавлю: меньше бы я безпокоился , еслибъ какое-нибудь послѣдовало одобреніе свыше; тогда, видѣвъ вниманіе, можетъ-быть, прикусили бы языки; но кто же можетъ навѣрное знать? Еслибъ былъ здѣсь В. А. Жуковский, онъ задавъ мнѣ эту тѣму. Что бы онъ сказалъ? Взялся ли бы

поддержать тамъ, гдѣ надобно? Итакъ, съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія; не замедлите къ успокоенію моему».

VI

15-го мая 1839 г.

«Въ «Отечественныхъ Запискахъ» явится скоро «Панъ Халавскій». Это начало и отдано еще до поступления моего въ покровительство ваше. Онъ начатъ по препорученію Василія Андреевича, переданнаго мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника графа Пашина, чтобъ описать старинный бытъ малороссіянь, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго. Я понялъ, что это вышаго сословія, и сдѣлалъ начало. Чтò вы о немъ скажете? Если онъ заслужитъ ваше одобреніе, то его можно расподить, въ томъ же томѣ, отъ двухъ и до четырехъ частей. Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процессы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч. На чтò и буду ожидать рѣшенія вашего. И такъ понаберется частей восемь или и болѣе, кромѣ «Пустолобова», которому рѣшенія ожидаю отъ васъ.

«Ко всему этому я приступаю единственно по требованію вашему. Теперь же скажу съ всегдашнею моею откровенностію о главнѣйшемъ предметѣ. Я получаю отъ брата опредѣленную пенсію; разсчитанной мною, отъ числа до числа, отъ срока до срока, стаеть; но лишняго не бываетъ и ни откуда не приходитъ, слѣдовательно приступить къ печатанію я не имѣю никакой возможности. Занять для того денегъ, не смѣя и думать о вѣрномъ приобрѣтеніи, неприлично; а потому и должно отложить всякое попеченіе. Не полагаю возможнымъ, чтобъ нашелся совѣтный книгопродавецъ (гдѣ они?) взять изданіе на себя.

Общашныя выгоды едва-ли онъ исполнить, едва-ли устоять въ словѣ. И со мною были подобныя примѣры. Итакъ, это обстоятельство положить преграду всему, что вы, по доброму расположенію и участію, точно дружескому, хотѣли сдѣлать для меня. Это одно стѣсненіе заставляетъ меня отказаться отъ предложенія вашего и потому еще, что, по вашему предусмотрѣнію, первоначальная подписка въ наше время невозможна».

VII.

21-го іюня 1859.

«Со всею откровенностію отвѣчаю на послѣднее письмо ваше отъ 5-го іюня. Упражненія въ дѣлахъ, незатѣйливость, ограниченность въ жизни обратили на меня вниманіе дворянства. Я былъ постоянно избираемъ въ почетныя должности, когда нѣкоторыя изъ первѣйшихъ особъ не были удостоиваемы къ тому. Весьма-натурально, что это произвело зависть и желаніе повредить мнѣ; клеветали на меня, разсѣвали обо мнѣ разныя нечестности—ничто не помогало; я былъ избранъ въ Предсѣдатели Палаты. Злѣшніе завистники употребили все, чтобъ помѣшать мнѣ, и успѣли. Утвержденъ былъ не я, а младшій мой кандидатъ. Тутъ-то усилили слухи, что Г*** не благоволятъ ко мнѣ, а Б*** употребитъ все, чтобъ меня не допустить служить нигдѣ. Но дворянство, вопреки молвъ, не имѣя прямаго на счетъ мой запрещенія, избрало меня въ подобную первой почетную должность совѣтнаго судьи. Въ семъ званіи я имѣлъ счастье быть, вмѣстѣ съ прочими членами, представленъ въ Харьковѣ Государю Императору и удостоенъ, изъ-за другихъ, всемілостивѣйшимъ вопросомъ. Графъ видѣлъ меня и я не замѣтилъ отъ него нерасположенія, какъ бы должно ожидать къ человѣку, замѣченному въ чемъ бы то ни было. Больше: чрезъ него шли

представленія о наградахъ тогда же , и я не исключень имъ и представленъ и получилъ награду. На зло завистникамъ и клеветникамъ здѣшнимъ , избрали меня вторично въ совѣтныя судьи. Шумѣли, спорили, препятствовали явно, но меня все избрали. Если выйдетъ «Пустолобовъ», не будутъ ли они, имѣя средства, перетолковывать каждое въ немъ слово, а особливо въ главахъ о ходѣ выборовъ? Тутъ найдутъ и намеки и указанія на того, на другаго; и чего они не сплетутъ! А между-тѣмъ, въ слѣдующемъ году, наступаютъ выборы, и мнѣ бы желалось еще послужить, пока есть здоровье и силы. Давши всему превратный толкъ, могутъ сдѣлать свои внушенія. Вотъ причины, для коихъ не желалъ бы я, чтобъ «Пустолобовъ», при жизни моей являлся въ свѣтъ, чтобъ не нанесъ мнѣ неприяностей отъ собратій, увлеченныхъ мнѣніями и толками нерасположенныхъ людей! Конечно, одобреніе Г***, хотя бы словомъ, много бы меня ободрило и пріостановило бы дальнѣйшіе здѣшніе толки; но этого ожидать не смѣю. Итакъ, изволите видѣть, что ни явнаго врага, ни тайно дѣйствующаго ко вреду моему, не имѣю между важными и сильными; а беспокоятъ домашнія шавки или, лучше, клопы, тараканы, блохи и прочая домашняя гадость. А потому выпускъ «Пустолобова» въ свѣтъ или сокрытіе его подъ-спудъ совершенно зависить отъ васъ и въ этомъ отношеніи я заранѣе соглашаюсь съ намѣреніемъ и дѣйствіемъ вашимъ.

«Если вы нашли «Пустолобова», долженствующаго значить болѣе чего-либо, то прилично ли будетъ посвятить его Василю Андреевичу Жуковскому? Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, пѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное. Если вы одобрите мое пламенное желаніе и не найдете обстоятельствъ, препятствующихъ тому, то извольте располагать такъ же неограниченно, какъ и во всемъ, къ моей восторженной благодарности».

VIII.

5-го августа 1859. Основа.

«О «Халыскомъ». Гг. основатели «Отечественныхъ Записокъ», объявляя о сотрудникахъ, включили меня и потомъ отиселись, предлагая вознагражденіе. Я послалъ имъ «Халыскаго» первую половину, располагая изъ него сдѣлать что-нибудь цѣлое съ подробностями. Въ вознагражденіе требовалъ журналовъ, копихъ вышло на цѣну 265 руб. кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Они немедленно начали высылать все, и просили «Халыскаго» продолжать, хотя бы на восемь книжекъ, и что первая тетрадь будетъ помѣщена во второй книжкѣ.

«Головатый», какъ любимецъ Анны Григорьевны, принять ея въ свое покровительство и она предположила отъ него воспользоваться. Начавши дѣло съ «Отечественными Записками», мы хотѣли имъ послать записку, что намъ нужно будетъ ту цѣну, какую вы назначите; но если вы находите другую и удобнѣйшую дорогу къ удовлетворенію желаній нашихъ, то и зависеть совершенно отъ воли вашей. Мы вамъ ввѣрились и вамъ все предоставляемъ. Причемъ нужно объяснить. Вамъ извѣстно уже, что мы живемъ на пенсіи, достаточной для жизни, но въ дальнѣйшемъ неудовлетворительной. Въ осьмнадцать лѣтъ нашей суиружеской жизни я не могъ ничего доставить Аннѣ Григорьевнѣ. Теперь, когда, благодѣтельнымъ вашимъ участіемъ, открывается способъ и возможность пріобрѣсти что-нибудь для удовлетворенія приличій и необходимостей, и когда здѣсь, даже и за деньги, невозможно хорошее имѣть, то я и убѣждалъ и настоятельно упросилъ ее сдѣлать записку, сходно съ моимъ желаніемъ, что бѣ нужно имѣть? Она со-

ставила, съ означеніемъ цѣнъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Главнѣйшее затрудненіе, кто позаботится принести и купить все, не только по цѣнѣ, но и по достоинству? Е. П. Гребенка со всеѣмъ радушіемъ вызывается исполнять все, даже до модныхъ магазиновъ.

«О посвященіи ***». По должности, онъ меня нашелъ и, превознося, просилъ о присылкѣ «Пустолобова» и другихъ. Все прочее у него затеряно и не возвратилось. Богъ съ нимъ! Переписка наша самая дружеская; несмотря ни на что, я былъ все одинъ и хотѣлъ показать ему прямое, искреннее расположеніе, подписалъ ему статью; но какъ его не извѣщалъ, то и должно посвященіе исключить. О посвященіяхъ я думаю одинаково съ вами...

«О «Слободскихъ Полкахъ» прислала меня редакція «Отечественныхъ Записокъ». Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье-либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе.

«Полученіе денегъ ни на что болѣе не нужно, какъ на пріобрѣтеніе вещей, подобно какъ въ запискѣ. Слѣдовало тѣ же деньги отправлять обратно за вещами; и для того, лучше, не высылая денегъ (еслибъ когда оставались) удерживать ихъ до будущихъ надобностей».

«Хорошо Гоголю! На немъ почилъ существенно монаршія милости; онъ и не боится никого: всякій знаетъ о покровительствѣ. Но здѣсь, у насъ, правдою не возьмешь. О прочемъ всеѣмъ лучше молчать, какъ на выходку Полеваго противъ «Праздника Мертвецовъ» показываютъ, рассказываютъ немногіе, но все же шипятъ. А попалось имъ что такое, къ чему могутъ придаться, тутъ имъ наслажденіе!»

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила их и старанія достигать цѣли своей; а любопытно было бы взглянуть на нихъ ближе, слышать сужденія, толки и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, последнее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что на душѣ, послушался бы васъ, да хоть и назадъ ѣхать. Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду».

IX.

25-го септлбря 1859. Основа.

«Г. Полевой, воскуривая мнѣ оиміамы въ журналѣ, наконецъ отнесся чрезъ знакомаго съ тѣмъ же, и въ заключеніе просилъ статей въ «Сынъ Отечества». Я ему отказалъ; ни о статьяхъ, ни «о дѣлаемой мнѣ чести» ни слова; на томъ и кончилось! Однимъ словомъ, вездѣ иду и исполняю по наставленіямъ вашимъ. «Ганнүся» издана здѣшнимъ книгопродавцемъ, безъ моего участія и дальнѣйшаго надзора. Анна Григорьевна не полюбила ее сначала и теперь ворчитъ на меня за выпускъ ея. По-мѣтому, пусть идетъ въ-рядъ за прочими; есть и плоше ея. Еще одна готова: «Украинскіе Дипломаты». Вычлестивъ и перемотрѣвъ внимательнѣе, доставлю къ вамъ.

«Закрываю мое письмо усугубленіемъ благодарности за пехищеніе меня изъ когтей литературныхъ братій. Что они дѣлали со мной? Теперь вижу ихъ ясно, смѣюсь надъ веѣми ихъ выходками и покоенъ».

X.

27-го сентября 1839 г.

«Сегодня передано мнѣ отъ г. Смирдина приглашеніе участвовать въ «Сынѣ Отечества» и просили сказать объ условіяхъ, на которыя они заранѣе согласны. Я поблагодарилъ и, также на словахъ, сказалъ, что я не занимаюсь ех offісіо, чему давши слово посвятить себя, и пишу, когда вздумается. Ну ихъ совсѣмъ!»

XIII.

31-го января 1840.

«Мы, то-есть я и Анна Григорьевна, хотимъ попытаться дѣлать «Провинціальныя замѣтки на журналы» и передавать на разсмотрѣніе вамъ; но, за неполученіемъ еще журналовъ, не вмѣемъ ничего къ нашему занятію. Хочется, совершенно въ вашемъ духѣ, говорить, безъ язвительности, колкости, а всего менѣе, отверженной благоразуміемъ насмѣшки и браней; хотѣлось бы показать, что и въ провинціи есть люди, могущіе судить своимъ умомъ и неслѣдующіе за мнѣніями крикуновъ, учителей-самозванцевъ.

«Изъ повѣсти «Украинскіе дипломаты» я написалъ комедію и отъ дѣлшняго театра получилъ тысячу рублей. Кромѣ-того, пьеса очень нравится и ее давали нѣсколько разъ, по требованію, и еще будутъ давать; почему думаю, что и въ повѣсти она принята будетъ».

XIV.

9-го марта 1840.

«При семъ является «Панъ Халявскій», въ двухъ частяхъ, въ полное распоряженіе ваше, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ. Чтò вы о немъ скажете и какимъ его найдете—миѣ очень-интересно. Я же долженъ вамъ объявить, что (оставляя въ сторонѣ первую часть, которая была напечатана въ двухъ частяхъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ») вся вторая часть писана изъ доходившихъ до меня рассказовъ чудаковъ. Первое влюбленіе и за нами, грѣшными, было! Надробная рѣчь ходитъ по рукамъ, какъ подлинное сочиненіе одного, здѣсь извѣстнаго философа. Насильное взятіе въ службу «панычѣй» и уходъ ихъ оттуда, хотя бы и безъ чина — это все здѣшнія событія, еще воспоминаемая стариками. Поѣздка въ Петербургъ, угощеніе, и именно въ Тулѣ, пребываніе въ столицѣ, понятіе о городѣ, театрѣ и всё продѣлки, тамъ сдѣланныя — все это съ жаромъ рассказываетъ здѣшній чудакъ, какъ все съ нимъ случившееся. Раздѣлъ съ братьями такъ бываетъ обыкновенно; я самъ разбиралъ бібліотеку, гдѣ все третья и шестые томы были, и владѣлецъ ихъ, какъ неопровергаемый фактъ, представлялъ миѣ, что иначе нельзя было получить: «Я де былъ третій братъ!» Разломаніе лѣстницъ случилось точно, и все былое. Заключение «О папашѣ и мамашѣ» — это отъ избытка досады. О произведеніи всего этого судите по вашему усмотрѣнію.

«Съ «Халявскимъ» посылается и «Панна Сѣтиковна», любимица Анны Григорьевны. Ничего не скажу вамъ о ней; а скажите вы, когда прочтете. За нее было у меня большое преніе съ нашими умѣющими судить. Братъ мой, старшій меня и наблюдающій за честію на-

ціи, читавши, плакалъ и самъ подписалъ , что это истинное происшествіе , какъ оно и есть. Удостоите ее мѣста въ вашемъ «Современникѣ», въ какой книжкѣ заблагоразсудите; если же найдете что требующее измѣненія, по несообразности, по неестественности, возвратите и скажите, что и какъ передѣлать.

«Всю доходную часть отъ литературныхъ занятій моихъ , еще съ начала, я предоставилъ въ полное распоряженіе Анны Григорьевны, и пріедемъ убѣдительноше прошу сказать со всею откровенностію, при тешереннихъ обстоятельствахъ , не озабочиваютъ ли васъ наши препорученія и не отнимаютъ ли времени, такъ нужнаго для васъ?»

XV.

18-го мая 1840.

«Вы, я думаю , видѣли въ «Пантеонѣ» мою *комедію* ⁽⁷⁴⁾? Она точно написана давно , была у меня брошена , попала , вовсе безъ цѣли, въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ «Пантеонѣ». Я недоволенъ ею , а нѣкоторыя , хотя и ничтожныя выходки противъ нѣкоторыхъ , мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрогивать! Итакъ, если и вы недовольны моею комедіею, то знайте, что она поступила туда противъ воли и безъ вѣдѣнія моего , и я узналъ о ней вмѣстѣ съ выходомъ книжки. Въ чемъ и долженъ оправдаться предъ вами».

(74) «Пріѣзжій изъ Столицы».

XVI.

5-го августа 1840 г. Основа.

«Изъ всѣхъ гг. журналистовъ , честиѣ всѣхъ поступила со мною редакція «Пантеона». Извиняясь въ самовольномъ распоряженіи моею комедією, пообѣщала доставить все, но разсчету, и съ большою заботливостью выслала все, что нужно было для Анны Григорьевны, а всего-то мелочей, *рублей на сто* съ небольшимъ. Это меня заставило участвовать въ ихъ изданіи и послать имъ мои комедіи, никуда, кромѣ ихъ, немогущія идти ; да сверхъ-того , послалъ имъ кое-какія статьи мелкія.

«Прискорбно мнѣ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть чрезъ комедію (75) какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ! и еслибъ это предвидѣлъ , *вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи*. Тѣ же комедіи , кои послалъ въ «Пантеонъ», совсѣмъ другаго рода: одна изъ «Украинскихъ Дипломатовъ», другая также ни отъ кого не заимствована. Соперничать съ кѣмъ-нибудь никогда не номышлялъ, и еслибъ узналъ, что кѣмъ написанное— въ родѣ подобномъ моему, то скорѣе всего пріостановился бы и бросилъ свое».

(75) Любопытно, что нѣкоторымъ казалось, будто Основьяненко въ этомъ случаѣ заимствовалъ у Гоголя планъ «Ревизора».

XVII.

14-го декабря 1840. Основа.

« Пользуясь отсутствіемъ моей Анны Григорьевны, украдкою отъ нея, пишу къ вамъ , почтеннѣйшій другъ нашъ , Петръ Александровичъ , и все-таки съ безпокойною для васъ и убѣдительнѣйшею моею просьбою, вынужденный настоятельнымъ требованіемъ вашимъ относиться обо всемъ прямо къ вамъ .

« Анна Григорьевна именинница 3-го февраля... Долго я вывѣдывалъ у нея, что бы ей приготовить по вкусу ея, и наконецъ замѣтилъ, что ей хотѣлось бы имѣть шубу понаряднѣе и пристойнѣе , шубу, какія нынѣ носятъ, съ крышею и воротникомъ, хотя бы въ тысячу рублей, на средній ростъ. Цвѣта крыши не умѣю вамъ выразить ; но какой употребительный въ лучшемъ тонѣ .

« Она у меня одна въ мірѣ; ей желалъ бы доставлять все , что бы она ни пожелала , и потому дружбою нашею умоляю васъ не потяготиться моимъ препорученіемъ и не отказать—все прилично, и уложивъ все прочно , отправить чрезъ комиссію транспортовъ , чтобъ чрезъ почту неотяготительно было огромностью поклажи. Не умѣю вамъ выразить , какое доставите мнѣ удовольствіе, сдѣлавъ ей печальность по ея вкусу и желанію, все это предполагаю, въ надеждѣ удачнаго сбыта книжекъ, умоляя васъ не подвергать себя собственно какимъ-либо издержкамъ...

« Оканчиваю повтореніемъ убѣдительнѣйшей просьбы не тяготиться моимъ послѣднимъ симъ препорученіемъ и не прежде исполнить по

немъ , какъ когда способы за уплатою кареты будутъ позволять! Малѣйшее отягощеніе васъ въ этомъ случаѣ и всякая издержка ваша для насъ будетъ очень—прискорбна и Аинъ Григорьевнѣ , вмѣсто утѣшенія , принесетъ огорченіе...

«Въ случаѣ невозможности нынѣ исполнить , можно отложить и до будущей зимы ; главнѣйшее лишь бы вы не были ничѣмъ отягощены отъ насъ , чего мы въ правѣ требовать даже по дружбѣ нашей».

XVIII.

15-го сентября, 1841 года.

«Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ , существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ , знавшихъ его , слышавшихъ сужденія его и отъ нѣкоторыхъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его ; гордничиха , со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши , изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ , она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харьѣза*. Все объясняю для того , чтобъ не подумалъ кто , что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ* , то это не вишитъ его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его , не входя въ памѣренія , какъ теперешніе *критики* не смотрятъ на цѣль сочиненія , а наблюдаютъ , у мѣста ли поставлены *запятая , ъ , ы* , изящество бумажки и прочіе важные предметы...

«Какова латынь въ статьѣ? Но и это все , то—есть , страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью , и это все истинно: молодой чело-

вѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, еслибъ все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйствительно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодаго человѣка — вся септенція, и потому нужно бы, чтобъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана.»

XIX.

Письмо къ Жуковскому отъ 5-го декабря 1844 года.

«Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти и поставилъ лицо, страдающее отъ различныхъ угнетеній, не безъ разсудка вовсе, но по корыстолюбивымъ видамъ гонимаго до того, что его лишили даже воспитанія, на которое онъ, по роду и состоянію своему, имѣлъ полное право. За отнятіемъ сего блага, онъ страдалъ отъ того вездѣ и отъ всѣхъ цѣлую жизнь свою. Притомъ же, я полагалъ, что если онъ будетъ умнѣе, то не съ той уже точки будетъ смотрѣть на вещи и на все, встрѣчающееся ему, и перескажетъ уже не такъ, какъ прилично съ понятіями, одному ему свойственными.»

ПИСЬМА ДРУГИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ КЪ ОСНОВЬЯНЕНКЪ.

I.

*Письмо Михаила Николаевича Заюскина, отъ 1836 г. ноября 10-го
(Москва).*

«Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію *Пріѣзжіи изъ столицы*, которую вамъ угодно было, при вашемъ нисемѣ, доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и еслибъ я получилъ ее прежде, чѣмъ *Ревизоръ* былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непременно принята; но, такъ какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та же, какъ и въ *Ревизоръ* г. Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда чрезвычайно строга къ *подражаніямъ*, а увѣрить ее едва ли будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи г. Гоголя; впрочемъ, еслибъ это было и возможно, то и въ этомъ случаѣ ей покажется скучнымъ смотрѣть пьесу, которая во многомъ имѣетъ большое сходство съ нею, столько уже разъ игранною на нѣтербургской и московской сценѣ.

«Пріймите, милостивый государь, искреннее увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи къ автору комедіи «*Дворянскіе выборы*», которая, вѣроятно, имѣла бы величайшій успѣхъ, еслибъ могла быть дана на здѣшней сценѣ».

II.

*Письмо Владиміра Ивановича Далья-Луганскаго, отъ 1840 года.
(Число не означено).*

«Золото, чистое, ненаглядное золото получилъ я отъ васъ въ подарокъ. Сколько у меня ни есть знакомыхъ, добрыхъ людей, въ вашихъ и другихъ мѣстахъ, сколько я ни старался вызвонить отъ нихъ что-нибудь, никогда и ни отъ кого не получалъ подобнаго подарка, никто не понималъ нужды моей такъ, какъ вы. Удивляюсь одному только: какъ можно выпускать изъ рукъ такіе дорогіе запасы! Я говорю отъ души, никому бы не далъ этого, ниже первому и лучшему пріятелю своему, а скупился бы этимъ, какъ кладомъ неоцѣненнымъ и берегъ бы собственнo для себя. Этого и за деньги достать нельзя, а у меня бы за даромъ никто не выпросилъ. Просить о продолженіи не смѣю; а надѣяться могу, ибо вы сами говорите: «вотъ вамъ, на первый случай»; слѣдовательно будетъ, или по-крайней-мѣрѣ, могло бы быть другое? ⁽⁷⁶⁾».

«Если я не успѣю приступить въ самомъ скоромъ времени къ отдѣлкѣ вашего жемчуга, то можете во всякомъ случаѣ быть увѣрены, что я не пророню ни одного словечка изъ тетрадки вашей, а все пойдетъ современемъ въ строку. Занятія этого рода меня утѣшаютъ и забавляютъ, радуютъ и питаютъ. Тотъ, кто нынѣ занимается взятною словесностью нашего народа, того помянуть — коли не современники, такъ потомки. Пусть это будетъ мечта, сказка; да и не за былями же намъ гоняться...

⁽⁷⁶⁾ Любопытно бы видѣть въ печати всю посылку, которую получилъ почтеннѣйшій В. И. Даль отъ Основьяненка, его *Сказки*. Въ I томѣ «Повѣстей, сказокъ и разсказовъ Казака Луганскаго» изд. 1846 г., на 452—474 стр., напечатана только сказка «Вѣдьма» съ примѣчаніемъ на 454 стр.: «Сказку эту прислалъ мнѣ тоже казакъ, Грицько-Основьяненко. коли знавали его».

«Сдѣлайте одолженіе, благодарите сердечно почтеннаго издателя *Пословиць* за присылку книжки своей; благодарите его вдвое за благую мысль—приступить къ этому собранію, и подстрекайте, «не шиломъ, такъ мыломъ» продолжать, собирать и издавать все то, что ходитъ въ свиткѣ да въ кожухѣ. Отчего у насъ *нѣтъ* доселѣ достойной изящной словесности; развѣ мы не тѣ же люди что Нѣмцы, да Голландцы? Или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печеть? Советѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ позаморски, русскими словами, и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ, и не могутъ понимать, такъ точно, какъ кяхтинскіе китайцы говорятъ по-англійски такимъ говоромъ, котораго никто на свѣтѣ не могъ бы признать за англійскій языкъ; и англичане понимаютъ ихъ только по привыкѣ, по привычкѣ. Кто изъ русскихъ обжился съ словесностью нашею, тотъ читаетъ, кой-что понимаетъ; кто примется читать, надѣясь только на здравый умъ и на русскій языкъ, на коренной, простой русскій языкъ, тотъ будетъ стоять и слушать, какъ англичанинъ китайца. И лучшія произведенія знаменитѣйшихъ нашихъ писателей хвораютъ этою болѣзнію; все, что они пишутъ, нерусское по духу, нерусское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него какъ на прекрасный *переводъ* съ иностраннаго; а скажите, что это родное и вамъ природный русскій скажетъ: неправда. Но я залепортовался, и отмололъ съ плеча три страницы, писать на четвертую: «милостивый государь, вашъ—и проч.», да и печатать. Но я еще вспомнилъ: полно, разобрали ль вы моего «Пѣтушка»? Я такъ могу похвалиться, что у меня рѣдко кто, какъ полѣзетъ рыться въ бумагахъ, разберетъ то, что не для него написано; разобрались и хохлацкія вставочки?

«И у меня бѣда похожа на вашу. Я, что ни посылаю въ Питеръ, все, какъ чорту на голову: не добиться ни складу, ни ладу, ни толку, ни отвѣту. Трудно печатать, коли не жить въ типографіи... Еще разъ благодарю за «Климку — Злодѣя», за «Краденный Зубъ» и за «Вѣдьму», съ коими имѣю честь пребывать и проч.»

Письма Е. П. Гребенки къ Основьяненкѣ.

III.

На малороссійскомъ языкѣ, отъ 14-го сентября 1838 года. С.-Петербургъ.

«Давно, дуже давно я васъ знаю, добродію; не одынь разъ я одводывъ душу, балакаючи зъ вами, не разъ плакавъ видъ щпраго сердца, слухаючи вашихъ казокъ, або реготавсь, якъ той козакъ, до не змогу—отъ що! А вы ёго й не знаете! Ще недавно отце я вамъ казавъ, та й не я одинъ, а вси паши — превелике спасибі за *Козырь-дивку*; зъ биса десь була гарпа дивчина! Я читавъ ваше такежъ рукописне, у цензури; прочитавъ, та ажъ облизавсь! Тай подумавъ: Господы мій милостивый! якъ то народъ пише гарно по нашому, п чомъ отъ у тін журналы ничого такого не берутъ? А дали згадавъ, що п у мене ё зо двп, чи зо три приказокъ, та ё знаемый чоловікъ Котляребскій, та ще може зо два такихъ, що пишуть христіяньскою мовою, тай кажу соби: а пехай я поклошось добрымъ людямъ, та сберу невеличкій «Сбіршычокъ», пехай соби ходыть по билому свитови, хай потиша православныхъ! Эге, такъ? Такъ я до васъ зъ прошеніемъ: будьте ласкави, пане Грйцьку, пришлите якій небудь казень — люблящому п почитающому васъ землякови *Е Гребинци*. — P. S. Не можете ли достать чего малороссійскаго у Гулака-Артемовекаго?»

IV.

По-малоросійски и порусски, отъ 12-го октября 1838 г.

«А мабуть то мало и я зрадовавсь, якъ получивъ видъ васъ одвить, мій коханий паночку! Бо бачите, я хоть и мавъ васъ за доброго чоловіка, та все-таки не знавъ вашої натуры, думавъ и такъ и сякъ, и тее и сее. Жду и не диждусь «Оксаны»! И отбою нема одъ нашихъ хлопцівъ: а ихъ таки тутъ є зъ московскійї десятиокъ! Якъ я имъ сказавъ, то тилько й ричи: «а що, приїхала?» Я й гримву на нихъ: «Та кажу, що ни! адвьяжитця видъ мене!» то вони й пидуть сердешни, носы повисивши, мовъ тїи лелеки, далєби що правда!—На ваше предложєнїє объ изданїи «Литературныхъ Прибавленїи» на малоросїйскомъ языкѣ я говорилъ съ журналистами, и согласилъ Кр.*** издать четыре «Прибавленїя» въ годъ при новомъ журналѣ, съ 1839 г., «Отечественныя Записки». Всѣ литераторы, которые имѣють въ себѣ довольно гордости и не могутъ подчиниться деспотизму Сен—***го, будуть въ немъ участвовать: всѣ порядочные люди. Редакція поручила мнѣ пригласить васъ участвовать и на русскомъ языкѣ!—До зобаченья же, мій коханий пане; нехай видъ васъ одмахують крыльцями Божи янголы усяку напасть; нехай ваша доля насыпа ваши коморы борошномъ и кишени золотомъ; нехай ваша жинка и диточки⁽⁷⁷⁾ цвѣтуть, якъ макивочки: сѣго щиро бажа васъ дуже кохающїи *Е. Гребинка*. (Приписка на боку листа): Не здивуйтесь, що погано пописано! Така моя вдача: не вивчили добри люде краще писати.»

(77) Основьяпенка былъ бездѣтень...

V.

Отъ 18-го ноября 1858 года, помалороссійски и по русски.

«Добре, добре, паночку! Хибажъ я коли видъ дила цуравсь? Я й самъ свыту знаяв бы, та робывъ бы, абы було що! Изданіе «Прибавленій» должно быть подъ моимъ смотрѣніемъ, бо я трохи тямлю чоловічеську мову... Мы мусимо зробить чотыри книжки: першу у марти, другу у конци мая, або у іюни, третю къ Семену, або къ Воздвиженю, а четверти у Пилипівку, геть туды къ Риздву, після Савы, або Зачатія. А ще тутъ е у мене одинъ землякъ Ш***о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ёму сей та той! Якъ що напише, тильки цмокни, та вдаръ руками объ полы! Винъ минн давъ гарныхъ стихивъ на Сбирникъ. А отти бандурцеты, що вы прислали минн, щось не тее! Ноты, коли хочете прислать, то краще зъ басомъ, бо басъ у музици, якъ чоловікъ у семьи, не дуже то высипуе, але дае усе́му порядокъ, винъ голова... Уже, якъ хочете, а я вамъ признаюсь, паночку, що люблю вашу жинку, зроду не бачивъ, а чуючи, що вона дуже стало-быть мудрая. Краевскій чрезвычайно радъ видѣть вашего Халявскаго... Въ 1 № будетъ Марлинскаго: «Записки зачумленнаго офицера» — обяденіе! Изъ письма вашего вижу, что вы знаете Аванасьева; гдѣ онъ пропадаетъ? дайте ему мой адресъ и попросите написать ко мнѣ. Бувайте здоровы, зъ жиночкою!»

IX.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ ОСНОВЬЯЕНКА

(Съ 1816 по 1849 годъ).

Сочиненія, по малороссійски и по русски, печатанныя при жизни. — Сочиненія, изданныя съ 1843 года, по смерти. — Незданныя сочиненія.

Въ заключеніе статьи нашей о Квиткѣ, и въ облегченіе будущаго издателя *Полнаго собранія его сочиненій*, приводимъ хронологическій списокъ этихъ сочиненій, составленный нами съ большимъ трудомъ, потому-что почти никто изъ русскихъ авторовъ такъ не разбрасывалъ своихъ произведеній, какъ Квитка. Исчисляемъ ихъ по годамъ.

Если сочиненіе подписано прямо именемъ Квитки или псевдонимомъ Основьяенка, принадлежность его нашему автору не нуждается въ объясненійхъ; когда же оно подписано другими, не столь извѣстными псевдонимами, или осталось безъ подписи, указываемъ эти псевдонимы или ображенія, на которыхъ приписываемъ статью Г. О. Квиткѣ, если эти основанія не приведены уже въ нашей статьѣ.

1816 годъ ⁽⁷⁸⁾. 1) *Статьи объ Институтъ и Благотворительномъ Обществѣ въ Харьковѣ*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, мѣсяцы январь, апрѣль и май, на стр. 94 — 101, 238 — 247, 358 — 371, 108 — 115 и 291. 2) *Письма Оалалея Повинѣхина*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, на стр. 130 — 255 и 263, первыхъ мѣсяцевъ. Надписи: «февраля 8-го, 1816 года. Село... очень-извѣстно, и потому не скажу» въ другомъ: *Съ будущей кружев-*

⁽⁷⁸⁾ Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., ч. XXIII, № 30, стр. 145 помѣщена безъ подписи статья: *Харьковское Общество благотворенія*. По мнѣнію г. Тихонова, указавшаго намъ эту статью, она принадлежитъ также Квиткѣ. Если кто-нибудь другой изъ тогдашнихъ харьковцевъ не былъ корреспондентомъ «Сынѣ Отечества» такъ Основьяенко началъ печатать съ 1815 года.

ной фабрики, въ третьемъ: *Фабрика еще не построена*. Безъ подписи.
3) *Стихотворенія*. Въ «Харьковскомъ Демокритѣ» за 1816 годъ. Въ январѣ, на стр. 50 — 61, напечатано стихотвореніе: *Воззваніе къ женщинамъ*, на стр. 112 — 114-й стихотвореніе: *Не хочу*; въ мартѣ, стихотвореніе: *Милъ*, а далѣе, на стр. 118-й: *Двойные акростихи*; на имена «Марія», «Ліза», «Паша», «Софья» и «Надя».

1817 годъ. 4) Письмо: *Къ нынѣшнимъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, № 1, часть V, стр. 128—130. 5) Еще письмо къ издателямъ, *Оалалея Повинухина*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, часть VIII, стр. 121. Въ заглавіи стоитъ, очевидно вымышленная, замѣтка: *Эпифанскій уездъ*.

1818 годъ. 6) *Харьковскія записки. Письма къ издателямъ*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1818 годъ, часть XI, стр. 105 — 107, и въ XII части, стр. 105 — 109.

1820 годъ. 7) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» издаваемомъ Каченовскимъ. Москва. 1820 года за мартъ, № 5, стр. 5 — 11, май, № 10, стр. 150 — 155 и июнь, № 11, стр. 223—229. Подписи: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжбынымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ. Марта 4-го дня, 1820 года. Сыромѣтники*; въ другомъ: 1—19; въ третьемъ: *А. Шестериковъ. Городъ Т.*

1821 годъ. 8) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1821 годъ, № 5, стр. 66 — 70, 112 — 119, съ подписью: *Юноша Бѣлаго города*; также, за ноябрь, № 21 съ подписью: *Н. Н.*

1822 годъ. 9) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, № 4 февраль, стр. 301 — 314, съ подписью: *Оалалей Повинухинъ*; № 7 апрѣль, стр. 232 — 235, съ подписью: *Оалалей Повинухинъ. Апрель, 7-го дня, 1822 г. Оалалеевка*; № 9 и 10 май, стр. 141 — 145, съ подписью: *Оалалей Повинухинъ*; № 11 и 12, стр. 302 — 310, съ подписью: *Н. Н.* 10) *Малороссійскіе анекдоты*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, ноябрь, стр. 61—68, числомъ пять, и въ томъ же номерѣ еще два, на стр. 157 — 162. Въ

анекдоты : *безъ подписи* (разсказаны смѣью русскаго языка съ малоросійскимъ).

1829 годъ. 11) *Дворянскіе выборы*—комедія , въ трехъ дѣйствіяхъ. Москва, 1829 года. in 16°. Безъ имени автора.

1850 годъ. 12) *Дворянскіе выборы. Часть вторая или : Выборъ исправника, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Москва* (вышла отдѣльною книгою, въ другомъ, нежели первая часть, форматъ in 8°) (79).

1854 годъ. 13) *Исторія моего авторства*. Въ «Украинскомъ альманахѣ» 1831 года. Харьковъ. Стр. 28 — 52 подпись : *Украинскій пустынный*. 14) *Шельменко, волостной писарь*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ ; Москва; in 8°. Безъ имени автора (смѣсь малоросійскаго съ русскимъ языкомъ).

1852 годъ. 15) *Харьковская Гануся*. Повѣсть, въ русскомъ переводѣ, г. Погодина, въ «Телескопѣ», за 1832 годъ, часть VII, стр. 192—363 и 482 (имени автора неупомянуто, ни въ примѣчаніи редактора, ни самимъ переводчикомъ). Въ малоросійскомъ подлинникѣ, значительно пополненная, эта повѣсть издана отдѣльно, подъ названіемъ: *Гануся. Разсказъ Грицька — Основьяненка*. Харьковъ. 1839 года; въ 16°. Надпись: *Любови Яковлевны Кашицовой посвящаетъ Основьяненко*.

1855 годъ. 16) *Суплика до паца издателя*. Съ подписью: «Лыця, у пятее число, 1833 року». *Грицько Основьяненко*. Въ Альманахъ: «Утренняя Звѣзда» собраніе статей въ стихахъ и въ прозѣ. Харьковъ. 1833 г., 3 — 7 стр. 17) *Украинское утро*. Отрывокъ. Тамъ же, и съ полною подписью (на стр. 9 — 43). Въ этомъ же альманахѣ впервые напечатана извѣстная повѣсть Основьяненка: 18) *Солдатскій патреть*. Побрехѣнка. Стр. 44 — 48.

(79) Въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1846 г. № 9, въ статьѣ *П. И. Срезневскаго: Очерки книгопечатанія въ Болгаріи* на стр. 23-й говорится : «Вотъ наконецъ и еще одна книга : *Дворянскіе выборы*, Комедія—водевиль въ одно-дѣйствіе Переводена отъ русскій ать языкъ. Кишиово. 1843 (63 и V стр. in 8)». Имени автора не означено, и мы не знаемъ, принадлежитъ ли эта пьеса Квиткѣ.

1854 годъ. 19) *Малороссійскія повѣсти*, разсказываемыя Грицикомъ Основьяпенкомъ. Москва. 1834 и 1837 года. *Двѣ части*, въ 16-ю долю листа (*на малороссійскомъ языкѣ*). Второе изданіе въ Харьковѣ, 1841 года, съ пятью картинками, гравированными на стали. Содержаніе: 1-я часть, 1) *Солдатскій портретъ* (стр. 6 — 60) на заглавномъ листѣ прибавлено: «Латиньска побрехѣнька, по нашему разсказана»; 2) *Маруся* (стр. 63—313); 3) *Мертвецкій великъ день* (стр. 317—380); II-я часть (изданная уже въ 1837 году, хотя процезированная въ 1834 г.); 4) *Дьлай добро, добро и тебѣ будетъ*, стр. 5 — 106; 5) *Коютопская вѣдьма*, стр. 110 — 347 и 6) *Вотъ-тебѣ и кладъ!* стр. 351—441. Въ эти повѣсти переведены на русскій языкъ. *Солдатскій портретъ* въ переводѣ Даля, напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 года, 7-й томъ, стр. 108 — 138, и въ этомъ же переводѣ перепечатанъ въ альманахѣ г. Кукольника «Сказка за сказкой» 1842 года, т. 3, стр. 1—32, съ припиской: «Съ малороссійскаго разсказана». Въ малороссійскомъ же подлинникѣ впервые напечатана эта повѣсть въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» 1833 года. *Маруся* въ переводѣ В. П. С., напечатана въ «Современникѣ» (1838 года, XI часть). *Мертвецкій великъ-день* въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIII часть). *Дьлай добро, и тебѣ добро будетъ*, порусски напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIV часть). *Кюютопская вѣдьма* порусски напечатана, въ «Современникѣ» 1839 года (XV часть). *Вотъ тебѣ и кладъ!* порусски напечатана въ «Интературиой Газетѣ» 1839 года.

1856 годъ. 20) *Сватанье на Гончаровкѣ*. Малороссійская опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, на *малороссійскомъ языкѣ*. Съ надписью: *Сочиненіе Основьяпенка*. Харьковъ. 156 стр. въ 8-ю долю, 1836 года. Второе изданіе, также въ Харьковѣ, въ 1840 году. 21) *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Юсафа Горленко, епископа Бьлгородскаго. Кіевъ*. 61 стр. in 8° 1836 года, *безъ имени автора*. *Примѣчаніе*. У П. Ю. Книжки мы видѣли подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяпенка, съ пометками. При жизни его рѣдко кто зналъ объ этой брошюркѣ. Въ подлинникѣ о ней прибавлено: «Взято изъ собственноручныхъ записокъ Юсафа Горленка и другихъ достоверныхъ свидѣтельствъ, съ приложеніемъ извѣщенія о жизни святаго Аона-

си, патриарха Константинопольскаго, косяго мощи почиваютъ въ Лубенскомъ Мгарскомъ Монастырѣ». Рукопись въ большомъ форматѣ, на синей бумагѣ, въ 24 листа. При словѣ о «Лубенскомъ Монастырѣ», авторъ едвалъ оговорку: «Сколько было мнѣ возможно узнать *въ бытность мою въ ономъ монастырѣ*».

1858 годъ. 22) *Козырь дѣвка*. Повѣсть (помалороссійски) Санкт-петербургъ. 1838 года, въ 16-ю долю. Порусски напечатана въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII. 23) *Краткое историческое свѣдѣніе о Харьковской Губерніи. Основаніе Слободскихъ полковъ*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1838 г., № 1. 24) *О Харьковѣ и уездныхъ городахъ Харьковской Губерніи*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1838 годъ, № 3 (стр. 29 — 33); № 4 (35 — 39); № 5 (43 — 49); № 6 (стр. 51 — 55); № 7 (стр. 65—69); № 8 (стр. 73—75); № 11 (стр. 101—104); № 13 (стр. 113—119); № 18 (стр. 166—169), № 20 (стр. 183—187); № 22 (стр. 199—201); № 23 (стр. 207 — 209); № 24 (стр. 215 — 219); № 25 (стр. 225—227); № 26 (стр. 233 — 235).

1859 годъ. 25) *Листы до любезныхъ землякивъ* («Введеніе» и «четыре листа»). Харьковъ. 1839 года, въ 8-ю долю листа. *Помалороссійски*. 26) *Вотъ любовь*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1839 года, № XVI. Въ «Современникѣ» же 1840 года, № XVII (стр. 104—111, 3-й нумераціи) напечатанъ, въ новой передѣлкѣ, *конецъ этой повѣсти*, какъ замѣчаетъ редакторъ: «Въ избѣжаніе повтореніи конца прежней повѣсти *Маруся*, схожей съ судьбою героини: *Вотъ любовь*, поэтической Гѣлочки. Въ ссылкѣ, этотъ передѣланный конецъ относится авторомъ къ 105-й страницѣ, подлѣ 7-й строки, въ текетѣ повѣсти, напечатанной въ № XVI «Современника» за 1839 годъ. 27) *Торговля шерстью*. Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года № 51 стр. 328 — 330. Подпись (буквы наоборотъ) *К. Г.* 28) *Головатый* (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, въ 6-мъ томѣ. 29) *Панъ Халловскій*. Романъ, въ двухъ частяхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, въ 4-мъ томѣ, первая часть: стр. 5 — 73, вторая часть:

стр. 144 — 206. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатанъ только *первый томъ* (часть 1-я и 2-я) романа, дѣтство и юность героя. Оба тома вышли отдѣльною книгою въ Петербургѣ, въ 1840 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Сочиненія Основьяненка; Панъ Халлявскій*. Санктпетербургъ. 1840. При книгѣ два рисунка, на камнѣ: «Проводы дѣтей въ городъ» и «Обученіе пѣнію у дьячка, посредствомъ дранья за уши.» 30) *Скупецъ*. Эпизодъ изъ книги: *Жизнь и похождения Петра Степановича Пустолобова, помѣщика въ трехъ помѣстичествахъ*. Въ «Новогодникѣ» — собраніи сочиненій въ стихахъ и прозѣ современныхъ русскихъ писателей, изд. Н. Кукольника, 1839 года; стр. 22—42.

1840 годъ. 31) *О слободскихъ полкахъ*. Историческое изысканіе. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII, съ подписью: *Г. О. К.* 32) *О новой книгѣ* (листы до любезныхъ земляковъ). Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1840 года № 1. 33) *Украинскіе дипломаты*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVIII. 34) *Шельменко-денщикъ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Харьковъ въ 16-ю д. л. (Смѣсь русскаго съ малороссійскимъ языкомъ). Комедія эта передѣлана изъ повѣсти: *Украинскіе дипломаты*. 35) *Панна Сотниковна*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XIX, стр. 1 — 67, 2-й нумераціи. 36) *Ложныя понятія*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года № XIX, стр. 68 — 163, 2-й нумераціи. Обѣ повѣсти: *Панна Сотниковна* и *Ложныя понятія*, развиваютъ рѣшительно одинъ и тотъ же сюжетъ, только въ двухъ различныхъ развязкахъ, и напечатаны въ одномъ номерѣ журнала. 37) *Званые гости*. Полемиическій фельетонъ о журналахъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, подпись: *Т. А—въ. Марта 27-го дня. 1840 года. Хуторъ песчаный*. Общимъ оглавленіемъ «Современника» (до послѣдней его редакціи), эта статья и псевдонимъ приписаны Основьяненку. 38) *Городъ Харьковъ*. Описательный разсказъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, безъ подписи. По словамъ Н. А. Плетнева, этотъ разсказъ принадлежитъ Основьяненку. 39) *Ярмарка*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX. 40) *Черкатиноле*. Разсказъ. Въ «Маякѣ» 1840 года. Перепечатанъ въ альманахѣ «Молодикъ» 1843 года, II части. 41) *О правописаніи малороссійскаго языка*. Статья: Г. Основьяненка. Въ «Маякѣ»

за 1840 годъ; часть 4, стр. 4 — 6, въ смѣн. 42) *Божія дѣти*. Повѣсть. Въ альманахѣ «Утренняя Заря» за 1840 годъ. 43) *Привѣжіи изъ столицы, или суматоха въ узьдиомъ городѣ*. Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Гринкѣ Основьяненка. Въ «Пантеонѣ», за 1840 годъ, № 3, на заглавной страницѣ надпись: *писано въ 1827 году*.

1841 годъ. 44) *Жизнь и похождения Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ*. Рукопись XVII вѣка. Три части.—Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 114 — 166, помѣщены отрывки изъ этого романа; именно: главы X, XI, XXI, XXII и XXIII. Писанъ ранѣе «Халавскаго», какъ видно изъ корреспонденціи автора. 45) *Мемуары Евстафія Макукичина*. Полемиическій фѣлетонъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 1—34, въ отдѣлѣ критики. 46) *Фешошка*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII. 47) *Герой оцаковскихъ временъ*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXIII. 48) *Украинцы*. Очеркъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII, стр. 75 — 85, *безъ подписи*. По словамъ П. А. Плетнева, этотъ очеркъ принадлежитъ Основьяненку. 49) *Добрый панъ*. Разсказъ. Въ альманахѣ «Кіевлянинъ» за 1841 годъ (книга вторая). *Примѣчаніе*. Въ этой книгѣ, между прочимъ, напечатана статья издателя М. М. «О правописаніи малороссійскаго языка». *Письмо къ Основьяненку* (стр. 153 — 180). 50) *Пархімово снѣданья*. Очеркъ. Въ альманахѣ Гребенки, «Ластовка» 1841 года, стр. 251 — 278 (номалороссійски). 51) *На пѣщаньяхъ якъ завязано*. Въ альманахѣ «Ластовка» за 1841 годъ (номалороссійски). 52) *Сердѣшка Оксана*⁽⁸⁰⁾. Повѣсть, номалороссійски. Въ «Ластовкѣ» 1841 года. Переведена, норусски, въ «Москвитянинѣ» 1842 года. 53) *Маргарита Прокофьевна*. Повѣсть. Въ «Москвитянинѣ» 1841 года часть V. 54) *Знакомые незнакомцы*. Разсказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 1 и 3,

⁽⁸⁰⁾ Переведена въ Парижѣ, въ 1854 году, подъ названіемъ: «Oksana ou l'orgueil villageois et ses Ravages, ou l'histoire grave et veridique de 35 kopeeks, ancienne chronique de l'Ukraine—par Kwitka, traduit par M. Charlotte Moreau de la Melhière, 1854, Paris», in 12°.

за 2-е и 7-е января. 55) *Ботфортъ*. Разсказъ штаб-лекаря, Нахома Пампушкина. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 53 и 54. 56) *Театръ въ Харьковѣ*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1841 года, № 32 (стр. 287 — 295), № 33 (стр. 300 — 303) и № 34 (стр. 310 — 314). 57) *Исторія театра въ Харьковѣ*. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 114 и 115 (перепечатка предъидущей статьи). 58) *Знахарь*. Разсказъ. Въ альманахъ: «Наши списанные съ природы русскими». Изданіе Я. А. Неакова. Санктпетербургъ 1841 года, стр. 124 — 154. Съ тринадцатью политинажами. 59) *Разсказъ*. Небольшой анекдотъ, въ альманахъ: «Русская бесѣда». Часть 2-я Санктпетербургъ, 1841 года.

1842 года. 60) *Друзья*. Разсказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, № 4. 61) *Вояжеры*. Фантазія. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, №№ 26 — 27 и 28. 62) *Быль*. Разсказъ, на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Маякѣ» 1842 года, томъ III, книга V, въ Сѣбѣн, въ два столбца, одинъ на малороссійскомъ языкѣ, а другой въ русскомъ переводѣ. 63) *Преданія о Гаркѹшѣ*. Историческій очеркъ, въ сценахъ. Въ «Современникѣ» 1842 года.

1845 года. 64) *Двѣнадцатый годъ въ провинціи*. Повѣсть. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года; томъ XXVII. 65) *Основаніе Харьковова. Старинное преданіе*. Въ «Молодикѣ», альманахъ П. Бекаго, на 1843 годъ; часть 1-я. При этомъ вынескъ «Молодика» приложенъ *портретъ Основьяненка*, работы С. М. Башмакова, единственный, какой былъ до изданнаго нами. 66) *Умныя дѣти*. Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года, за мартъ. 67) *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ*. Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года.

Черезъ мѣсяцъ, по напечатаніи этого разсказа, Основьяненко скончался. Нѣкоторые труды его изданы по смерти, а нѣкоторые остаются донынѣ въ рукописи. Печислимъ ихъ, на сколько позволяютъ намъ собранныя свѣдѣнія.

Въ томъ же году: 68) *Индбрѣхачъ*. Анекдотъ помалороссійски. Въ «Молодикѣ» на 1843 годъ, часть II, стр. 104 — 108. Подпись:

Основьяненко. 69) *Народныя воспоманія, когды и для чего поставлены пунки близь дома Дворянскаго Собранія въ Харьковѣ*. Въ «Литературной Газетѣ» 1843 года; № 36, стр. 656 — 658, подпись: *Г. О. Квитка — Г. Основьяненко*. 70) *Отвѣтъ г-ну Тихорскому* на его статью въ сентябрьской книжкѣ «Маяка», за 1842 г., въ критикѣ на сборникъ г. Корсуна «Спѣнь»; Въ «Маякѣ» за 1853 г.; томъ X, стр. 34 — 37. По случаю этому, на 37 стр. тамъ же помѣщена, статья П. Тихорскаго: *До пана Основьяненка*.

1844 годъ. 71) *Татарскіе набѣги, выдержки изъ памяти*. (Любопытныя записки старожила о Харьковской старинѣ). Въ «Сказкѣ за сказкой» альманахѣ Н. В. Кукольника. Томъ IV. 1844 года. Стр. 67—162.

1845 годъ. 72) *Воляжеры*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ: *Г. Основьяненко*. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1845 годъ, въ 75-мъ томѣ; стр. 9 — 104.

1846 годъ. 73) *Безрочный*. Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г. январь. Въ III Отдѣлѣ (*Правоописатель*): Грицька Основьяненка.

1848 годъ. 74) *Мертвецъ-шалунъ*, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ; въ № 12 стр. 1 — 34. «Реператуара» 1848 г., подпись: *Грицько Основьяненко*. 75) *Щира любовь, або милый дорожини счастья* Драма, помалороссійски. Въ альманахѣ г. Амвросія Метлишкаго «Южно-русскій сборникъ» за 1848 годъ; стр. 1 — 88, 5-й нумераціи. Надпись: *Грицька Основьяненка. Григорія Квитки. Выложена изъ бубальщины*. Эта драма взята изъ повѣсти того же содержанія, напечатанной въ «Современникѣ» 1840 года, подъ именемъ: *Вотъ любовь!*—А. Н. Островскій перевелъ драму *Щира любовь* для русскои сцены, и она дана, три года назадъ, въ Москвѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ; но, несмотря на имя двухъ авторовъ, не имѣла успѣха, за отсутствіемъ актеровъ, которые бы знали языкъ Малороссіи.

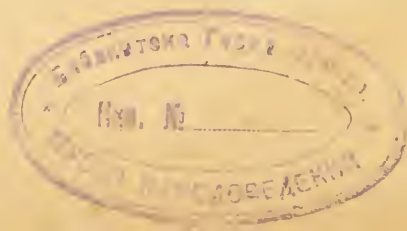
1849 годъ. 76) *Г. О. Квитка о своихъ сочиненіяхъ*. Статья въ «Москвитяинѣ» за 1849 годъ, № 20, книга 11-я, стр. 327 — 334. Въ примѣчаніи сказано: *изъ оставшихся бумагъ; доставлена Н. Ю. Бецкимъ*.

Въ письмахъ къ издателю «Пантеона» Ф. А. Кони, и въ другихъ, Основьяненко упоминаетъ еще о комедіи: *Ясновидящая*, которая была послана въ Петербургъ, но не была напечатана. Основьяненко упоминаетъ въ тѣхъ же письмахъ еще о разныхъ неизданныхъ его вещахъ; о комедіи: *Турецкая шаль*, о статьѣ: *Волчанскъ*, объ оперѣ: *Купало на Ивана* и др.—К. М. Семеновскій называетъ также неизданное сочиненіе Основьяненка: *Краткая священная исторія, на малороссійскомъ языкѣ, для простолюдиновъ*. Въ 1847 году, поставлена на сцену комедія Основьяненка: *Бой-жѣйка*. Эта пьеса также не напечатана. Въ рукописяхъ покойнаго, которыя переданы намъ, находится нѣсколько упомянутыхъ уже нами неизданныхъ стихотвореній его и *Маршъ*, съ музыкою для фортепьяно, его сочиненія. Другія посмертныя рукописи нашего автора, переданныя женою покойнаго другому лицу, бывшему однимъ изъ близкихъ къ Основьяненку, заключаютъ еще нѣсколько стихотвореній, неперевѣленный списокъ повѣстей: *Очки* и *Губернскія сцены*, и планъ *Комедіи* на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Молодикѣ» (въ статьѣ объ украинской литературѣ), упоминается еще о рассказѣ Основьяненка: *Готороптѣ*. В. П. Даль упоминаетъ въ письмѣ къ намъ его сказки, присланныя ему въ рукописи и неизданныя: *Клипка-злодѣй*, *Украденный зубъ* и *Вѣдьма*. Последняя сказка издана въ переводѣ Дая-Луганскаго, какъ мы видѣли выше, въ видѣ повѣсти, въ собраніи его «Повѣстей и рассказовъ», вышедшемъ въ 1846 году, въ I т. на стр. 352 — 474, съ выноскою, что доставлена въ подлинникѣ Квиткою. П. А. Корсаковъ упоминаетъ еще о статьяхъ: *Волчанскъ* и *Бесѣды о спасеніи души*; также объ оперѣ: *Купало на Ивана*.

Наконецъ, сюда же относятся всѣ собственноручныя письма Основьяненка къ литераторамъ и друзьямъ, впервые публикуемыя въ нашемъ трудѣ въ отрывкахъ...

Мы собрали о Квиткѣ все, что было доступно. Представить подробный разборъ его сочиненій мы отлагаемъ до другаго случая. Квитка въ украинской литературѣ составляетъ явленіе рѣдкое и исключительное. Въ Малороссіи онъ пользуется донинѣ громкою и заслуженною извѣстностью. Въ остальной же Россіи его едва замѣтили въ лучшую пору его дѣятельности; а теперь онъ въ ней почти позабытъ, вмѣстѣ съ Гребенкою, его вѣрнымъ послѣдователемъ. Мы думаемъ, что, оставя въ сторонѣ слогъ и вѣрность мѣстныхъ красокъ и характеровъ, это произошло оттого, что Основьяненко, не представивъ никакого, болѣе-живаго, внутренняго начала, явился для критиковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ писателемъ стараго времени.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМЪЧАНІЕ.

Какъ продолженіе «Біографіи Основьяненка» готовится статья: *Жизнь, сочиненія и переписка Сковороды*, украинскаго писателя второй половины прошлаго вѣка, обнимающая собою картины украинскаго общества, со времени императрицы Елисаветы, до конца царствованія Екатерины-Великой. Имѣя въ рукахъ все о немъ печатное, нѣсколько его рукописей и преданій о немъ, авторъ проситъ покорнѣйше всякаго, у кого есть еще какія-нибудь свѣденія о Сковородѣ, сообщить ихъ ему, адресуя: въ Петербургъ, въ «Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» для передачи Г. П. Данилевскому. Если доставителя, съ признательностью, будетъ объявлено при напечатаніи труда.

ОПЕЧАТКИ.

На 24 стр., въ примѣчаніи, сказано: Оспенскій, профессоръ философіи; слѣдуетъ — *математики*. На 38 стр., внизу, слѣдуетъ читать: М. А. Максимовичъ въ 1827 году издалъ пѣсни; и на 40 стр. слѣдуетъ читать: О. М. Бодянский въ 1835 году издалъ сказки.

Цѣна 1 рубль серебромъ.